

Я. Е. Водарский

Загадки Прутского похода Петра I

НАУКА

Я. Е. Водарский

Загадки Прутского похода Петра I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Я. Е. Водарский

Загадки
Прутского похода
Петра I

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(47)“654”
ББК 63.3(2)46
В62

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН А.Н. САХАРОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук А.И. АКСЕНОВ,
доктор исторических наук А.И. КОМИССАРЕНКО

Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I / Я.Е. Водарский; отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 2004. — 227 с. — ISBN 5-02-033510-X (в пер.).

Прутский поход — основная кампания в русско-турецкой войне 1710—1713 гг. С ним связан ряд легенд, которые до сих пор повторяются в справочниках, научной и научно-популярной литературе. В книге на основе широкого круга архивных и опубликованных источников прослежены происхождение и развитие этих легенд.

Для специалистов и читателей, интересующихся историей Отечества.

ТП-2005-№ 310

ISBN 5-02-033510-X

© Водарский Я.Е., 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство “Наука”,
редакционно-издательское
оформление, 2004

Ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением.

Декабрист В.И. Штейнгель

Историография Прутского похода и задачи исследования

Загадочных событий в истории много. Работа историка-исследователя похожа на работу следователя, расследующего давнее преступление. Свидетелей уже нет в живых, но, кроме официальных документов, сохранились их показания — письма, дневники, описания событий, воспоминания. Все они окрашены эмоциями, которые сейчас трудно понять, осложнены ошибками памяти, часто пристрастные, почти всегда неполные и неточные. Историкунелегко разобраться в этих свидетельских показаниях людей другой эпохи, другого общественного положения. При этом часто их очень мало, или они еще не найдены и пытаются где-то в архивах и на библиотечных полках. Но наука движется вперед: разыскиваются исторические источники, содержащие ранее неизвестные факты, позволяющие по-новому понять уже известные.

Прутский поход 1711 г. явился главным событием русско-турецкой войны 1710—1714 гг. Русская армия, которой номинально командовал генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, а фактически — сам Петр, попала в тяжелое положение, оказавшись окруженной численно превосходившим ее турецко-татарским войском во главе с великим визирем* Балтаджи-

* *Визирь* в русских источниках писали как *везирь*. Но турецкий историк А.Н. Курат, издавая в 1953 г. депеши английского посла в Стамбуле Суттона, приложил к ним составленный им (Куратом) “Словарь турецких терминов”, где поместил этот термин в написании “vizier”, т.е. визирь. Визирей было несколько, главный из них назывался “первый визирь” (“первый” было указано и на его печати), но по русской традиции он называется “великий визирь”.

Мехмет-пашой и крымским ханом на берегу реки Прут. Петр вынужден был заключить мир, по которому возвратил Турции крепость Азов, взятую им в 1696 г. Таким образом, Россия потеряла выход в Азовское море.

Многие связанные с Прутским походом события окружены тайной. Историки порой дают им самые невероятные и противоречивые объяснения.

Первая загадка. Некоторые историки сообщают, что, попав в окружение, Петр так растерялся, что сопровождавшей его жене Екатерине Алексеевне, будущей императрице Екатерине I, пришлось самой созвать военный совет, добиться на нем решения предложить мир туркам и послать подканцлера* П.П. Шафирова в турецкий лагерь, дав ему свои драгоценности для подкупа великого визиря. В то же время в воспоминаниях участника похода бригадира Моро де Бразе говорится, что военный совет был создан самим Петром. Так кто же прав в этом случае?

Вторая загадка. Если роль Екатерины преувеличена, то как, когда и почему возникла легенда о ней?

Третья загадка. Одним из тех, кто побуждал турок к войне с Россией, был убежавший в Турцию после Полтавы Карл XII, однако в Прутском договоре никаких уступок России в пользу Швеции нет. Одни историки объясняют это тем, что великий визирь был подкуплен русскими. Другие это отрицают. Если даже визирь был подкуплен, то почему султан ратифицировал этот мир?

Четвертая загадка. В документах, а вслед за ними и в описаниях Прутского похода, указывается разная численность турецко-татарского войска. В первом случае это 120 тыс. турок и 20—30 тыс. татар, во втором — 270 тыс. турок и татар. Разница существенная. Какой же была истинная численность, и откуда взялась ложная?

Пятая загадка. Ряд историков утверждают, что взятие специально посланным русским отрядом крепости Браилов на Дунае в тылу турок произошло до подписания мира и оказало благоприятное для России влияние на его условия. Другие исто-

* Заместителя канцлера (министра иностранных дел).

рики считают, что Брайлов был взят уже после подписания мирного договора. Кто прав, и когда в действительности был взят Брайлов?

Шестая загадка. В 1785 г. было опубликовано так называемое “письмо Петра Великого с берегов Прута”, в котором он приказывал сенату, в случае своего пленения турками, избрать из сенаторов нового царя. Многие историки считают его подделкой. Поддельное ли оно на самом деле, и если — да, то кто и зачем это сделал?

Седьмая загадка. Текст Прутского мирного договора был неоднократно опубликован, но в двух существенно различающихся вариантах. Который из них подлинный, почему появился второй и почему его принимали за подлинный?

Восьмая загадка. Многие историки оценивают Прутский поход как военное поражение русской армии, а некоторые считают, что армия не была разбита. Так было ли военное поражение русской армии в этом походе?

Специальное исследование турецкого историка А.-Н. Курата “Прутский поход и мир”, в 2-х томах, вышло в 1951—1952 гг.¹ В первом томе Курата помещены обзор литературы и источников, описание международной обстановки в начале XVIII в., взаимоотношений Турции с Россией и Польшей, подготовки к войне с Россией и похода, включая сражение на Пруте. Второй том посвящен переговорам, заключению мира и обстановке в Турции после похода.

Исследование Курата фундаментально. Автор использовал массу источников, в том числе опубликованные и неопубликованные донесения дипломатов, материалы из турецких архивов: из фонда великих визирей, участника похода чиновника государственной казны Ахмеда бин-Махмуда и другие, работы турецких, русских, немецких, шведских, польских историков. В нем содержатся новые важные выводы о цели, к которой стремились турки, начиная войну, о выработке условий мира, о численности турецко-татарского войска и т.п. Но Курату остались неизвестными многие источники, особенно хранившиеся в наших архивах и опубликованные уже после выхода в свет его

работы. Спустя 10 лет, в 1962 г. в статье на немецком языке, в которой он изложил результаты своего исследования, он признал, что “многое остается еще неразъясненным”². В частности, Курат не смог выяснить, как именно происходили русско-турецкие переговоры.

Кроме того, Курат не смог объяснить ряд противоречий и недоумений, возникающих при чтении официальных документов, писем и мемуаров современников и сочинений историков, а именно: почему турки не выдвинули условий в пользу Карла XII, были ли они склонны заключить мир до начала военных действий, какое влияние на согласие турок вступить в переговоры оказал отказ янычар атаковать русский лагерь утром 10 июля и многие другие. Он неверно передает выдвинутые турками условия; выражает свое согласие с утверждением немецкого историка Юберсбергера, будто турки упустили благоприятный момент из-за своего корыстолюбия; прямо не говоря о решающей роли подкупа визиря, все же подчеркивает его большое значение; ошибочно пишет, что драгоценности для визиря прибыли в турецкий лагерь до заключения мира; повторяет легенду о решающей роли Екатерины; не объясняет, почему текст Прутского мирного договора опубликован в двух вариантах, и т.п. Но все же это самая полная и подробная работа по истории Прутского похода, содержащая ценные наблюдения и выводы, которая ввела в научный оборот много новых сведений из неизвестных ранее источников.

История этого похода часто кратко освещается в обобщающих трудах, исследованиях смежных проблем и биографиях Петра и других деятелей эпохи. Но, конечно, в разделах и статьях по другим темам, ее нельзя было осветить достаточно подробно. Лучшим является раздел в работе С.Ф. Орешковой³ о русско-турецких отношениях в начале XVIII в, основанной на изучении большого круга источников, в том числе турецких. С.Ф. Орешкова правильно указала, что “причины и результаты войны можно понять, лишь рассматривая ее как звено общеевропейских отношений начала XVIII в.”, что для России “война с Турцией была прежде всего досадным эпизодом, отвлекавшим ее от борьбы за Балтийское побережье”, и что

Прутский мирный договор “в создавшихся трудных условиях войны на два фронта устраивал царя, так как не содержал каких-либо уступок и обязательств, нарушавших русские планы в отношении Балтийского побережья”. Однако ряд вопросов остался неосвещенным. С.Ф. Орешкова исследовала международные отношения, не ставя перед собой задачу дать анализ военных действий.

После выхода в свет труда Курата в научный оборот были введены многие новые источники. Они широко используются в работах Н.Н. Молчанова⁴, Н.И. Павленко⁵ и других исследователей, занимающихся событиями начала XVIII в. Все эти работы дают относительно полное освещение дипломатической подготовки войны и основных событий Прутского похода, однако в описании похода они содержат неточности, и это обстоятельство подтверждает необходимость специального изучения Прутского похода и условий заключения Прутского мирного договора.

Опубликованные русские архивные источники позволяют исправить некоторые неточности дипломатов и мемуаристов. Но чтобы найти обоснованные ответы на все перечисленные выше загадки, потребовалось довольно долго копаться в архивах и литературе. Кратко они уже были изложены автором в разных местах комментариев в первом выпуске XI тома “Писем и бумаг императора Петра Великого”, в статье о походе и в рецензии на статью Курата⁶. Однако неточности снова и снова повторяются в новых справочниках, трудах историков и научно-популярных работах.

В этом исследовании воедино сведены ответы на загадки Прутского похода, показано, как автор пришел к этим ответам, почему они кажутся ему убедительными (даже те из них, которые не имеют прямого подтверждения в источниках), почему эти неточности могли попасть в печать, предпринята попытка воссоздать точную и подробную картину военных действий и хода мирных переговоров. Конечно, в отношении части загадок трудно сказать с уверенностью, что предлагаемые объяснения верны на все сто процентов. Но имеющиеся

данные дают возможность выдвинуть гипотезы, подкрепленные анализом источников и дающие правдоподобные объяснения.

События Прутского похода, как и всякой войны, очень драматичны. Автору показалось заманчивым, используя строго научный подход к источникам, изложить и проанализировать факты в доступной для читателей форме, раскрыть перед ними лабораторию историка, то есть показать применение методов исторического исследования. Большое количество цитат позволит услышать дошедшие до нас голоса участников и современников похода. Это будет значительно выразительнее, чем пересказы зафиксировавших их документов и мемуаров, и, что гораздо интереснее, позволит самим познакомиться с первоисточниками — донесениями, дневниками и воспоминаниями — и лучше понять действия людей того времени.

Многие пояснения автора, скорее всего, будут лишними для специалистов-историков, но хотелось бы, чтобы в книге все было понятно не только им, но и всем, кто интересуется историей нашего Отечества.

Получилось ли это — судить читателям.

* * *

Итак, пора заглянуть за кулисы истории. Мы отправимся в начало XVIII столетия и познакомимся с царственными особами и авантюристами, генералами и дипломатами, их шпионами и нашими разведчиками. Мы будем следователями, обвинителями и защитниками в одном лице и попытаемся олицетворить собою суд истории: восстановить по их повелениям, донесениям, воспоминаниям истинную картину давно прошедших событий и дать им оценку*.

* Даты даются по старому стилю.

Источники

Цель работы историка — выяснить факты и объяснить их, т. е. исследовать события при помощи анализа сведений о них. К сожалению, историк может лично познакомиться с участниками и свидетелями событий только в том случае, если он изучает недавнее время. Историкам же прошлых эпох приходится иметь дело лишь с сохранившимися документами и “свидетельскими показаниями” — воспоминаниями современников.

Читая документы эпохи, невольно представляешь себе их авторов, вырисовываются характеры, а знакомство с их жизнью и деятельностью часто помогает понять и оценить то, что они в свое время сделали, сказали или написали. Поэтому и мы, прежде чем приступить к изучению документов, писем и мемуаров, попытаемся выяснить, хотя бы в общих чертах, с кем нам придется иметь дело.

Начнем с наших деятелей и сторонников.

Самый осведомленный и важный свидетель — это, конечно, Петр I. Он хорошо известен, поэтому приведем только два высказывания о нем наших историков-классиков.

В.О. Ключевский писал: “Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную, техническую часть войны; он оставался обычно позади своей армии, устроил ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы... всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой...” Е.В. Тарле, приведя эту выдержку, дополняет ее: “Петр был душой русского верховного командования”, “первоклассным полководцем начала XVIII столетия... умел подчинять порывы своей страстной, эмоциональной натуры холодным велениям разума и политической выгоды”⁷.

Формально в Прутском походе главнокомандующим был Б.П. Шереметев, а Петр служил под его началом как генерал-лейтенант, но, конечно, все знали, кто принимает решения. Документы, написанные, отредактированные и подписанные Петром — это государственные акты, военные и дипломатиче-

ские инструкции и переписка с монархами, генералами, дипломатами и другими деятелями, а также документы, предназначенные для обоснования официальной позиции русского правительства. Они содержат распоряжения, информацию, требования и запросы. Все бумаги Петра I и связанные с ними донесения и письма его соратников, написанные в 1709—1711 гг., в том числе П.П. Шафирова, П.А. Толстого, Б.П. Шереметева и других, с которыми мы познакомимся дальше, опубликованы в “Письмах и бумагах императора Петра Великого”⁸.

Петр сам руководил всеми отраслями государственного управления и иностранными делами. Под его редакцией и при его участии был составлен “Журнал или Поденная записка государя императора Петра I Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира”, в которой дано изложение и событий Прутского похода⁹.

Ближайшим помощником государя по дипломатии был канцлер (министр иностранных дел) Гаврила Иванович Головкин, но в сношениях с Турцией выдающуюся роль сыграли два других дипломата: подканцлер (заместитель канцлера) П.П. Шафиров и посол в Стамбуле (Константинополе) П.А. Толстой.

Петр Павлович Шафиров (1669—1739), по преданию, в молодые годы был приказчиком в лавке своего отца, где его и увидел Петр. Смысленный юноша, в то время ему было 22 года, хорошо знавший несколько иностранных языков, понравился царю и в 1691 г. был взят на службу переводчиком в Посольский приказ, ведавший иностранными делами. В 1697—1698 гг. Шафиров сопровождал Петра в поездке за границу, в 1703 г. он стал личным секретарем канцлера, а в 1706 г. — подканцлером. После Прутского похода Шафиров долгое время пользовался милостями царя, но поссорился с А.Д. Меншиковым, и стараниями последнего был уличен в казнокрадстве. Петр отдал Шафирова под суд, приговоривший его, вице-президента Коллегии иностранных дел, сенатора и тайного советника, к смертной казни. Уже возведенный на эшафот, Шафиров был помилован, но разжалован и сослан в Новгород. После смерти Петра Екатерины I, нуждавшаяся в ловких людях, вернула Шафирова, но он

уже не смог занять былого видного политического положения. Только при Анне Ивановне в 1733 г. Шафиров, которому уже было 64 года, снова стал сенатором и занял пост президента Коммерц-коллегии, но через год умер.

В донесениях Шафирова и составленном под его наблюдением “Статейном списке” (дневнике посольства) подробно сообщается о ходе мирных переговоров. Донесения и Статейный список, конечно, являются вполне надежным источником. Однако следует помнить, что когда Шафиров передает высказывания турецких представителей, то эти высказывания отражают стремление турок изобразить факты в определенном освещении, чтобы побудить русское правительство к нужным для турок действиям.

Петр Андреевич Толстой (1645—1729) был человеком сложного характера и нелегкой судьбы. Он был старше Петра I на 27 лет и был сторонником Милославских, родственников первой жены царя Алексея Михайловича и их детей: старшего сына, Федора Алексеевича, ставшего царем в 1676 г. и умершего в 1682 г., второго сына царевича Ивана (слабоумного) и дочери царевны Софьи.

Милославские были яркими противниками родственников второй жены царя Алексея, матери Петра — Нарышкиных. После смерти царя Федора десятилетний Петр из-за слабости Ивана должен был стать царем, а правительницей — его мать, Наталья Нарышкина. Но Милославские не желали уступать власть Нарышкиным. Они решили взбунтовать против них стрельцов и горожан и заставить передать власть Софье. Толстой деятельно участвовал в подготовке стрелецкого мятежа в мае 1682 г., в частности, согласно записи современника, «борзо скакал по полкам и кричал: “Нарышкины царевича Юанна убили!”»¹⁰ После событий 1682 г. Толстой понял непрочность положения Софьи или был на нее обижен, вскоре отошел от нее и постарался сблизиться со сторонниками Петра, среди которых у него был влиятельный родственник Ф.М. Апраксин. В 1689 г., став совершеннолетним, Петр отобрал власть у Софьи. Толстой был честолюбив и выразил желание перейти на службу к Петру.

Хотя Петр, нуждавшийся в умных и энергичных сотрудниках, простил Толстому его поддержку Милославских, но не забывал об этом никогда и не питал к нему полного доверия. «Петр, — пишет С.М. Соловьев, — ...однажды взявши его за голову, сказал: “Эх, голова, голова! Не быть бы тебе на плечах, если б не была так умна!”»¹¹

«Рассказывают, — сообщал в 1729 г. датский посланник в России, — будто его величество за несколько недель до своей кончины, перечисляя добрые и дурные стороны своих министров, сказал: “Петр Андреевич во всех отношениях человек очень ловкий, только, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, в случае если бы он вздумал кусаться”»¹².

Вероятно, Толстой оказался полезным Петру, потому что в 1693 г. получил назначение на два года воеводой в Великий Устюг. Воеводство в то время было верным средством обогащения. Взимание с населения различных поборов было вполне в порядке вещей, и население жаловалось царю только в случае особенно разорительного лихоимства. Великий Устюг был крупным торговым центром на пути в Сибирь, и воеводство в нем было весьма выгодным.

Толстой сумел не вызвать царского гнева: по окончании срока воеводства мы видим его в числе “комнатных стольников”, т.е. среди нескольких десятков приближенных к Петру людей, преимущественно молодых. Стараясь укрепить свое положение, он вызвался вместе с ними в 1697 г. отправиться за границу для изучения столь любимого Петром морского дела, хотя ему было уже 52 года. Полтора месяца он плывал на корабле, затем проехал по Италии, снова совершил плавание и в январе 1699 г. вернулся в Россию. “Морское дело”, в том числе судостроение, не увлекло Толстого, специалистом в этой области он не стал, но зато хорошо изучил итальянский язык и зарубежные обычаи.

Знание итальянского языка, который в то время являлся дипломатическим языком на Ближнем Востоке, богатый жизненный опыт, энергия и жажда деятельности способствовали тому, что Петр дал Толстому чрезвычайно трудное и ответственное поручение — быть первым русским постоянным послом

в Турции и удерживать ее от нападения на Россию, занятую войной со Швецией. На этом опасном посту Толстой оправдал мнение о себе современников, как о человеке “в уме зело острым, и великого пронырства и мрачного зла втайне исполненным”, и оказался на высоте положения.

Толстой наладил связи со многими турецкими чиновниками и получал от них ценные сведения. А характер свой ему пришлось проявить в одном щекотливом случае, о котором он писал в своем донесении следующее: “Притом нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: [про]жив здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере... если явится какой-нибудь иуда, великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит, как, например, иерусалимский патриарх, господин Савва [Владиславич Рагузинский] и другие, и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. Внимательно за этим слежу и не знаю, как Бог управит. У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обусурманиться; Бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться: я его запер в своей спальне до ночи, а *ночью он выпил рюмку вина и скоро умер*; так его Бог сохранил от такой беды”¹³.

Для полноты характеристики Толстого упомянем о его дальнейшей деятельности. В 1717 г. он, выполняя приказ Петра, сумел уговорить царевича Алексея вернуться в Россию, после чего вошел в число самых близких Петру лиц. Толстой был назначен одним из руководителей политического сыска, президентом Коммерц-коллегии, ведавшей вопросами торговли, развитию которой Петр придавал большое значение, исполнял ответственные дипломатические поручения и в 1724 г. получил графский титул. После смерти Петра Толстой деятельно способствовал воцарению Екатерины I, но затем выступил против

А.Д. Меншикова, ее фаворита. Меншиков хотел женить наследника престола, царевича Петра Алексеевича, сына царевича Алексея, на своей дочери. Для Толстого же его воцарение было чрезвычайно опасно, так как именно он привез Алексея в Россию и был в числе его судей, вынесших смертный приговор. Но при жизни Екатерины I Меншиков был всемогущ, и в 1727 г. Толстого (ему было уже 82 года) арестовали. Он был сослан в Соловецкий монастырь, где умер в начале 1729 г.

Донесения Толстого раскрывают политику турецкого правительства по отношению к России до начала войны.

Из военачальников мы привлечем в качестве свидетелей только трех: генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, бригадира Моро де Бразе и генерал-лейтенанта Л.-Н. Аларта.

Генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев (1652—1719) был одним из ближайших сподвижников Петра и одним из лучших его полководцев. Но он начал военную службу еще в 1681 г. и воевал по старинке, медлительно и осторожно. Ему удалось нанести первое поражение шведам в Северной войне и развеять этим их ореол непобедимости. До конца своих дней он был одним из ближайших сподвижников Петра, являясь представителем той старой московской знати, которая сознавала необходимость преобразований в России и примирилась с образом действий царя.

Мы обратимся к письмам Шереметева, опубликованным в “Письмах и бумагах императора Петра Великого”, и составленному в его канцелярии военно-походному “журналу”, т.е. дневнику событий¹⁴.

Бригадир Жан Никола Моро де Бразе граф Лионский ан Бос (1663—1723) рассказал о Прутском походе в своих воспоминаниях, изданных в 1716 г.¹⁵ В 1735 г. они были переизданы. А.С. Пушкин заинтересовался этими воспоминаниями, работая над “Историей Петра” (в его библиотеке имеется издание 1735 г.). Их заглавие он перевел так: “Воспоминания политические, забавные, обличительные господина Жана Никола де Бразе графа Лионского, полковника Казанского драгунского полка и бригадира войск его царского величества, в Веритополе у Жана Дизан-вре (Истиннограде у Ивана Правдивого). 3 то-

ма”. По его мнению, эта книга написана “тяжелым и неправильным слогом”. Пушкин перевел ту часть воспоминаний, в которой рассказывается о Прутском походе, озаглавив ее: “Записки бригадира Моро де Бразе, касающиеся до Турецкого похода 1711 года”¹⁶.

Моро, как писал Пушкин, “был родом французский дворянин. Вследствие какой-то ссоры принужден он был оставить полк, в котором служил офицером, и искать фортуны в чужих государствах. В начале 1711 года, услыша о выгодах, доставляемых Петром I иностранным офицерам, приехал он в Россию и принят был в службу полковником. Он был свидетелем несчастному походу в Молдавию и после Прутского мира был отставлен от службы с чином бригадира. Он скитался потом по Европе, предлагал свои услуги то Австрии, то Саксонии, то Венецианской республике, получал отказы и вспоможения, сидел в тюрьме и проч. Он был женат на вдове, женщине хорошей дворянской фамилии и которая для него переменяла свое вероисповедание. Она, как кажется, была то, что французы называют *une aventurière*. В 1714 году г-жа Моро де Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга”¹⁷. Она сопровождала Моро в Прутском походе, а он был с нею в Петербурге.

Историкам долго не удавалось найти в наших архивах никаких сведений о службе Моро в русской армии. Правда, в этом нет ничего удивительного, ибо сохранились, конечно, далеко не все документы того времени. Подробности, приводимые Моро, свидетельствуют о том, что он был участником похода, но в литературе были высказаны подозрения, что свой высокий чин бригадира (между полковником и генералом) он сам себе присвоил. А это увеличивало сомнения в правдивости его рассказа. Высказывалось даже предположение, что его Записки кем-то сочинены и только приписаны ему, тем более, что в начале XVIII в. это было широко распространенным явлением.

Однако историками остались незамеченными опубликованное сообщение французского посла в России де Балюза от

19(30) октября 1711 г., в котором он писал, что его посетил “граф Бразас”, направляющийся во Францию после окончания Прутского похода¹⁸, и упоминание о Моро в неопубликованном донесении (“Репорте”, о котором ниже) Аларта: под 5 августа 1711 г. есть запись о том, что генералы Остен и Энсберг* и бригадиры Бразе и Ремкимг “всемилоостивейше с апшитом** отпущены”¹⁹.

Окончательно устраняет сомнения найденный мною “пас”, свидетельствующий об увольнении, в котором службу и чин Моро в нашей армии подтверждает сам Петр:

“Божию милостиею мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем чрез сие всем, кому о том ведати надлежит, что брегадир [пробел] Бразе был в нашей службе [пробел], и во все то время службу свою по достоинству чина своего, как доброму брегадиру надлежит, исправлял.

Но понеже он нас ныне об отпуске из службы нашей во отечество свое просил, того ради мы на сие ево прошение соизволить не оставили и тот отпуск ему позволили, чему во свидетельство дан ему сей наш пас за приписанием собственныя нашей руки и печатью

в [пробел] августа [пробел] дня 1711-го.

Петр”.

Собственноручная подпись Петра под документом скрепленная государственной печатью красного воска²⁰. Правда, почему этот “пас” остался у нас, а не был увезен Моро, выяснить не удалось. Возможно, Моро уехал, не дожидаясь его оформления.

А вот что Моро сообщает о себе: когда началась война, “имев честь быть принятю полковником Казанского драгунского полка и бригадиром войска его царского величества, получил я приказание ехать в свой полк и к своей бригаде”²¹.

* Фамилию генерала фон Энсберга Моро обычно пишет “Денсберг”, переводя частицу “фон” — признак дворянства — французским эквивалентом “де”, которая перед гласной произносится как “д”.

** Abschied (нем.) — увольнение, т.е. они были уволены.

После заключения мира он и ряд других иностранных офицеров были уволены. “Фельдмаршал [Шереметев] не слишком много истратил денег, отпуская всех сих офицеров, — пишет Моро, — ибо никому ничего не заплатил; и до сих пор за ним пропадает жалования моего за 13 месяцев по 130 рублей на месяц (рубель стоил 5 французских ливров): я получал 70 рублей как бригадир, 40 как полковник и 20 как капитан. Генерал барон Денсберг имел ужасную схватку с фельдмаршалом касательно денег; но это ни к чему не послужило. Делать было нечего; мы решились терпеть”²².

Из слов Моро следует, что он получил чин бригадира не при увольнении, как думал Пушкин, а сразу имел чины бригадира и полковника.

Что представляют собою записки Моро? Можно ли считать достоверным документом его дневник, т.е. ежедневные записи событий, или мемуары, написанные несколько лет спустя, когда память уже не так цепко сохраняет подробности? Чтобы ответить на эти вопросы, надо сравнить текст мемуаров с другими источниками.

Моро в своем рассказе приводит даты событий, многие из которых находят подтверждение. Но в записках Моро имеются и неточности и путаница в датах.

В предисловии, обращаясь к читателю, Моро пишет: “Порядочный человек, находящийся в глубине северной страны, среди людей... языка которых он не понимает, был бы весьма достоин сожаления, не умея он пользоваться пером, чтобы разогнать скуку описанием всего происходящего перед его глазами”²³.

Сопоставляя эти слова, указывающие на то, что Моро вел какие-то ежедневные записи, с путаницей в датах и мелкими неточностями, можно предположить, что записки Моро — это воспоминания, написанные с использованием дневника. Это предположение подтверждается уже упомянутым сообщением де Балюза: Моро сказал ему, что он везет с собой “подробный журнал всего происходившего во время последнего похода царя в Молдавию”.

Следовательно, там, где Моро рассказывает о событиях, очевидцем которых он был, ему можно верить. А это делает его записки чрезвычайно ценным источником, так как он не только находился в гуще событий и занимал высокий командный пост, но и дружил с начальником своей дивизии генералом Янусом фон Эбершtedтом.

Моро сообщает много интересных и вполне правдоподобных фактов, которых нет в других источниках. Он приводит содержание турецкого ультиматума России, предъявленного накануне объявления войны (или одновременно с ним), описывает поход, военные советы, сражение и заключение мира. В отличие от Аларта, Моро дает свои, часто пристрастные, оценки событий, передает слухи и не замечает, что подчас противоречит сам себе.

Поведение Петра Моро оценивает очень высоко и свидетельствует, что царь вел себя как один из храбрейших воинов. Что касается Екатерины, то, по мнению Моро, это “женщина ничтожного происхождения, безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности”.

При критическом подходе записки Моро дают историку чрезвычайно ценный материал.

“Рассказ Моро де Бразе о походе 1711 года, — писал Пушкин, — ...отличается умом и веселостию беззаботного бродяги; он заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений... Моро не любит русских и недоволен Петром, тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле”²⁴. Пушкин был вполне прав, считая, что “эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ”²⁵.

Генерал-лейтенант барон Людвиг Николай фон Аларт (Hallart, в русских источниках также Алларт и Галларт) был одним из тех иностранцев, которые долго и честно служили Петру I, хотя Россия так и не стала для них второй родиной. Родом пруссак, он был типичным искателем счастья: служил в Венгрии, Саксонии, затем поступил на службу к Петру. Участник похода, бригадир Моро де Бразе писал, что барон фон

Аларт — “один из искуснейших генералов его царского величества”, и что “генерал Аларт, сверх многих других достоинств, есть один из лучших инженеров своего времени. Он умеет искусно разведать местные обстоятельства, расположиться лагерь, воспользоваться выгодами и начертать верную карту театру войны”²⁶.

Аларт отличился при Полтаве и был награжден первым русским орденом св. Андрея Первозванного. В Прутском походе он командовал дивизией, оказавшейся в самом опасном месте сражения, и был ранен. Аларт вел служебный дневник; извлечения из него (на немецком языке) были напечатаны в книге Курата и в мемуарах датского посла Юста Юля, который выехал навстречу возвращавшейся русской армии и присоединился к ней в Могилеве²⁷. Кроме того, в Российском государственном архиве древних актов сохранились перевод извлечения из “Всепокорнейшего репорта”, датированного 9 декабря 1723 г. с пометой “Журнал генерала Аларта, подан в 11 день декабря 1723 г. в Питербурхе”, а также написанная им краткая “История” похода²⁸.

Датский посланник в России Юст Юль записал 30 июля: “Имел счастье беседовать с царем. Он подробно рассказал мне, каким образом был заключен мир между ним и турками. Обстоятельства всего дела переданы в помещаемой ниже выписке из дневника генерала Аларта, сообщенной мне им”. И далее Юль поместил эту выписку, охватывающую события от 17 июня до 13 июля 1711 г.

Выписка из дневника Аларта начинается 17 июня. В этот день его дивизия продолжала свой марш к Дунаю. Аларт описывает поход день за днем, перечисляет все значительные события, естественно, только те, о которых он знал и считал важными, но не дает им оценок, ограничиваясь констатацией. Многие сообщаемые им факты подтверждаются другими источниками. Особенно ценно изложение решений нескольких военных советов, утвержденных Петром, так как других сведений о них нет.

Сообщение Юля и текст выписки свидетельствуют, что Аларт вел именно служебный дневник, т.е. записывал события

по горячим следам. Возможно, он не сам писал, а диктовал: в дневнике о нем говорится в третьем лице: “генерал Аларт сделал то-то”, “генерал Аларт сказал то-то”.

Из остальных иностранцев упомянем самого важного свидетеля — нашего тайного агента в Стамбуле, Луку Барку.

Лука Барка был подданным города-республики Дубровника, который австрийцы называли “Рагуза”. Его брат, Николай Барка, служил в России переводчиком в канцелярии Посольского приказа, тогдашнего министерства иностранных дел, и участвовал в Прутском походе. Лука Барка имел, по-видимому, большую сеть информаторов, потому что присылал Петру подробные интересные и важные сведения.

Петр и его дипломатические и военные соратники — это главные свидетели из русского лагеря. Их показания по ходу нашего рассказа будут дополняться другими сведениями.

Назовем теперь главных свидетелей из лагеря наших противников. Это англичанин Суттон, поляк Понятовский и француз де Ла Мотрей — люди, которые общались с турецкими государственными деятелями высшего ранга и простыми солдатами и имели неофициальные источники информации. Они сообщают нам важные сведения о том, что происходило у турок.

Сэр Роберт Суттон* был английским послом в Турции, имел большие связи в турецких правительственных кругах и был хорошо информирован о событиях Прутского похода. Он раздобыл сведения о предполагавшейся численности и составе турецкой армии и подробное описание сражения, полученные, конечно, из турецких источников, и дал правильную оценку условиям Прутского мирного договора. Донесения Суттона (с приложением словаря турецких терминов) были опубликованы Куратом в 1953 г.²⁹

Генерал граф Станислав Понятовский был представителем Станислава Лещинского, который был посажен на польский трон Карлом XII, и в Прутском походе представлял инте-

* Sutton, правильное произношение “Саттон” или “Сэттон”, но будем его называть, как в “Письмах и бумагах императора Петра Великого” — Суттон.

ресы его и Карла XII. Понятовский сопровождал великого визиря и был близок к нему и его “кегае”^{*}.

Он был глубоко возмущен действиями турок, которые заключили мирный договор, не спросив Карла XII, и излил свое негодование в письмах к Станиславу Лещинскому и шведскому послу в Турции Томасу Функу. В ту эпоху письма могли носить публичный характер и предназначаться для широкого распространения. Такими были и эти письма. Письмо Понятовского было опубликовано Ла Мотреем, а в конце XVIII в. выдержку из него в русском переводе напечатал купец И.И. Голиков, высоко чтивший память Петра I и издавший многотомный сборник документов “Деяния Петра Великого”.

После выхода в свет “Истории Карла XII”, написанной Вольтером, Понятовский откликнулся на нее книгой «Замечания графа Понятовского, генерал-лейтенанта шведской и польской служб, на “Историю Карла XII, короля Швеции”, написанную Вольтером», в которой подробно описал Прутское сражение и мирные переговоры³⁰.

Обри де Ла Мотрей, по данным шведского историка Е. Тенгберга, был торговцем (купцом)³¹. Возможно, что, путешествуя, он выполнял специальные задания французского правительства, т.е. был его неофициальным представителем или разведчиком. В турецкий лагерь он приехал перед началом сражения.

Находясь в турецкой армии, Ла Мотрей не был так близок к турецким сановникам, как Понятовский, но обладал любопытством, большой наблюдательностью и, как говорят сейчас, контактностью. Интересные и важные подробности сражения и мирных переговоров мы находим в трех его сочинениях.

Первая книга, “Путешествия по Европе, Азии и части Африки”, была издана дважды: сначала на английском языке в 1723 г., потом на французском в 1727 г. В ней автор поместил письмо Понятовского Станиславу Лещинскому с описанием сражения и мирных переговоров и план Прутского сражения³².

* Кегаеһ, точнее: “кӕһуа” (тур.) — помощник великого визиря и начальник его штаба.

Вторая книга, “Путешествия по Англии, Франции... и различным провинциям и местам Пруссии княжеской и королевской, России и Польши”, была издана на французском языке в 1732 г.³³

Позднее, как и Понятовский, Ла Мотрей тоже отозвался книгой «Замечания исторические и критические на “Историю Карла XII, короля Швеции”, написанную Вольтером»³⁴.

Во всех этих книгах есть заслуживающие доверия интересные сведения о Прутском походе и мирных переговорах, дополняющие другие источники.

Русский царь, полководцы, дипломаты, тайные агенты — таковы наши главные свидетели, донесениями и воспоминаниями которых мы воспользуемся. Рассказы столь разных людей позволят нам увидеть события из разных лагерей, с разных уровней информации и, в конечном счете, лучше их выяснить. Конечно, мы привлечем и других свидетелей, но о них мы будем говорить по ходу нашего рассказа.

Компания, как видит читатель, пестрая.

Россия и Турция перед Полтавой

К концу XVII в. в Европе сложилось напряженное положение из-за “испанского наследства”. Испанский король, владевший огромной державой, умирал бездетным. На его престол претендовали дальние родственники — внук французского короля Филипп Бурбон и родственник императора “Священной Римской империи германской нации”, Карл Габсбург. Империя являлась политическим объединением многочисленных немецких государств (курфюршества, княжеств, герцогств, баронств и т.п.), которые пользовались широкими правами, вплоть до ведения войн. Самым сильным государством в Империи была Австрия, из правящей династии которой — Габсбургов — избирались императоры.

Если бы престол достался Бурбону, это повело бы к усилению и без того могущественной и агрессивной Франции; если

Габсбургу — возросла бы мощь Империи. С Францией и Империей, старыми феодальными государствами, соперничали молодые буржуазные страны — морские державы Англия и Голландия. Предотвратить такое усиление своих конкурентов можно было только путем войны. Воюющим сторонам нужны были союзники.

Франция могла рассчитывать на помощь Швеции, тогда одного из сильнейших европейских государств, которая владела северной Германией (Померанией), Прибалтикой (Лифляндией и Эстляндией) и захватила в начале XVII в. древние русские земли по берегам Финского залива с устьем Невы. В XVII в. шведский король Густав Адольф прославился как выдающийся полководец. Его внук Карл XII, ставший королем в пятнадцатилетнем возрасте, мечтал о воинских подвигах. Он мог стать сильным союзником и опасным врагом.

В начале XVII в. Швеция, воспользовавшись смутой в России, отняла у нее южное побережье Финского залива, устье Невы и часть Карельского перешейка. Как с торжеством заявил тогда Густав Адольф, “теперь без нашего позволения русские не могут выслать [в море] ни одной даже лодки”. Дать возможность русским получить выход к морю, по его мнению, “было бы крупнейшей политической ошибкой”³⁵.

Россия потеряла выход в Балтийское море, а доступ в Черное море закрывали татары, подданные Турции. Война за морской берег была для России неизбежна, но воевать со шведами в одиночку было невозможно. Турция была слабее, и в то время, в конце XVII в., воевала с Империей. Этим воспользовался Петр и в 1696 г. отнял у турок крепость Азов в устье Дона, а рядом с ним возвел крепость Таганрог.

Но тут как раз возник вопрос об “испанском наследстве”, и Империя поспешила заключить с Турцией мир, а против Швеции решили выступить король Дании Фредерик IV и курфюрст Саксонии Август II, незадолго до этого избранный польским королем. Датский король хотел присоединить пограничные с Данией владения герцога Голштинского, родственника Карла XII, а Август — Лифляндию. К своему союзу они решили привлечь и Россию.

Петр сразу понял выгоду сделанного ему предложения. Но принять его мешала война с Турцией. Поэтому было решено, что датчане и Август выступят первыми, а Россия — после заключения мира с Турцией.

Так и сделали: весной 1700 г. датчане напали на голштинские владения, а польско-саксонские войска осадили Ригу.

Но “северные союзники”, как их стали называть дипломаты, просчитались. Испанский король был еще жив, он умер только через несколько месяцев, завещав престол Бурбону. Карл, неожиданно высадившись в Дании, сразу разбил датчан и заставил их заключить мир. Датский король отказался от своих притязаний на Голштинию и даже обязался предоставить солдат морским державам.

Петр, получив известие о том, что султан, наконец, признал потерю Азова и согласился заключить мирный договор, и ничего еще не зная о выходе датчан из союза, двинул армию к берегам Балтики — к Нарве. В Твери он с удивлением прочел в письме Августа, что шведы скоро будут в Лифляндии. “И о том я многократно думал, — писал Петр Ф.А. Головину, ведавшему тогда иностранными делами, — истина ль или подлог? И буде истина, то конечно* датский осилен”³⁶.

Под Нарвой русская армия потерпела поражение, но Карл, прежде чем углубляться в безбрежные просторы России, решил обезопасить свой тыл от нападения Августа и направился против него. Август всячески уклонялся от встречи. Карлу понадобилось несколько лет, чтобы, разорив Польшу и Саксонию, заставить Августа отречься от польской короны и подписать мирный договор. Затем он посадил на польский трон послушную марионетку — Станислава Лещинского, которого очень скоро прозвали “соломенным королем”, и о котором европейские острословы говорили, что половина Польши его не признавала, а другая половина ему не повиновалась.

Карл обладал способностями незаурядного полководца, но это были способности полководца-тактика, а не полководца-

* Слово “конечно” в источниках того времени имело смысл “окончательно”, “полностью”.

стратега. Победы над датчанами, русскими, саксонцами и поляками совершенно вскружили ему голову. Карл жаждал только военной славы. “Мы должны дерзать, пока нам везет счастье”, — часто повторял он³⁷.

“Король ни о чем больше не думает, как только о войне, — жаловался один из его генералов, — он уже больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что как будто бы бог непосредственно внушает ему, что он должен делать”³⁸.

Пока Карл гонялся за Августом, Петр заново создавал армию и военную промышленность. “И нужно сказать, — отмечал Е.В. Тарле, — что Петр, проводя свою военную реформу на уже имевшемся национальном фундаменте, создал, в конце концов, русскую армию гораздо более высокого типа, чем чисто наемные армии большинства тогдашних европейских государств. Петровская армия по самому существу дела, по своей природе, была армией уже нового образца, имевшей национальный характер. Сила шведской армии была, между прочим, именно в том, что она тоже, как и армия петровская, не была в основной массе наемной, а была национальной, хотя и в меньшей степени, чем русская”³⁹.

В конце XVII в. после неудачной войны с коалицией европейских держав Турция потеряла часть своей территории: Россия получила Азов и прекратила выплату ежегодной дани (“поминок”) вассалу Турции — крымскому хану. Турки остро переживали уступку Азова из-за опасения появления на Черном море русского флота и угрозы крымским татарам. Министр иностранных дел Турции Реис-эфенди говорил русскому послу П.А. Толстому, что султан смотрит на Черное море, как на помещение внутри своего дома, куда нельзя пускать чужеземцев⁴⁰. Продолжать войну против коалиции Турция не могла, но и мириться с потерями не хотела⁴¹. Поэтому среди турецкой правящей верхушки сразу же после заключения мира оказались сторонники новой войны с Россией: воевать с Империей было опасно, так как она находилась в союзе с Англией и Голландией, а воевать с Польшей, союзницей России, было все равно, что напасть на последнюю.

К войне с Россией Турцию очень активно подстрекали крымский хан, Карл XII и французский, английский, голландский и имперский представители; французский посол толкал ее и к войне с Империей. Настойчивость крымского хана понятна: русский гарнизон в Азове мешал набегам, да и “поминок” лишиться было жаль. Цели у Карла и Франции совпадали: победа Турции ослабила бы Россию, которая могла бы даже вернуть и Швеции отвоеванные у нее земли, заключив с нею мир, и тогда Швеция могла бы поддержать Францию. Но почему старались англичане и голландцы?

В войне за “испанское наследство” они поддерживали Империю, и война Турции с Россией исключала нападение Турции на Империю. В то же время полный разгром России им был невыгоден, так как тогда России пришлось бы заключить мир и со Швецией, и Карл мог бы бросить шведское войско против Империи.

Борьба среди турецкой правящей верхушки приводила к частой смене великих визирей. Поэтому для России была чрезвычайно важна договоренность о допуске в Стамбул своего первого постоянного посла. До этого Турция высокомерно отказывалась напрямую сноситься с Россией, требуя ведения переговоров через своего вассала — крымского хана. В ту эпоху связь между правительствами осуществлялась курьерами, донесения шли по нескольку недель, и личные качества дипломатов имели огромное значение.

Русский посол П.А.Толстой прибыл в Турцию в 1702 г., имея наказ всеми мерами удерживать турок от войны с Россией⁴². Появление его в Стамбуле было встречено турками настороженно и с подозрениями. “Мой приезд, — писал Толстой вскоре по прибытии к султанскому двору, — учинил туркам великое сумнение. Рассуждают так: никогда от веку не бывало, чтоб московскому послу у Порты жить... Уже я всякими мерами разглашаю, что я прислан для твердешего содержания мира, обаче не верят, а наиначе о том сумневается простой народ”⁴³.

По прошествии года положение Толстого не изменилось. “На двор ко мне, — сообщал он в апреле 1703 г., — ни одному человеку пройти нельзя, потому что отовсюду открыт и стоят

янычары, будто для чести, а в самом деле для того, чтоб христиане ко мне не ходили, а у французского, английского и других послов янычары не стоят. Христиане и мимо ворот моих пройти не смеют, иерусалимский патриарх с приезде моего до сих пор со мною не видался”⁴⁴.

Толстой не жалел денег на подарки сановникам. Без подарков и в Европе не обходилось. Правда, там они обычно принимали форму пожалования портретов монарха или орденов, украшенных бриллиантами, выплаты “пенсий” или “субсидий” и т.п., но суть-то от этого не менялась. Русское правительство снабжало Толстого соответствующими суммами. Но частая смена визирей иногда ставила русского посла в тяжелое положение. “Новый визирь очень ко мне неласков, — сообщал Толстой в одном из своих донесений, — мое скорбное пребывание, труды и страх возобновились пуще прежнего: опять никто ко мне прийти не смеет, и я никуда не могу ездить, с великим трудом и письмо это мог послать. Вот уже при мне шестой визирь, и этот хуже всех”⁴⁵.

И шестой визирь недолго пробыл на своем месте. “У меня на визирские перемены уже и смысла недостает, и с подарками им не знаю, что делать, — писал Толстой. — Я с новым визирем видеться не буду спешить, потому что мне к нему в подарок отослать нечего”⁴⁶.

Подарок из Москвы был прислан, но помог мало. “Посол турецкий, — писал Толстой в апреле 1705 г., — который был на Москве, еще в Константинополь не приехал, только прислал из Крыма человека к Порте с письмом, а что писал, того не знаю, но меня страшно стеснили: заперли со всеми людьми на дворе моем и никого ни с двора, ни на двор не пускают, сидели мы несколько дней без пищи, потому что и хлеба купить никого не пустили, а потом едва упросил большими подарками, что начали пускать по одному человеку для покупки пищи. В это время приехал ко мне из Москвы переводчик и подьячий с письмами и подарками от вас к визирю; письмо я визирю отвез и подарок отослал; визирь принял любезно и сделал мне маленькое послабление, но все же нахожусь в тесном заключении, какого по приезде моем сюда никогда еще не терпел”⁴⁷.

В апреле 1706 г. опять сменился визирь. “Воистину, — сообщал Толстой, — зело убыточны частые их перемены, понеже всякому визирю и кегае его посылаю дары немалые, и пропадают оные напрасно, а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и так чинят все прочие послы”⁴⁸.

Неустойчивость внутреннего положения в Турции, которую в первые годы XVIII в. раздирали мятежи янычар и народные волнения, заставляли султана сохранять мир. Этому способствовали и успехи шведов. Казалось бы, для Турции выгоднее было напасть на Россию именно в этот момент, объединившись с Карлом, но турецкое правительство выжидало решающей победы шведов. Оно вело сложную дипломатическую игру и, несмотря на усилия Карла, не рискнуло в этот момент пойти на разрыв с Россией. Турки даже сменили крымского хана, домогавшегося разрешения напасть на русских, но одновременно, как сообщал Толстой, “признали полезным послать к русским границам, в город Бендеры, Юсуф-пашу, господаря молдавского и валашского, также... служивых людей из Румелии под предлогом перестройки Бендерской крепости, а в самом деле опасаются внезапного нападения. Это мне не нравится, ибо ясно, что начинают верить лжам французского посла и бредням татарским”⁴⁹.

Победа русской армии осенью 1708 г. над корпусом Левенгаупта под Лесной убедила турок в правильности их политики выжидания. “Полученное шведами поражение на московской границе, — доносил в Вену имперский посол в Стамбуле Тальман, — было как нельзя более кстати: благодаря ему очень возросло значение царя в глазах Турции”⁵⁰.

Это “возросшее значение” выразилось в том, что турки стали вновь опасаться нападения России. Сосланный ранее бывший крымский хан Девлет-Гирей, известный своей непримиримостью и воинственностью по отношению к русским, был торжественно возвращен из ссылки, снова назначен ханом и с почестями отправлен в Крым. Естественно, он сразу же начал готовиться к войне. “За последнее время, — писал Тальман 7 апреля 1709 г., — прибыли в Турцию различные гонцы с письмами от нового татарского хана, в которых последний настоятель-

но обращает внимание на то, что в нынешнем положении, когда Москва ведет еще войну против Швеции, невозможно безучастно смотреть на происходящее без значительного ущерба для будущего”⁵¹.

Разумеется, в таких обстоятельствах Толстой не сидел сложа руки. Присланные ханом письма он пытался нейтрализовать обычными методами. Тальман сообщал 15 мая: “Ввиду того, что Москва через происки нового татарского хана находится в большой тревоге, прибыли сюда недавно различные москвиты с богатыми подарками из черных лисиц и соболей, а также значительной суммой денег”⁵². Личный враг хана силестрийский паша получил богатые подарки от русского правительства, в том числе соболей мех в тысячу рублей, и писал в Стамбул, что нападать на Россию не следует, потому что у шведов плохое положение.

Но военные приготовления продолжались. Тальман сообщал, что в начале мая было отправлено 20 пушек с боеприпасами в крепости, выстроенные на московских границах, что в начале июля (т.е. еще до получения известий о Полтавской битве) из Средиземного моря в Черное отплыли 1 тыс. пушкарей и “многие солдаты”, и что тогда же 4 тыс. янычар и других солдат получили снаряжение и приготовились к отправке “к московским границам”⁵³.

Однако к военным действиям в 1709 г. Турция была еще не подготовлена. Было решено пока сохранить мир и запретить татарам помогать шведам.

Отсутствие угрозы со стороны турок и татар позволило Петру сконцентрировать под Полтавой основные силы, ослабив или сняв заслоны на путях к Перекопу, Бендерам и Очакову.

В разгар своих военных приготовлений, 16 июля 1709 г., турецкое правительство получило ошеломляющее известие о полном разгроме шведской армии под Полтавой, о бегстве с поля боя Карла и гетмана Мазепы и о прибытии их в пограничную турецкую крепость Очаков. Счастье изменило Карлу, когда он встретился с новой русской армией. Под Полтавой, по словам Петра I, “непобедимые господа шведы... хребет показали”⁵⁴.

Из 30 тысяч шведов с поля сражения спаслось бегством 18 тысяч человек. Русская кавалерия под командованием А.Д. Меншикова догнала их возле Переволочной у Днепра и взяла в плен, но Карл с Мазепой и немногими спутниками успел переправиться через Днепр в пределы турецких владений. “Когда Меншиков спустя три часа подошел к Переволочной, вся толпа беглецов с королем во главе уже бесследно исчезла в необозримой степной пустыне, и глядевшие с левого берега русские не увидели ничего до самого горизонта”⁵⁵.

Следы Карла скоро отыскивались. Взятый в плен у Переволочной генерал Левенгаупт рассказал, как прощаясь с генералами, король заявил, что “едет он к султану турецкому требовать от него помощного войска”⁵⁶.

Дипломатическая борьба накануне Прутского похода

В феврале 1710 г. в расположение русских войск явился шведский дезертир, сержант Фридрих Шульц. Это был один из тех, кому удалось бежать со своим королем после Полтавской битвы. Его рассказ о первых месяцах пребывания Карла в Турции чрезвычайно интересен.

“По баталии Полтавской свейский король с Мазепою ушел за Днепр в 2000 шведов. От Днепра до Очакова шли 7 дней. В провианте такая была в дороге нужда, что принуждены были все есть лошадиное мясо. От Очакова послан от короля к султану в Царьгород валентир* Нейбург с тем, дабы султан принял его, короля, под свою протекцию и во всякой нужде не покинул, также и экскузоваться** в том, что он, король, дерзнул в его землю выйти без обсылки, и домогаться взаймы денег. В Царьгороде спросили того Нейбурга о чине, тот сказался валентиром, служит при королевской канцелярии. Там ему отказано и

* Волонтер, т.е. доброволец.

** Извиниться.

аудиенции не дано, а сказано: разве де у короля все министры, и генералы, и полковники, и офицеры побиты, что не прислал ко двору иного?»⁵⁷

“Валентир Нейбург” — это Мартин Нейгебауер, немец родом из Данцига (Гданьска), ранее поступивший на службу к Петру. Последний даже сделал его воспитателем царевича Алексея. Меншиков добился удаления Нейгебауера из Петербурга, и тот бежал из России к шведам. Здесь он стал доверенным человеком Карла, отправился с ним в поход добровольцем и числился при королевской канцелярии.

Нейгебауер, выехавший из Очакова 22 июля 1710 г., привез султану письмо от короля, в котором тот писал:

“Если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе с своим коварным союзником, бросится среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против Вашей империи. При таком состоянии дел, чтобы отратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство — это союз между Швециею и Турцией. В сопровождении Вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии”⁵⁸.

Значит, не только денег просил Карл. Письмо, как видим, содержит мысль, которую шведы начали настойчиво внушать туркам: после победы над Швецией Россия “бросится” на Турцию.

В глазах турок эта мысль подкреплялась настойчивыми требованиями русского правительства о выводе или удалении Карла из Турции, с тем чтобы он не задержался в Польше, и занятием русскими войсками Вольни, Подолии и Галиции, чтобы воспрепятствовать его появлению там.

Толстой сообщал в августе 1709 г.:

“Порта в большом горе, что шведского короля и Мазепу очаковский паша принял: очень туркам нелюбо, что этот король к ним прибежал, ибо по закону их и ради стыда от других отдать

его невозможно и не хотят; однако и то мыслят, что царское величество домогаться его будет и за то мир с ними разорвет, чего они не хотели бы. Теперь с великою поспешностью начали приготовляться к войне, послав в Румелию и другие места указы, чтоб войска как можно скорее собирались к русским границам, и соберется их осенью около 40 000. Говорят, что делают это для своей безопасности, а впрочем, Бог знает”⁵⁹.

В турецких правящих кругах шли ожесточенные споры о том, что предпринять дальше — сохранять мир с Россией или воевать. Нейгебауера не допускали к султану под формальным предлогом (как не имевшего статуса посла), а от Толстого просто не принимали грамот Петра к султану, хотя содержание их было известно туркам.

“На предложения мои о короле шведском ответа не дают, — писал Толстой в том же письме, — на аудиенцию к султану меня не допускают, даже в конференцию со мною вступать не хотят. Думаю, что это делают лукавством: отказать мне явно боятся, чтоб царское величество вдруг на них, неготовых, не наступил, и думаю, что не будут со мною говорить до тех пор, пока ратей своих не умножат, и тогда, может быть, станут говорить смелее. Теперь король шведский неизреченные соблазны туркам доносит и делает им большие обещания, чтоб они начали войну против царского величества, в чем ему много помогает хан крымский. И хотя меня крепко уверяют муфтий и другие, что от Порты противности не будет, но я сомневаюсь, и не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь! Причина моему сомнению та: турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с ними, турками. Так они думают и отнюдь не верят, чтоб его величество не начал с ними войны, когда будет от других войн свободен”⁶⁰.

Не дождавшись положительного ответа от турецкого правительства, Карл попытал еще раз свое счастье, и снова неудачно. Английский посол в России сообщил своему правительству

10 августа 1709 г., что: “Король шведский, получив от сераскира* разрешение отправить нарочного в Стокгольм, сам выехал из Очакова под видом этого нарочного, но через день бегство обнаружилось, и в погоню отправлено было двести турок”. Короля нагнали и привезли в местный административный центр — Бендеры.

В донесении далее, со слов русского представителя, побывавшего там, приведены красочные подробности первых дней пребывания в Бендерах Карла и Мазепы: “Русский капитан, отправленный к сераскиру... сообщил, что король и Мазепа расположились лагерем на лугу перед городом под стражей из двухсот турецких солдат... Король предлагал паше триста тысяч червонцев за допущение в крепость и некоторые другие услуги, однако безуспешно, так как паша твердо решил ничего не предпринимать в этом деле без особых приказаний от Порты. Мазепу же со всеми его слугами паша обещает очень скоро выслать царю как изменника. Пока он отказался отвести бывшему гетману жилище в городе, грубо ответив, что в Бендерах не найдется дома, пригодного для человека, которого не могли удовлетворить принадлежавшие ему в России дворцы. Кроме того, когда капитан заявил, что Мазепа в платье, может быть, прячет яд с целью покончить с собою при случае, у того отобрали одежды и обыскали их очень тщательно”⁶¹.

Но вернемся к рассказу Фридриха Шульца.

“По пришествии короля в Бендеры, спустя с два месяца, прислан от султана к королю некакой паша, привез в подарок 4-х аргамаков с дорогим убором и был у короля на тайном разговоре, а о чем, того не ведомо.

Потом на четвертый день отпущен, с которым послал король к султану генерала-майора Понятовского, при нем и он, Фридрих, был”, — сообщает русским Шульц. (Понятовский был послан под видом офицера гвардии Карла.)

“В Царегороде, — продолжал Шульц — принят тот Понятовский честно**, был у султана на трех аудиенциях, где домо-

* Начальника гарнизона.

** С почетом.

гался у султана для бережения короля своего 600 чел. спагов*, которые с ним, Фридрихом, отпущены в Бендер наперед. Тот Понятовский в Царегороде ездил к французскому послу и иностранным министрам, а он, Фридрих, бывал при нем и слышал в разговорах от Понятовского, что он гораздо доволен тремя султанскими аудиенциями, где объявлено ему, что султан по возможности будет ему, королю, во всем вспомогать, и дал ему 4 скарены денег серебряных турецкой монеты, и в Польшу до генерала свейского его, короля, проводить своим войскам укажет... Во время-де первой аудиенции султан указывал Понятовскому персону** короля свейского и говорил чрез переводчика: любя-де короля вашего, персону он, султан, имеет”.

Султан, следовательно, пообещал Понятовскому, что турки будут сопровождать Карла в Польшу. А Понятовский сообщил султану, что в Померании стоит 40 тыс. шведов, которые весной вторгнутся в Польшу навстречу Карлу и туркам. Это была заведомая ложь. У шведов остался лишь 10-тысячный корпус генерала Крассау, который вместе с немногими сторонниками Станислава Лещинского ушел после Полтавской битвы из Польши в Померанию. Правда, там он усиленно пополнялся добровольцами и присылаемыми из Швеции рекрутами, но даже в конце 1710 г. в нем было только 18 тыс. человек, а к лету 1711 г. численность его увеличилась всего до 20—25 тыс. человек.

По словам Шульца, “Понятовский пришел из Царягорода в Бендеры с пашою, при котором было 6000 человек турецкой конницы для оберегания Карла XII. В приезд того Понятовского король был весел и с тем Понятовским был один на один с утра до полудни; потом вышел, пошли до канцелярии к министру Милляру, где были в трех персонах от полудни до вечера. А о чем разговоры были, того не ведомо. В Бендерах слышал от того Понятовского, как он говорил своей братьи по приезде своем из Царягорода: султан турецкий учинил с королем их альянцию*** такую, что в будущем месяце мае или, кончая, в июне ид-

* Турецкой конницы.

** Портрет.

*** Союз.

ти на Российское государство войною султану с стороны, а королю их с другой... Король швейцарский и все при нем будучие мыслят так: если генерал его Стенбок с войском в Польшу придет, в то время на Украине черкасы* забунтуют пуще, нежели прежде, тогда и он, король, паки на Украину пойдет”.

Значит, как только появятся шведы, так украинцы “забунтуют пуще, нежели прежде”. Можно ли было всерьез на это рассчитывать? Конечно, нет. На что же надеялся шведский король? Он остался верен себе.

“При многих он, король, говорил, — передает Шульц, — или счастье свое найдет, или королем не будет”. А пока “имеет великое опасение от великороссийских войск, того ради во дни и в ночи имеет лошади седланные, и если послышат войска великороссийского приход, тогда поволено короля в город пустить”.

Толстой был все-таки принят турками в августе 1709 г. и передал грамоты Петра, требующие выдачи Карла и Мазепы.

Турки предъявили встречные требования о возврате Азова и разрушении недавно построенной крепости Каменный Затон. Толстой отверг их, но пошел на уступку: вместо выдачи Карла XII согласился на его удаление из Турции. Это, т.е. продолжение русско-шведской войны, было и в интересах самой Турции. “Турки размышляют, — сообщал Толстой в августе, — каким бы образом шведского короля отпустить так, чтобы он мог продолжать войну с царским величеством”⁶².

Однако возник вопрос о численности турецкого отряда для сопровождения Карла. Турция стала было снаряжать 10-тысячный корпус, и к 24 октября 1709 г. были готовы уже 2 тыс. человек.

Появление Августа и русской армии в Польше показало туркам невозможность послать с Карлом сильный корпус, не вступив при этом в конфликт с русскими и польскими войсками. На заседании турецкого правительства под председательством султана, которое проходило 6 ноября, было принято решение продолжать переговоры с Россией и приостановить военные

* Украинцы.

приготовления. А 3 января 1710 г. Толстой был принят султаном и получил грамоту, подтверждающую мирный договор с Россией. Турки согласились при этом послать с Карлом очень небольшой отряд.

Тут дело было в том, что если бы турки дали Карлу значительный отряд, это можно было бы расценить как военную помощь Швеции, т.е. враждебный акт по отношению к России и ее союзникам, который мог бы стать поводом к войне с Турцией. В Поденной записке говорится, что турки решили отпустить Карла только с его людьми, даже без запорожцев, ушедших с Мазепой, и со своим сопроводительным отрядом из 500 человек, который бы передал Карла русскому отряду для дальнейшего сопровождения его через Польшу⁶³. Как сообщал бригадир Г.И. Кропотов, у Карла в Бендерах было лишь около 800 человек шведов, “и те все наги и босы. Запоросцев около Бендера и в Волоской земле с 4000 [человек]”⁶⁴.

О том, с каким нетерпением ждал этого Петр, свидетельствует его письмо А.В. Кикину от 7 февраля 1710 г.:

“Вчерашнего дни от давнего времени с великою жаждою ожидаемого курьера из Константинополя получили, который... полезную ведомость привез, что турки не только что прежний мир весьма крепко подтвердили, но короля шведского без оборонны своей высылают... Здесь сегодня будет благодарной молебн и стрельба (что и вам надлежит там учинить)”⁶⁵.

Радость по поводу подтверждения мира с Турцией была непродолжительной. Шведские представители, заручившись содействием матери султана, продолжали убеждать турецкое правительство в целесообразности разрыва с Россией. Им активно помогали западноевропейские дипломаты.

По мнению Толстого, Турция начала войну вследствие интриг французского посла Дезальера, шведского посла Нейгебауэра и представителя Станислава Лещинского генерала Понятовского, которые уверили турок, что Россия, завершив войну со Швецией, войдет в союз с Польшей и Венецией, для того чтобы отнять у Турции все ее европейские владения. Франция же, считал Толстой, была заинтересована в нападении Турции на Россию, потому что Карл, вторгнувшись в Польшу и соеди-

нившись там со шведским корпусом в Померании, вступит в Саксонию и предложит себя в посредники между Францией и ее врагами. Ясно, что его посредничество будет Франции выгодно. Если же оно будет отвергнуто, то Карл соединится с французами и сможет в Империи “такой огонь возжечь, которого никогда не бывало”, а затем, добившись выгодного мира для Франции, вместе с турками, которые к этому времени утверждают в Польше Станислава Лещинского, и поляками “намерены будут всеконечное порабощение привести и разделение Российской империи”⁶⁶.

Франции было бы выгоднее, если бы Турция начала войну с Империей, оказывая поддержку венгерским повстанцам, но подходящий момент для этого был уже упущен, восстание австрийцы подавили, и шансов на возбуждение турецко-австрийского конфликта у Дезальера практически не было. Поэтому король Людовик XIV в феврале 1711 г. поторопил посла Балюза с отъездом в Россию, указывая, что “враги Франции ложно приписывают ей причины войны, которую турки объявляют русским”⁶⁷, и ставя ему задачу добиться согласия Петра на одновременные переговоры России с Турцией и Швецией. Но Петр не согласился, заявив, как сообщал Балюз, что намерен “вести переговоры только с турками; по заключении же этого мира Швеция... оказалась бы более сговорчивой, и... тогда легче будет склонить ее на благоразумные условия”⁶⁸.

Мнение Толстого о роли Дезальера разделяли посол императора в России, заявлявший русским, что “Франция наиболее содействовала возбуждению Порты к войне” (это слова из донесения английского резидента в России Л. Вейсброта в Лондон), и руководитель английской внешней политики статс-секретарь Сент-Джон, писавший послу в России Чарльзу Витворту, что он надеется, что Витворт сможет раскрыть русскому правительству интриги французского двора, который сделал “все возможное, чтобы вовлечь Турцию в войну”⁶⁹.

Отвлечь турок от возможного нападения на Империю было выгодно Франции. Это доказывать не приходится.

Англия и Голландия были против усиления России, боясь превращения ее в великую европейскую торговую и морскую

державу, поэтому вели враждебную по отношению к ней политику. Им была выгодна русско-шведская война, которая, к тому же, отвлекала Швецию от выступления на стороне Франции.

“Естли же они, шведы, — писал русский посол в Голландии А.А. Матвеев 7 октября 1710 г., — на море в силу придут, сие не без великого опасения будет общей высоких союзников пользе при нынешней с Франциею войне, отчего они ныне во многом смущении находятся”⁷⁰.

Однако английская политика отличалась известной гибкостью. С одной стороны, Англия стремилась не допустить усиления России и для этого поощряла турок напасть на Россию, с другой — решающая победа турок вынудила бы Россию заключить мир и со Швецией, а тогда шведы оказали бы помощь Франции.

Интересно в этом отношении письмо Витворта от 31 декабря 1710 г., в котором он излагал свои соображения по этому поводу. Шведские войска в Померании, писал Витворт, пополняются и пока находятся в бездействии. Учитывая разорение Польши и Литвы и потерю Лифляндии, завоеванной русскими, войска эти могут действовать с надеждой на успех только в Германии, где “королю шведскому возможно пополнить или содержать армию или собрать подкрепления, достаточные для сколько-нибудь значительного предприятия”. Поэтому шведы, хотя и могут первоначально направиться в Польшу на соединение с Карлом, но пробудут там недолго, а так как и Саксония разорена, то вполне вероятно их нападение на Империю, тем более что, “судя по проискам французского представителя в Константинополе”, Карл заключил соглашение с Францией. Даже если такого соглашения нет, и шведы не нападут на Империю, все равно плохо: одно только появление их в Польше и Германии заставит “не только прямых участников распри, но и соседние государства увести свои войска из Нидерландов для охраны собственных интересов и для собственной безопасности”⁷¹.

Поэтому после Полтавского боя англичане оказали дипломатическую и денежную поддержку Карлу, т.е. помогли продолжению Северной войны, и помогали шведам разжечь русско-ту-

редкую войну, рассчитывая, что шведы примут в ней активное участие и отвлекутся от действий в Европе. Поэтому же после заключения Прутского мира, когда стало ясно, что Швеция не сможет оказать активной помощи туркам, английская дипломатия стала способствовать укреплению этого мира, развязывая руки России для продолжения борьбы со Швецией. Такой политике способствовало и вызывающее по отношению к противникам Франции поведение Карла. Но вину за развязывание войны австрийское и английское правительства пытались возложить на Францию.

Петр тоже считал главными виновниками войны Карла и Францию. Канцлер Головкин 14 января 1711 г. послал русскому послу в Голландии Матвееву русские условия мира со Швецией, в которых указывалось, что “ныне турецкая война уже объявлена по домогательству короля швейского и, как видится, чрез ходатайство короля французского, дабы тем получить оному себе отдух в войне своей”⁷².

Посмотрим теперь, как разворачивались события в 1710 г.

Под давлением противников России великий визирь изменил решение отправить Карла “безоборонно”. Толстой сообщил 13 мая: турецкое правительство стремится “помирить” шведов с поляками “для того, чтобы шведы, с поляками соединясь, продолжили войну с царским величеством”, и что визирь надеется, что поляки пропустят Карла “с турками и с татарами”⁷³. А 4 июня визирь был смещен со своего поста.

Противники России связывали большие надежды с назначением нового визиря.

Толстой 10 июня получил сведения о том, что крымский хан встретился с Карлом. Хан уведомил короля, что решено “проводить ево, шведа, — писал Толстой, — здраво со единою частию войска татарского... и чтоб он не скорбел”. Карл ответил на это, что “по-видимому де Высокая Порта уже скучила от него”, но что если ему не дадут 15—20 тыс. человек, то разговаривать не о чем, тем более, что осуществление его предложений позволило бы Турции “многие страны и народы полски присвоить и учинить подданными”. Кроме того, он пригрозил, что если турки будут настаивать на его отъезде, то он “с царским величест-

вом учинит добрый мир”, т.е. намекнул, что развяжет руки России для нападения на Турцию⁷⁴.

Вечером того же дня Понятовский посетил визиря и убедил его, что Россия стремится захватить Польшу, затем попытается заключить мир с Карлом (“чего и королю шведскому, будучи в злом состоянии, отрешися того будет невозможно”), а после этого “всеми силами московскими и полскими начнет войну”. Понятовский подкрепил это ссылками на укрепление польских крепостей у молдавских границ и потребовал у визиря предоставить Карлу 80 тыс. турок и 40 тыс. татар, с которыми шведский король “вступит в казацкую землю и принудит тотчас всех казаков в подданство сей империи [Турции], а потом пойдет до самой Москвы, а с другой стороны король Станислав с войском шведским также вступит в Московские страны, что де видя, поляки все всеконечно к нему, Станиславу, пристанут. И в два года так разорит Московское государство, еже в пятьдесят лет не возможет исправитца”.

Визирь не дал прямого ответа на это требование, а Толстому сказал, что с Карлом, возможно, будет послано “тысяч с сорок” турок⁷⁵.

Получив это известие, Петр немедленно уведомил русского посла в Польше Г.Ф. Долгорукого и послал грамоту султану Ахмету, в которой указывал, что не возражает против того, чтобы Карла сопровождал отряд до 3 тыс. человек турок, а не татар (“ибо на посылку татар мы, яко к разрушению мира весьма склонных, позволить не можем”), но что если в Польшу вторгнутся 40 тыс. турок, то Россия вмешается. Визирю Петр послал поздравление с назначением на этот высокий пост и подтверждение, что Россия мир не нарушит⁷⁶.

В это время в Польше находился русский корпус, которым командовал приглашенный на русскую службу немец генерал от кавалерии Янус фон Эбершtedт. На корпус были возложены две задачи: в случае вторжения в Польшу турецко-татарских войск послужить заслоном, а в случае вторжения шведских войск из Померании — оказать помощь королю Августу.

Получив известия из Стамбула о возможном решении турок ввести войско в Польшу, Петр послал к Эбершtedту опытного

военачальника М.М. Голицына, дав ему секретную инструкцию предотвратить вторжение турок⁷⁷.

Визирь, однако, не решился послать войска в Польшу, понимая, что это означало бы войну. Тогда и он был отстранен султаном, назначившим на его место Балтаджи Мехмет-пашу (5 сентября 1710 г.). Забегая вперед, можно предположить, что и Балтаджи, хотя и был враждебен России, понимал опасность войны с ней; но, видимо, честолюбивое желание быть визирем превозмогло осторожность. Русские курьеры, которые везли грамоты Петра султану, были схвачены и посажены в тюрьму, где их и продержали до заключения мира. Султан Ахмет 9 ноября принял вызванного им в Стамбул крымского хана Девлет-Гирея, ярого врага России. Беседа с ним, видимо, окончательно убедила султана начать войну.

Но все же, прежде чем принять решение начать войну, турецкое правительство решило попытаться достичь своей цели мирным путем и предложило России условия сохранения мира. Когда и в какой форме это было сделано — мы не знаем, так как несколько писем Толстого не сохранилось или пока еще не найдено. Но содержание турецких условий есть в записках Моро де Бразе.

Моро сообщает, что в 1710 г. он приехал поступать на русскую службу и жил в Риге в доме губернатора Лифляндии барона Г.-И. Левенвольде, когда “около ноября месяца” прибыл курьер с письмом от Меншикова. “Между разными новостями, — пишет Моро, — князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю во избежание войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей”⁷⁸. В них содержались требования территориальных уступок в пользу Турции и Швеции.

В наших архивах не сохранилось (или еще не найдено) никаких упоминаний об этих условиях, и хотя на мирных переговорах, как мы увидим ниже, турки не выдвинули условий в пользу Швеции, но в нашем распоряжении имеется документ, косвенно подтверждающий правильность рассказа Моро. Это — собственноручно написанная Петром инструкция русскому

представителю Шафирову, который после Прутского сражения был послан в турецкий лагерь для заключения мира⁷⁹.

Сопоставим текст условий в записках Моро и текст инструкции, предусматривавший возможные требования турок.

Моро

1. Возвратить Азов, а укрепления, вновь добавленные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам Черного моря, — разорить.

2. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Августом, и признать Станислава королем Польским.

3. Возвратить всю Лифляндию и вообще все, завоеванное русскими, шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания.

Инструкция

1. Туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать.

2. О Лещинском буде [визирь] станет говорить, позволить на то.

6. Буде же о шведах станет говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием Лифляндов... и протчия помалу уступать, кроме Ингрии*, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иныя провинции.

Далее Моро называет еще четыре турецких требования:

1. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом и Станиславом Лещинским против Августа, если он возобновит притязания свои на польский престол, уступленный им Лещинскому, и выступить с ними против Августа, если тот не откажется от своих притязаний на польский престол.

2. Запорожским казакам возвратить их прежнюю вольность и преимущества.

3. Возвратить натурой, или иначе, все, что король шведский потерял через Полтавское сражение [возможно, имелась в виду

* Южное побережье Финского залива к востоку от Нарвы.

королевская казна — два миллиона золотых талеров (“эфимков”), доставшихся победителю].

4. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться.

В инструкции эти условия не называются, а говорится кратко: “В прочем, что возможно, салтана всячески удовлетворять, чтоб для того за шведа не зело старался”.

Совпадение текста основных требований и инструкции свидетельствует о том, что рассказу Моро можно верить. Требования турок были, конечно, отвергнуты: “Если б его царское величество, — заключает Моро, — находился в положении шведского короля, то и тут Порта не могла бы предложить ему условия, более притеснительные. Зато их и не приняли”.

Но турки, видимо, и не надеялись на согласие Петра. Султан 9 ноября созвал государственный совет, на котором было принято решение объявить России войну⁸⁰. В тот же день наместникам различных областей был послан указ об объявлении войны⁸¹.

В указе выдвигались следующие обвинения против России:

1) Россия ведет строительство на юге крепостей и большого флота;

2) Россия ввела войска на территорию Украины (запорожских казаков) между Бугом и Днестром, отданную Польше;

3) после полтавского боя русские, преследуя шведов, вторглись на турецкую территорию и убили и взяли в плен несколько сот шведов;

4) калмыки, русские подданные, в 1710 г. сделали набег на крымских татар;

5) русские войска сосредоточиваются у турецких границ.

На следующей день, 10 ноября, Толстой писал канцлеру Головкину:

“Наскоро доношу, что турки по многим советам утвердили короля швецкого ныне отпустить вскоре со многими татары чрез Польшу насилием и войну с нами начать ныне чрез татар, а весною всеми турецкими силами, понеже во все свое государство указы разослали вчерась, чтобы рати все конные и пешие зби-

рались в Бендеры, так азиатские, как и румелские, в апреле. И вскоре пойдет салтан во Адрианополь, а везирь пойдет в Бендеры. И хан крымской пойдет в Крым чрез Бендеры. А все сие учинилось от хана крымского, понеже возмутил народ, и всем народом возмутились к войне. До сего дня мне явно еще не объявили, обаче разгласили явно, что весною война начнется... Чаю, меня завтра или позавтрее запрут и оберут совсем, понеже зверообразно показываются к нам ныне. И я чаю, что уж болши не возмогу писать, того ради сего ж дня таково ж письмо послал чрез приятелей”⁸².

Это письмо пришло в Петербург 20 декабря, но уже в ноябре Петру стало ясно, что дело идет к войне. Петр 22 ноября писал Августу, что “мы за потребно быти разсудили наши в Лифляндии стоящие войска помалу ближе к турским границам вести и для того принужденны оным ныне в Литву вступить повелеть... Мы обнадеживаем притом ваше королевское величество, что сколь скоро король свейской из турской области выдет, не проведши турка ни против нас, ни против вашего королевского величества к разрыву, то мы тогда наши войска в наши земли ис Полши и Литвы выведем”⁸³.

Толстой и его сотрудники (31 человек) 17 ноября были заключены в Семибашенный замок (“Едикуль”), архив посольства был конфискован, а имущество разграблено.

Планы сторон и начало Прутского похода

Итак, война была объявлена. Перед Петром немедленно возник вопрос: каковы планы турок?

А.З. Мышлаевский попытался установить, как русское командование собирало сведения о замыслах и действиях турок и что ему стало известно к началу кампании, т.е. к весне 1711 г.⁸⁴ Он выяснил сначала источники информации Петра, “его разведывательные средства”.

Одним из главных источников были, конечно, донесения Толстого и сотрудничавших с ним лиц: иерусалимского патриар-

ха (духовного главы христиан в Турции), господарей — молдавского Кантемира и румынского Бранкована и эмигранта из Дубровника — Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, который стал одним из ближайших советников Петра по делам балканских народов. Он стал участником Прутского похода. Патриарх и господа в силу своего положения, а Рагузинский по своим связям получали и передавали Петру большую и ценную информацию. Кроме того, Толстой сумел завербовать агентов в Турции и в Крыму, снабжавших его важными сведениями.

Но как можно оценить поступившую к Петру информацию с точки зрения ее военного значения?

Толстой, пишет Мышлаевский, не мог выезжать из Стамбула и не имел поэтому возможности проверять сведения агентов, а многие из них были заинтересованы в войне, и притом в войне наступательной со стороны России: патриарх и Рагузинский рассчитывали, что победа России освободит балканских христиан из-под турецкого ига, а господа (во всяком случае, молдавский) стремились перейти в подданство единоговерного царя. “Донося о многом, агентура отчасти направляла мысль в ложную сторону, отчасти заведомо сообщала благоприятные для нас данные, многое по некомпетентности своей оставляла без внимания, а в самую решительную минуту почти перестала функционировать, т.е. в конце 1710 г., когда Толстой был посажен в тюрьму”.

В общем, эта группа информаторов поставляла “материал обширный и разнообразный, дававший очень многое, но только не точное, ясное и устойчивое представление об общем объеме военных сил и средств Турции, об общем составе турецких сил, об условиях их мобилизации, характере их наступательных действий, особенностях возможного их сосредоточения к Дунаю, — обо всем этом данные имелись лишь отрывочные, не обработанные и не сведенные в одно общее целое”.

Вторая группа, собиравшая разведывательные данные, состояла из войсковых начальников и лиц высшей администрации в пограничных районах. Они засылали к туркам разведчиков, допрашивали перебежчиков и местных жителей. Мышлаевский отмечает, что их сведения уясняли ход дел в Польше, на Украи-

не и в Крыму (с одним из таких перебежчиков мы уже познакомились — это сержант Шульц).

Полученные отрывочные и противоречивые сведения в совокупности рисовали следующий план действий турок.

1) Турецкая армия придет на Дунай. К ней присоединятся Карл XII и поляки, сторонники С. Лещинского, т.е. шведов, и шведский померанский корпус, которые, возможно, двинутся навстречу, чтобы овладеть Польшей.

2) Крымские татары сделают набег на Украину, стремясь прорваться к Воронежу, чтобы уничтожить верфи и построенные корабли. Возможно, что они вместе с турецким десантом нападут на Азов.

Мы, зная теперь действия турок и татар, можем сделать вывод о том, что намерения их были разгаданы нашим командованием.

В Турции не было регулярной армии, и, начиная войну, султан созывал ополчение. Сбор войск для нового похода занимал около полугода. Главной силой армии были янычары. Получая скудное содержание, янычары вынуждены были заниматься мелкой торговлей. Поэтому среди них было много таких, которые пользовались янычарскими привилегиями, но воевать не умели и не хотели.

По донесениям Суттона, первый срок сбора армии вблизи Стамбула был назначен на 28 января 1711 г., но великий визирь предвидел, что армия к этому времени не соберется. Поэтому выступление в поход планировалось только спустя два месяца⁸⁵. Это подтверждается сведениями из тайных источников информации русского командования. Например, один из информаторов, македонец Костеанул, приехавший из Стамбула, сообщил, что сбор турецкой армии состоится в марте. Уже был отдан приказ о мобилизации 30 тыс. янычар, 10 тыс. латников и 7 тыс. артиллеристов⁸⁶. Так оно и произошло: лишь 8 апреля началось движение турецких отрядов к Эдирне (Адрианополю), от которого в мае армия пошла к Дунаю.

В депеше от 29 мая Суттон писал из Стамбула: “10-го мая янычары выступили из Адрианополя в Бендеры. 11-го за ними

последовали латники, 12-го — артиллеристы и 14-го — сам визирь с остальной армией. Они придут в Бендеры через 35 дней (или около этого), намереваясь сделать по пути несколько остановок. Румельские* войска идут к границам по другим маршрутам. Анатолийские войска уже в течение некоторого времени небольшими отрядами переправлялись у Галлиполи и здесь... Алеппские, диарбекирские и аденские войска ожидают здесь через 10—12 дней и едва успеют соединиться с армией до 10-го июля в Бендерах, куда вызван хан для встречи с визирем и совещания по плану кампании... Пять транспортных кораблей, которые привезли 3 тыс. янычар из Египта, высадили их в Галлиполи”⁸⁷.

В мае была собрана еще не вся армия.

При выступлении турок в поход произошло событие, которое было сочтено ими за неблагоприятное предзнаменование. Петр так сообщал о нем в письме к Меншикову от 3 мая:

“Христиане бедные zelo ревностно к нам поступают непрестанно и пишут неописанной страх и комфузию в поганых, которую наипаче умножил тот знак: когда пошли из Царяграда, тогда стал чрезвычайной шторм, и Могметово знамя, которое несено было пред енычарами, в лоскуты все изорвало и древко втрое изломило”⁸⁸.

Великий визирь с частью турецкого войска 3 июня подошел к Дунаю у Исаки и стал ждать остальную армию.

Суттон сообщал, что тут к нему присоединились “воевода киевский** и господин Орлик*** со своими поляками и казаками у Дуная... Хан также явился к визирю до его ухода от Дуная”⁸⁹.

А впоследствии, посылая в Лондон 1 октября уточненные сведения о походе, Суттон писал: “Страх и почтение перед русскими были так велики, что визирь, несмотря на повторные сообщения о тяжелом положении их армии, не перешел Дунай, пока к нему не присоединились последние отряды азиатской конницы”⁹⁰.

* Македонские.

** Юзеф Потоцкий с верными Лещинскому поляками.

*** Гетман запорожских казаков, ушедших с Мазепой.

Активность турок встревожила союзника России Августа, который вел секретные переговоры со шведами и турками. Петр настаивал на его участии в войне, а Август стремился избежать этого.

Получив известие о разрыве отношений между Турцией и Россией, Август послал в Стамбул своего тайного гонца. Вот что рассказывает об этом Суттон: в марте 1711 г. в Стамбул “приехал некий Перрен, француз, о котором говорят, что он служит у царя полковником, но я не знаю, служит ли он сейчас ему или королю Августу. Сначала он поселился в таверне в Галате под видом данцигского купца, но шпионы открыли, что он не поляк. Увидев себя выслеженным и подозреваемым, он переселился в дом французского посла. Этот человек, как мне сообщили, неоднократно бывал у короля Августа и получал от него инструкции... он... привез с собой много писем, которые видели в его шляпе”⁹¹.

Перрен должен был передать султану, что Польша, т.е. Август, не выступит против Турции⁹².

Но великий визирь заявил английскому послу, что Турцию “не радуют ни король Август, ни Станислав”⁹³.

Еще раньше Перрена в Стамбул для переговоров с Карлом XII приехал Талаба, представитель восставшего против Империи венгерского князя Ракоци (по сведениям Суттона, Талаба был представителем Ракоци при Петре)⁹⁴. До Стамбула Талаба побывал в Бендерах. Турецким министрам он заявил, что вручил Карлу географические карты с указанием предполагаемых путей русских войск в Крым и в Турцию (а Карл передал их туркам), а также, что Петр ведет секретные переговоры с румынским господарем Бранкованом⁹⁵. Ракоци впоследствии писал в своих мемуарах, что русские подозревали его в тайных переговорах с турками и шведами и что он убедил русских дипломатов в своей непричастности к развязыванию войны⁹⁶. Этому можно поверить — Ракоци стремился получить поддержку Турции и России против Империи, и русско-турецкая война была не в его интересах. Но поведение Талабы, если приведенное о нем сообщение правдиво, похоже на предательство по отношению к России.

План кампании, составленный русским командованием, учитывал опасность вторжения турок в Польшу и целесообразность использования помощи христианских народов, томившихся под гнетом турецкого ига.

Мышлаевский опубликовал интересный документ без заголовка, даты и подписи, назвав его “проектом плана войны 1711 г., принадлежащим неизвестному лицу”. Составители “Писем и бумаг императора Петра Великого” считали его автором Савву Рагузинского. Он датируется между 20 декабря 1710 г. и 17 января 1711 г.⁹⁷

В нем предлагался следующий план действий.

1. Направить главные силы в Молдавию, послав туда вперед войско, чтобы “ратовать Яссы и волохов* собирать под наши знамена до совокупления протчих наших главных войск”.

2. Послать письма в Албанию и Македонию к духовным руководителям христиан, находящихся под турецким игом, “уведомляя к вооружению, понеже ныне пришло время избавления их от подданства турецкого, обнадеживая их превеликими силами царского величества... послать и государевы грамоты к тамошним народам”, а также в республику Рагузу и сербским князьям, “дабы и они с протчими народы востали и, согласясь и вооружась, наступали на поганцов”.

3. Против крымских татар направить калмыков и донских и украинских казаков для отвлечения части турецких сил.

Эти предложения и легли в основу стратегического плана русского командования:

1. опередить турок и раньше них подойти к Дунаю, объединив там молдавские (волошские) и румынские (валашские, мулянтские) войска.

2. Получив заготовленный государями провиант, оказать поддержку борьбе балканских народов против турок.

3. Выставить заслон против набега крымских татар, используя для этого подданных России — кочевых калмыков.

Огромное значение для успешного выполнения этого плана имели два обстоятельства. Во-первых, быстрота марша русской

* Молдаван.

армии, которая должна была появиться у Дуная раньше турок и, во-вторых, переход на сторону России господарей: Молдавии — Кантемира и Валахии — Бранкована. Народы их княжеств издавна стремились перейти в подданство России, однако эти стремления разделялись не всей феодальной знатью. Среди последней были сторонники турок и поляков, и, кроме того, феодалы боролись между собою за благосклонность турок, ибо господарей назначал султан.

После объявления войны, 23 ноября 1710 г., турки назначили нового господаря Молдавии — Димитрия Кантемира. Это был человек, сумевший заслужить их доверие. Еще будучи юношей 15 лет, он попал в Стамбул в качестве заложника, обеспечивавшего верность его отца, тогдашнего господаря, а в 1695—1700 гг. был представителем молдавского господаря при турецком правительстве. Но Кантемир хотел с помощью России освободить Молдавию от турецкого ига, закрепив при этом за собою наследственную власть. В январе 1711 г. он предложил Петру военную помощь, а в апреле прислал своего представителя для заключения формального договора.

Петр 13 апреля 1711 г. подписал Кантемиру диплом, в котором обещал назначить его наследственным правителем Молдавии с титулом князя, и даже если кто-нибудь из его династии окажется негодным царю, то оставить престол в семействе Кантемиров. В случае победы турок Кантемиру, его семье и наследникам было обещано убежище в России, имущество и содержание, “коликo князю доволно быть может”⁹⁸.

Значение этого документа было в том, что он провозглашал задачу освобождения Молдавии от турецкого ига и прекращения феодальных усобиц и борьбы знати за молдавский престол.

Переход Кантемира на сторону России был расценен русским правительством как важное политическое событие. Об этом свидетельствует любопытный вещественный источник: отпечаток на шелку гравюры с аллегорическим изображением перехода Кантемира на сторону России. На гравюре изображен Кантемир, на коне, с валяющимся на земле шлемом со страусовыми перьями. Оказывается, при торжественном назначении Кантемира господарем Молдавии на него был надет такой голо-

вной убор военачальника в знак того, что он включается в ряды янычар — гвардии султана. Сброшенный шлем символизирует на гравюре освобождение от власти турок. Кантемир обращен лицом к величественной женщине — России. Тут же аллегорически изображена Мудрость, держащая свиток, на котором написаны условия договора от 13 апреля 1711 г. и условия перехода Кантемира на сторону России⁹⁹.

В Валахии (Румынии) с 1688 г. правил ловкий и изворотливый Константин Бранкован (Брынковяну), сумевший продержаться на престоле в общей сложности 25 лет. Он давно и успешно вел двойную игру: заверяя турок в своей верности, тайно сносился с Петром и еще в 1701 г. получил от него грамоту о предоставлении ему политического убежища в России, если турки лишат его господарства.

Бранкован стремился не только к освобождению Валахии от турок, но и к объединению Валахии и Молдавии под своей властью, что, естественно, вызывало неприязнь к нему Кантемиров. Рассчитывая на поддержку России, Бранкован тайно оказывал Петру услуги, снабжая ценной информацией и выручая Толстого деньгами.

Турки использовали недоверие Кантемира к Бранковану, который был у них на подозрении, и, назначая Кантемира господарем, дали ему полномочие схватить валашского господаря, когда измена последнего станет явной. Направляясь на встречу с русской армией, турецкое войско раньше нее подошло к Дунаю, и это предотвратило переход Бранкована на сторону России.

Но в начале 1711 г. казалось, что молдавский и румынский господари ждали только подхода русской армии, чтобы присоединиться к ней с войском и провиантом.

Большие надежды Петр возлагал на стремление балканских народов освободиться от турецкого владычества.

2 марта Петр назначил русским консулом в Венеции Д. Бонциса (брат которого командовал русским галерным флотом), а в апреле послал туда в помощь ему одного из сотрудников Толстого, М. Каретту, поручив им побуждать к восстанию балканских христиан¹⁰⁰.

3 марта 1711 г. Петр направил грамоту черногорцам, с призывом, обращенным не только к ним, но и ко всем балканским народам, воевать с турками “за веру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наследников ваших”¹⁰¹. Грамота была послана через знакомого Саввы Рагузинского серба Михаила Милорадовича. “Прошу, — писал ему Рагузинский, — да изволишь пойти в Сербию, Албанию, и к... черногорцам и иным, и увещевайте оных, дабы, собрав, воевали на турков”. Милорадович известен своей прежней борьбой с турками; он получил чин полковника русской армии и 500 золотых.

23 марта Петр направил грамоту к христианским народам, подвластным Турции. “Турки растоптали нашу веру, — говорилось в ней, — хитростью овладели церквями и землями нашими... скольких они порабощают и отуречивают... Я иду к вам на помощь”¹⁰².

Турки сильно опасались восстания балканских народов. Генерал Аларт писал, что в конце мая 1711 г., после известия о переходе на сторону России молдавского господаря, было “повелено у всех христиан, обретающихся в турецких державах, всякое [о]ружье обобратить, кроме одного ножа”¹⁰³.

Черногорцы и сербы удачно начали военные действия против турок. Всего собралось 25—30 тыс. сербов и 10 тыс. черногорцев, но вооружение у них было плохое: только половина имела ружья, а пушек не было совсем. “Мы не имеем денег, сколько на солдат потребно, — сообщал Милорадович Боцису, — и, ежели мне правду сказать, то венециане нам ни пороху, ни ядер, ни что к войску потребно, продавать не хотят. Оные нас ни через свою землю, ниже на море, не пускают”. Тем не менее, сербы вскоре дважды одержали победу. Затем турки были вытеснены из Герцеговины и части Македонии.

В это время к русским представителям в Венецию был послан с бумагами тайный агент Павел Арколео, грек, служивший боцманом в русском флоте. Это был один из иностранцев-авантюристов, проявивший себя, по словам Рагузинского, как “вор и плут”. Арколео направился сначала к австрийским сербам. “Поехал я, — сообщал он, — чтобы подать куражу сербам, и... сыскал капитана Богдана Марковича в фортеции, скована же-

лезами... А реченное несчастье приключилось капитану Богдану от одного серба в его же партии, понеже того же дня, в которой определился подняться с 15 тысячами сербов в споможение оружия российского, был от реченного сербенина предан, и объявлен бунт. Того ради немцы* поймали его, яко начального бунтовщика, с которым и другие многие пострадали”.

По другим данным, сербов выдал еще и Бранкован, уведоливший об их намерении императора.

Затем Арколео побывал в Венеции, завладел там принадлежавшими Рагузинскому русским орденом и хрустальными пуговицами и пробрался в Черногорию к Милорадовичу. Это было уже в 1712 г., когда Турция, понеся ощутительные потери, призвала восставших сербов и черногорцев прекратить военные действия.

Явившись к Милорадовичу, Арколео представился как “государственный тайный секретарь”, возложил на него орден, принадлежавший Рагузинскому, и объявил, что все, участвовавшие в борьбе с турками, получают царское жалование, а пока надо воевать дальше, ибо царь не будет выполнять условия мирного договора и начнет снова войну. Ему, естественно, поверили.

“И те бедные народы, — с возмущением писал Рагузинский, — приняли его как ангела и чинили шпалеру оружием** , как первому генералу”.

Авантюрист воспользовался доверием для аферы. Он объявил, что поиздержался, исполняя царские поручения, и просит дать ему 1000 золотых под заклад имеющихся у него якобы “царских алмазных” пуговиц. Простодушные горцы продали церковные сосуды и дали “вору и плуту” деньги.

Восстание балканских христиан, вспыхнувшее в разгар кампании, вызвало в Турции немалое беспокойство. Оно, несомненно, отвлекло часть турецких войск. Но заключение Прутского мирного договора позволило туркам высвободить силы для подавления героической борьбы восставших.

Милорадович уцелел и в 1715 г. поступил на русскую службу.

* Австрийцы.

** Воздавали военные почести.

Попытки осложнить военные приготовления России набегами крымских татар успеха туркам не принесли.

В январе крымский хан напал на Умань, но потерпел поражение. В феврале 40 тыс. татар вновь вторглись на Украину, где соединились с 3—4 тыс. поляков и 4—8 тыс. казаков под командованием Орлика, но в марте потерпели поражение под Белой Церковью. В письме Ф.М. Апраксину 24 апреля Петр сообщал: “Что же о Украине заднепрской, и о том объявляю, что которые шатались и татарам отдались, господин генерал-лейтенант Голицын всех принцыпалов*, переимав, в Киев послал, а протчих, разоря, за Днепр выгнал. Татары, ни малого бою дав, ушли”¹⁰⁴.

Несмотря на относительную слабость русских войск на Украине, не ожидавших столь быстрых действий татар, последним не удалось помешать походу русской армии в Молдавию.

Остановимся на численности и составе русской армии.

Здесь уместно будет сказать о высших воинских чинах того времени.

Между полковником и генерал-майором был бригадир. Первый генеральский чин — генерал-майор. Следующий — генерал-лейтенант (назывался также генерал-поручик). Затем шел полный генерал: генерал от инфантерии (пехоты) и генерал от кавалерии. Высшим воинским чином был генерал-фельдмаршал (обычно просто фельдмаршал). Ими были граф Борис Петрович Шереметев и светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Основные силы действующей армии под общей командой Шереметева состояли из трех пехотных дивизий (22 полков) и находились на зимних квартирах возле Риги. Командиром одной из дивизий формально числился Меншиков; 13 апреля Петр приказал командовать этой дивизией генералу А.А. Вейде. В ней были два гвардейских полка: Астраханский и Ингерманландский и полки — Гренадерский, Ивангородский, Копорский, Лефортовский, Ренцелев и Тобольский.

* Начальников.

В дивизии генерала князя А.И. Репнина, были Белгородский, Бутырский, Гренадерский, Киевский, Нарвский, Тверской и Шлиссельбургский полки.

В дивизии генерала Аларта — Гренадерский, Казанский, Московский, Нижегородский, Псковский, Сибирский и Устюжский полки¹⁰⁵.

Полевой артиллерией командовал генерал-лейтенант Я.В. Брюс¹⁰⁶.

В Новгороде стояли гвардейские Преображенский и Семёновский полки, под командой генерал-майора князя В.В. Долгорукого¹⁰⁷.

В Польше для прикрытия от возможного вторжения турок, стоял корпус генерала Януса фон Эбершtedта, в котором было 10 драгунских полков. Заместителем Януса был генерал-лейтенант князь М.М. Голицын¹⁰⁸. Петр 2 февраля послал Янусу указ, в котором подтверждал свои распоряжения: “Повелеваем вам быть тамо при войсках наших, и иметь команду с князем Голицыным обще, и во всем поступать, смотря на неприятельские обороты, по данным вам прежним указом”¹⁰⁹. Именно у Януса служил бригадиром Моро.

В Польше же, но севернее, находились 2 драгунских и 5 пехотных полков под командой бригадира П.И. Яковлева, которые составляли заслон против шведского померанского корпуса.

Получив 20 декабря письмо Толстого с сообщением, что турки объявили войну, Петр немедленно послал указы:

Шереметеву — вести армию и полевую артиллерию (под командованием Брюса и генерал-майора Гинтера) к молдавской границе через Минск.

Янусу фон Эбершtedту и М.М. Голицыну — идти тоже к молдавской границе, чтобы прикрыть Подолию.

Долгорукому — идти в Москву (на встречу с Петром).

Меншикову — руководить обороной Прибалтики.

Киевскому губернатору Д.М. Голицыну — вместе с гетманом Скоропадским оборонять Украину и Приазовье.

Адмиралу Ф.М. Апраксину — ехать в Воронеж и, используя калмыков, организовать оборону юго-восточной границы от крымских татар.

Московскому, казанскому, смоленскому, архангельскому и сибирскому губернаторам — набирать рекрутов и часть из них отослать в Смоленск для включения в действующую армию¹¹⁰.

Петр отчетливо понимал особенности турецкого войска, обусловленные отсутствием в нем “регулярных” отрядов, т.е. обученных европейскому строю. Именно поэтому в Польше находились драгунские полки, солдаты которых являлись, в сущности, кавалеристами, обученными к действиям в пешем строю. “Учить драгун огнем как конных, так и пеших, а палашам покой дать, — писал Петр 5 января М.М. Голицыну, — ибо с турками зело инако надлежит воевать, как с шведами”¹¹¹. Атаки турок следовало отражать огнем; турецкая конница была бессильна против войск, построенных плотным четырехугольником (каре), особенно если каре было ограждено рогатками и “ножами”.

Сохранились описания этих видов тогдашнего вооружения. У рогаток перекрещенные бруски должны были быть длиною по 4 аршина 2 вершка (2 м 93 см), с 20 спицами по три аршина без трех вершков (2 м). “Ножи” (иначе “чеснок”) — это маленькие острые рогатинки, которые рассыпались по полю¹¹². Стоящая в строю пехота, защищенная этими орудиями, могла с успехом отразить беспорядочные наскоки кавалеристов, вооруженных главным образом холодным оружием.

Петр выехал из Петербурга 17 января в Москву. Здесь, в Преображенском, 22 февраля 1711 г. он подписал указ об учреждении сената — нового высшего органа управления: “Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат, для управления”¹¹³.

Задержки в выполнении плана кампании начались сразу же: получив указ Петра о выступлении, Шереметев не смог тут же отправить полки в поход.

31 января Петр написал ему гневное письмо:

“Господин генерал-фельтмаршал. Письма ваши от 15-го дня сего генваря, в которых объявляете трудность в походе вашем с полками к волоским границам и чтоб дать вам в том время, мы получили и повелеваем вам походом своим с полками поспешать

неотлагательно, как наискорее, оставя все отговорки. И надлежит тебе самому при тех полках наших итти... прямо к волоским границам, понеже имеем мы совершенную ведомость, что турецкие войска уже при границах собираются”.

Генералу К.Э. Ренне, который был назначен Петром командовать драгунами и прибыл в Ригу 26 января¹¹⁴, 2 февраля Шереметев велел ехать в Польшу и руководить подготовкой “магазинов”, т.е. складов продовольствия для армии.

Вскоре, 15 февраля, Петр приказал бригадиру Яковлеву:

“И понеже... у тебя все полки, кроме двух драгунских, пехотные, которые ныне наипаче потребны против турок, нежели против шведов, того ради послан указ наш... к генералом нашим*, дабы они вместо той пехоты отправили под команду твою толикое ж число драгунских полков. И когда они к тебе те драгунские полки пошлют, и станут оные приближаться к тебе, то к ним вместо того пехоту всю немедленно отправь”¹¹⁵.

Войска отправлялись в поход отдельными дивизиями с начала февраля. Сам Шереметев выехал из Риги 11 февраля и прибыл в Минск 22 февраля. Здесь войска задержались из-за распутицы до 8 марта¹¹⁶.

В Успенском соборе в Москве 25 февраля состоялся торжественный молебен и был оглашен манифест о войне с Турцией. В описании этого события говорится: “Пред церковью стояли в строю два полка гвардии, у которых, вместо первых обыкновенных белых знамен, были красные, на которых подпись: “За имя Иисус Христа и христианство”, и наверху, кругом креста, которой изображен с сиянием, подпись: “Сим знаменем победиши”. И пошли те полки в поход того ж числа”¹¹⁷.

Но Петр еще допускал возможность примирения с Турцией: 28 февраля он подписал “Объявление” о начале войны, в котором писал, что турки: “Миронарушения на нас возложити и сего ради разныя неосновательныя причины... нам приписать хочет, а именно, будто мы сами долее миру содержать не хотели... и ... многие крепости на границе их построили, наши войска в Турецкую область ввели и им короля свейского чрез Польшу

* Янусу фон Эберштудту и М.М. Голицыну.

безопасно в его земли... проводить не допустили и протчая, сего ради мы за потребно изобрели сим явственно объявити ... построенные от нас крепости... на нашей собственной земле, которая нам отчасти издревле принадлежала, отчасти же по договору и учиненному разграничению... определена... також и войска наши... токмо на границе стояли. И хотя оные прежде сего неприятеля даже и в Турецкую область гонили, однакож... то все учинилось по воинскому праву... мы... многократно объявляли, что мы не токмо короля свейского свободно в его земли пропустим, но и позволим, дабы он конвоем турецким, состоящим до 5000 человек, туда проважен был... И хотя мы... нашей армии к турецким границам маршировать велели, однакож... мы оных, сколь скоро от Оттоманской Порты доволное безопаство учинится, от границ отведем и всякие способы к приятному примирению между нами прилагати будем”¹¹⁸.

Турки на это предложение не ответили.

Из Москвы Петр уехал к армии 6 марта “купно с ее величеством государынею царицею Екатериною Алексеевною. И ехали на почте* на Вязму, на Смоленск, на Горки и прибыли в Слуцк 13-го дня, куда и фельдмаршал граф Шереметев и генерал князь Репнин приехали”¹¹⁹.

Перед отъездом из Москвы произошло важное событие: у России появилась новая царица Екатерина Алексеевна. О ее национальности и происхождении точных данных нет. Достоверно известно лишь, что ее звали Мартой, происходила она из крестьянской семьи из шведских владений в Прибалтике, по роисповеданию была лютеранкой. Возможно, она была из семьи латышских крестьян¹²⁰. После взятия одного из городов в Прибалтике (называли Мариенбург, а также Дерпт) она попала в русский плен, оказалась у Б.П. Шереметева, затем у Меншикова, от которого перешла к Петру. Постепенно Петр все больше и больше привязывался к ней. Ее крестили, дали ей имя Екатерина, отчество Алексеевна (крестным отцом был сын Петра, царевич Алексей), а фамилия (или прозвище) за ней закрепилась Василевская.

* На почтовых лошадях.

Не самое лучшее впечатление о ней высказала современница-иностранка маркграфиня Вильгельмина Байрейтская, в 1718 г.: “маленькая, коренастая, очень смуглая, непредставительная и неизящная женщина”¹²¹.

Екатерина обладала спокойным характером, терпением, незаурядным мужеством, была весела, приятна и имела поистине железную выносливость. Это была настоящая “походная жена”, которой удавалось успокаивать Петра во время нередких у него приступов нервного бешенства: по описанию современника (голштинца Бассевича), “звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, голову, которую слегка почесывала... он засыпал за несколько минут... она держала его голову на своей груди, сидела неподвижно в продолжение двух или трех часов. После этого он просыпался совершенно свежим и бодрым”¹²².

Все эти качества в конце концов сделали ее необходимой для царя. В 1708 г., уезжая к армии, Петр оставил распоряжение: “Ежели что случится волею божею, тогда три тысячи рублей, которые ныне во дворе господина князя Меншикова, отдать Катерине Василевской и с девочкой”.

Спустя три года положение Екатерины изменилось как в сказке: уезжая на войну с турками, Петр сделал лифляндскую простолюдинку русской царицей. Это произошло без особенной пышности.

В своих записках Юст Юль рассказывает, что 10 марта 1711 г. он ездил в Измайлово — двор в трех верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми-царевнами — к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали ему следующее: “Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою, Наталью Алексеевну, в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законною его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с нею не может, то увозит ее с собою, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь

дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу. После этого все они поздравили Екатерину Алексеевну и поцеловали у нее руку”¹²³.

По мнению английского дипломата Витворта, женитьба Петра I на Екатерине была “одним из неожиданных событий нашего удивительного века”¹²⁴.

Характеризуя новую императрицу, Моро писал: “Она признана была императрицей: честь, коей она достойна более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения, безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честью, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови”¹²⁵.

Выехав 18 марта в Луцк, Петр прибыл туда 27 марта. В Луцке он сильно заболел какой-то болезнью, продолжавшейся до 5 апреля, о которой 9 апреля написал Меншикову: “Я zelo был болен скорбью такою, какой болезни отроду мне не бывало, ибо две недели з жестокими палаксизмами была, ис которых один полторы сутки держал, где весма жить отчаялся... Но, слава богу, свободился и учусь ходить”¹²⁶.

Как только оправился от болезни, уже 5 апреля, Петр запросил Яковлева, отправил ли он свои 5 полков и какой дорогой, и 18 апреля получил ответ, что полки выступили 6 апреля на Львов¹²⁷. В тот же день, 6 апреля, Петр приказал полкам Долгорукого идти в Полонное, “а протчие дивизии к вам же подадутца, а имянно: Репнин на Корец, Алартава к Острогу, Вейдова к Мирополью, и тако недалеко будут от вас для принятия рекрут” (которые шли с Долгоруким)¹²⁸.

Шереметьев приехал в Луцк 12 апреля, и сразу же, 12—13 апреля, состоялся военный совет. После него Петр продиктовал указ Шереметеву с предписанием собрать армию у Бреславля (Брацлава) и подойти к Днестру не позднее 20 мая,

* Титул “император” в России переводился как “цесарь”, сокращенно — царь.

при этом ему предписывалось “для лутчего управления” прибыть туда в апреле, заготовить провианту на три месяца, обучать рекрутов, сделать суда и плоты для переправы через Днестр и запас рогаток. “Сие все исполнить, — приписал Петр собственноручно, — не опуская времени, ибо ежели умедлим, то все потеряем”¹²⁹.

Однако Шереметев 13-го же апреля представил Петру “доношение” о том, что не надеется прибыть к Бреславлю к 20 мая, так как “переправы задерживают”, артиллерия и рекруты еще не подошли и лошадей не хватает — конский состав армии не пополнялся со времени Полтавской битвы. “А которые были, — писал фельдмаршал, — те чрез марш от Полтавы и во время рижского блокаду и нынешняго маршу весма разорены, что в ыных полках ничего не обретається, полковых припасов, а паче провианту, возить не на чем”¹³⁰.

Но Петр подтвердил свое распоряжение торопиться, наложив резолюцию: “Поспеть к сроку, а лошадей или лутче волов купить или взять с обывателей”¹³¹. Не ограничиваясь этим, он послал отдельные указы командирам дивизий — Репнину, Аларту, Головину (временно замещавшему Вейде), Голицыну и Янусу фон Эберштедту.

Петр 22 апреля подтвердил свое требование к Шереметеву и генералам, командирам дивизий: прийти в Бреславль к 10 мая и к Днестру к 15 мая. Шереметеву он писал в зашифрованной приписке: “Для бога, не медлите в назначенное место, ибо и ныне от всех христиан паки писма получили, которые самим богом просят, чтобы поспешить прежде турок, в чем превеликую пользу являют. А ежели умешкаем, то вдсятеро тяжелее или едва возможно будет свой интерес исполнить, и тако все потеряем умедлением”¹³².

По пути к армии Петр встретился в Ярославле с Августом, где 29 мая между ними был заключен договор. В нем говорилось о совместных действиях против шведских войск в Померании¹³³. Но участия Августа в войне с Турцией Петр добиться не смог.

К Шереметеву в Немиров 12 мая прибыл командующий гвардией князь Долгорукий с инструкцией от Петра¹³⁴, в кото-

рой говорилось, что господа молдавский и валашский просят скорее вступить в их земли, обещая соединиться с нашими войсками и поднять свои народы против турок. Это вызовет восстания христиан внутри Турции, “что увидя, турецкой везирь за Дунай пойтить не отважится, и большая часть от войск его разбежится, и может быть, что и бунт учинят”. А если турки успеют переправиться через Дунай, то господа принуждены будут соединиться с ними, и “большая часть христиан” не осмелятся подняться против них, пока мы не одержим победы, “а иные малодушные и против нас туркам служить будут”. Господарь молдавский уже “посылает в сих числах к нам... присягу за подписью своею и печатью, по которой хочет у нас быть в подданстве”.

Далее в инструкции Петр приказывал Шереметеву взять корпус кавалерии, “которой там под командою генерал-лейтенанта князя Голицына обретается... також и с пехотными Ингермонландским и Астраханским полками” и выступить в поход “в три или четыре дни”. Перейдя Днестр, идти к Дунаю и послать “кого пристойно” к молдавскому и валашскому господарям, призывая их к совместным действиям против турок. А после присоединения к нему молдавского господаря спешить к Дунаю, к тому месту, где, по сообщениям разведки, турки собирались строить мост для переправы. Если турки еще не перешли Дунай, или если их перешло “малое число”, то разрушить мост и постараться предотвратить переправу неприятеля. Если же “уведает подлинно, что турки чрез Дунай со всею силою перешли, то стать за Днестром в удобном месте, и иметь добрую осторожность, и разведывать чрез шпионов и волохов о неприятельской силе, и о походе и обращении, и о всем том к нам писать. И трудиться привлекать к себе” молдаван и “прочих христиан”.

В конце Петр подчеркивал, что “сего походу ни за чем и ни за каким разсуждением не отлагать, но итить со всяким поспешением”.

Одновременно отдельными указами Шереметеву предлагалось назначить начальником конницы генерала Януса, а Голицыну остаться “близ Днестра, где назначено всей армии збират-

ца”, и готовить провиант¹³⁵. Тогда же были посланы манифесты молдаванам и валахам с призывом поступать на русскую службу для войны с турками.

Как же Шереметев и Долгорукий выполнили инструкцию Петра?

Вот что сообщает Журнал Шереметева.

В Бреславль Шереметев и Долгорукий прибыли в полдень 16 мая.

17-го, Шереметев устроил смотр драгунским полкам, и “которые пересмотрел, те в поход пошли к Днестру, и обозы всех полков чрез Буг-реку переправлялись, токмо не все могли перейти”.

18-го Шереметев, продолжая смотр, устроил еще “ученье стрельбою” и, “пересмотря, в поход пошли”. Марш был медленным — к 22 мая Шереметев прошел только полторы мили от Бреславля, и отсюда “с полками пошли к Днестру”. Миля, вероятно, имелась в виду немецкая, т.е. около 8 км. Значит, за 17—21 мая, т.е. за 5 дней, войска прошли всего 12 км!

22-го числа корпус преодолел 3,5 мили (28 км), но 23-го стоял, “понеже некоторые обозы еще не прибыли (и великая была дефиля через гору)”.

Вероятно, читателю будет интересно познакомиться с тем, в каком порядке двигался корпус (“деташамент”) Шереметева. Это известно из записанных в Журнал Шереметева “пунктов, каким образом маршировать”.

Скорость корпуса определялась скоростью обозов, которые везли провиант, фураж, боеприпасы, а также офицерских жен и офицерские пожитки. Драгунские (конные!) полки шли в пешем строю, “во фронте”, с левой стороны обозов, причем один из полков, меняясь попеременно, шел справа, прикрывая обозы и с этой стороны. Впереди двигался “пикет” из 500 драгун с полковником во главе, по роте из каждого полка. Драгунских лошадей полагалось “пасти в безопасном месте”.

Ясно, что при таком порядке скорость похода конницы не отличалась от скорости пехоты. Петр же, посылая с Шереметевым именно конницу, рассчитывал, конечно, на значительно более быстрое продвижение.

Вернемся к марширующему корпусу. Его авангард подошел к Днестру 23 мая и начал переправу, но ему помешали.

Гетман Скоропадский рассказал об этом в письме от 26 мая киевскому губернатору Д.М. Голицыну, а Голицын 12 июня сообщил это адмиралу Апраксину:

“23 числа наша антигардия, в 900 человеках состоящая, чрез Днестр мост построили и одну роту гранадерскую на ту сторону переправили, где, рано пришед, турецкая партия из Бендер, в 3000 человеках состоящая из турков и поляков и шведов, с которыми генерал-майор швецкой, и напали на оную нашу роту. И по жестокой стрельбе наши принуждены на сю сторону уступить, утратя 2 человека, а турков и поляков ранено и побито больши 20 человек. А потом того ж дня стрелялись чрез реку. И 24 числа паки турки пошли к Бендерю. А наши мост поправили, и господин фельдмаршал граф Шереметев с немалым числом кавалерии и с полками инфантерии намерены как наискоряя маршировать. Но ведомость есть, что татар с 15 000 в миле или в дву с ними расстоянием обретаютца и хотят в том марше препятие, в чем надежду имеют наши на бога и надеются 27 числа маяя всеконечно на ту сторону Днестра всем корпусом нашим переправитца. А из Турецкой земли подлинной ведомости нет, токмо ожидают вскоре везиря к Дунаю, где и мост уже готов”¹³⁶.

24-го, пройдя оставшиеся 3 мили (24 км), корпус достиг Днестра близ Рашкова. А 25-го — вместо 20-го, как рассчитывал Петр, началась переправа через Днестр: “генерал-фельдмаршал, перешед под деревнею Вертками переправу, стоял на горе на другой стороне к Днестру, понеже обозы на той переправе переправлялись всех полков в одну телегу и зело мешкотно, також и лесами и горами великими принуждены идтить в одну ж телегу”. И только 30 мая переправа была закончена.

28 мая было получено письмо от Кантемира, который просил прислать к нему в Яссы 3 тыс. человек конницы и указывал, что турки уже 10 дней тому назад вышли из Адрианополя, откуда до Дуная всего 25 переходов, а потому “сами извольте, как можно наискорее, поспешать”. На военном совете было решено послать к нему бригадира Кропотова. 29 мая Кропотов отпра-

вился в Яссы с тремя драгунскими полками и двумя гренадерскими ротами¹³⁷.

6 июня Кантемир прибыл в лагерь Б.П. Шереметева. “Господарь, — пишет Моро, — отложился от Порты, передался фельдмаршалу и привел к нему до шести тысяч плохой молдавской конницы; их всадники большею частью вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам”¹³⁸.

Численность приведенного Кантемиром отряда подтверждается письмом Г.И. Головкина сыну: “Господин фельдмаршал граф Шереметев уже пришел с кавалериею к Ясом, и господарь воложский со всеми приступил к государю в подданство, и войска с ним 6 тысяч”¹³⁹. По данным имперского представителя в Турции Тальмана, Кантемир передал русским несколько тысяч овец и быков, собранных по приказу турок¹⁴⁰.

Кантемиру была устроена торжественная встреча: “полки все стояли в параде с распущенными знаменами, и честь была ему с барабанным боем”¹⁴¹.

Состоялся военный совет, после чего в шатре “фельдмаршалом, пив водку, кушали”¹⁴².

Обсудив положение, военный совет пришел к выводу, что дальнейшее движение корпуса Шереметева к Дунаю нецелесообразно. По сведениям Кантемира, полученным еще 1 июня, турки были только в 7 переходах от Дуная, так что опередить их было уже нельзя (действительно, Шереметев в письме Петру от 16 июня сообщал, что “турки на Дунай 3-го числа сего месяца пришли, и невозможно было нам прежде с войском ускорить”)¹⁴³. Численность турок определялась в 40—60 тыс. человек, численность татар — в 20 тыс. человек (в действительности и тех и других было больше), у Шереметева же насчитывалось всего 14 873 человека. Корпус ощущал недостаток в хлебе, а надежда на поголовное восстание молдаван не оправдалась: Кантемир привел с собою всего 6 тыс. человек, плохо вооруженных и не обученных военным действиям¹⁴⁴.

По мнению участников военного совета, следовало дожидаться подхода пехоты или даже соединения всей армии, затем перейти Прут и идти к Дунаю, имея между собою и турками Прут. Приход к Дунаю дал бы возможность захватить про-

вариант, заготовленный валашским господарем для турок, и побудить самого господаря примкнуть к русской армии.

Прося дальнейших указаний, 8 июня Шереметев написал об этом Петру и получил в ответ гневное письмо царя от 12 июня:

“Господин генерал-фельтмаршал. Письмо твое я вчера получил, на которое отвечаю. О замедлении вашем zelo дивлюсь, понеже первое хотели из Бреслава итти (как вы писали ко мне в Яворов) 16, и тако б возможно было поспеть в четыре дни, то есть к 20-му числу. А вы перешли 30 числа, и так десять дней потеряно, к тому ж на Ясы криво. И ежели б по указу учинили, то б конечно прежде турков к Дунаю были, ибо от Днестра только до Дуная 10 или по нужде 13 дней ходу. А ныне старья ваши песни в одговорках, на которое дело я болше не знаю, какие указы посылать, понеже обо всем уже давольной указ дан, в чем можете ответ дать.

О правянте, отколь и каким образом возможно, делайте, ибо когда солдат приведем, а у вас не будет что им есть, то вас оным в снедь дадим.

Мы конечно сегодня будем к Днестру и, как возможно перешед, пойдем к вам, а которые уже перешли, тех наперед отпустим”¹⁴⁵.

Одновременно Петр написал и Долгорукому:

“Зело удивляюсь, что вы так оплошно делаете, для чего посланы. Ежели б так зделали, как приказано, давно б были у Дуная. Я zelo на вас надеелся, а ныне вижу, что и к тебе то ж пристала... А что требуете указов новых, то я не знаю, что больше писать”¹⁴⁶.

Переправе на правый берег Днестра и движению в глубь Молдавии предшествовало долгое обсуждение. Оно началось, по данным Моро де Бразе, 14 июня, еще до соединения основных сил русской армии с корпусом Шереметева, ожидавшим их в Молдавии. В этот день состоялся военный совет с участием самого Петра, трех его штатских советников — канцлера Головкина, подканцлера Шафирова, советника Саввы Рагузинского, и восьми генералов — Репнина, Вейде, Брюса, Аларта, Ренне, Энсберга, Остена и Беркгольца. Моро называет еще и Долгору-

кого, но это ошибка, так как последний был в это время с Шереметевым.

По словам Моро, на совете столкнулись мнения двух “партий” — “русской” и “немецкой”.

“Немецкая” предлагала остановиться на Днестре, овладеть Бендерами и Могилевом и ждать турок, рассуждая, что намерения турок пока неизвестны, а русская армия нуждается в отдыхе. Вступив же в Молдавию, ей придется идти необитаемой степью и редко заселенной территорией, где трудно будет найти провиант и фураж. Этому плану нельзя было отказать в положительных сторонах: армия получала отдых и возможность подвоза провианта и фуража, тем более что Молдавия была опустошена саранчой. Но он не учитывал того, что, во-первых, Россия теряла ожидаемую помощь Валахии и, во-вторых, Карл XII, который в случае занятия Бендер русской армией был бы вынужден бежать из них, мог бы получить в свое распоряжение достаточно сильный турецкий отряд для прорыва в Польшу, в то время как остальная турецкая армия сковала бы действия русского войска на берегах Днестра.

Поэтому “русская” партия высказалась за выполнение ранее принятого плана кампании, т.е. за продвижение в глубь Молдавии и сражение с турками. Петр согласился с этим мнением и принял решение послать конный отряд в Валахию, чтобы побудить Бранкована вслед за Кантемиром перейти на сторону России.

После соединения с Шереметевым это решение было еще раз обсуждено на военном совете в Яссах, где произошли два события, укрепившие “русскую партию” в ее мнении. Во-первых, в Яссы приехал представитель Бранкована Георгий Кастриот с известием, что турецкое правительство тайно дало знать иерусалимскому патриарху для передачи русским о своем желании вступить в мирные переговоры, о чем патриарх сообщил валашскому господарю, и, во-вторых, прискакала группа валашской знати во главе с племянником Бранкована Фомой Кантакузиным.

Суттон сообщал, что “Фома Кантакузин, племянник и спатар, или генерал, князя валашского, посланный с трехтысячным

отрядом в турецкий лагерь, дезертировал к русским с 40 или 50 людьми, и он и Димитрий Кантемир находятся сейчас в их лагере, записывая молдаван, валахов, болгар и других, являющихся к ним из Румелии”¹⁴⁷.

Кантакузин и его спутники уверяли, что как только русские вступят в Валахию, колебания Бранкована прекратятся, и можно будет захватить заготовленный там для турок провиант.

О желании турок заключить мир Петру стало известно еще в феврале: русский посол в Вене писал, что “аглинской и голанской министры* говорили ему, что писали к ним министры их из Царяграда, якобы турок, хотя и зачал войну против царского величества, однакож в разкаяние приходит и хочет мир паки возобновить, о чем им и везирь в разговорах доволно показал”¹⁴⁸. Петр тогда же обратился с просьбой о посредничестве к Англии, Голландии и Империи, но те от этого уклонились.

О желании турецкой стороны мира с Россией сообщил и Лука Барка в письме от 22 июня: “...видя турки такую мешкоту и трудность шведов вступления в Полшу... и за тем готовы суть паки честной мир учинить... [Султан] послал ферман к визирю, чтоб он маршировал к Бендерю, а как туды прибудет, ничего б не действовал против москвитян прежде, покамест от них не будет какого нападения”¹⁴⁹.

Некулче (молдавский гетман) тоже пишет, что визирь предлагал заключить мир¹⁵⁰.

Курат усомнился в правдивости этого сообщения¹⁵¹. Однако, как показали дальнейшие события, визирь действительно имел от султана полномочия заключить мир, разумеется, на выгодных для Турции условиях.

К маю 1711 г., т.е. к моменту выступления в поход турецкой армии, воинственность турок сильно понизилась. Смотр армии показал, что она недостаточно хорошо вооружена и экипирована.

Суттон писал 14 июня, что его “уверяют, что они [турки] уже начали дезертировать в значительном количестве... кроме того, солдаты очень недовольны и подозреваются в возможности взбунтоваться”¹⁵².

* Чрезвычайные и полномочные министры, т.е. послы.

“Войско азийское, — продолжал Барка в том же письме от 22 июня, — почитай, все пришло сюда, токмо остались там двое пашей. И за великой стыд себе причитают турки видеть такое войско, ибо народ плох, ободран, без ружья, и от далекого пути утомлен, и за тем на войну без сердца идут... Хотя войско турецкое есть многочисленно, однакож торопко, нерегулярно, без голов* умных, которое войско не имеет боязни ни от везира, ни от других офицеров”¹⁵³.

Поведение турок в Прутском сражении, как увидим дальше, полностью подтвердило эту характеристику.

Получив сообщение Кастриота, Петр не стал предлагать туркам вступить в переговоры. Позднее он объяснил, почему это было отвергнуто: “тогда тому не поверено, а паче того то не принято, дабы не придать неприятелю сердца или куражу”¹⁵⁴.

Фоме Кантакузину Петр пожаловал 1 тыс. руб. и свой портрет с алмазами, ценой тоже в 1 тыс. руб.¹⁵⁵

Кантакузин обвинял Бранкована в намеренной медлительности: “...в подданстве его царскому величеству весьма медлит и некоторые отговорки от того и несклонность являет, понеже зело богат, и не хочет себя в трудности и опасности вдавать”¹⁵⁶.

Впоследствии Суттон писал: “Подозревают, что князь Валахии, долгое время письменно сносившийся с ним [царем], дал ему надежду на свою помощь... Очевидно, что он [Бранкован] не только обманул его, но и предал его туркам, за что и снискал их расположение”¹⁵⁷. Петр, вспоминая об обещаниях Бранкована, выразился, что “его являемое желание и побуждение... иудским лобзанием было”¹⁵⁸. Но необходимо принять во внимание, что турецкое войско подошло к границам Валахии раньше русской армии. И неудивительно, что осторожный и умудренный опытом валашский господарь, ухитрившийся усидеть на троне почти четверть века, выжидал, как развернутся события. Перейди он на сторону России раньше времени — и турецкая армия раздавит его ополчение. Вот он и ждал подхода русских.

* Начальников.

Положение с провиантом было плохое. Молдавия полностью опустошена саранчой. “Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу), — писал Моро де Бразе. — Воздух был ими омрачен: так густо летали они! Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли”¹⁵⁹. Почти так же описывает набег саранчи Расмус Эребо, сотрудник датского посольства в России, приехавший с послом Юстом Юлем в русскую армию после Прутского похода: “В одном месте на протяжении 18 миль нам не попалось в поле ни одной соломинки: не только весь хлеб на корню, но и листва, нередко и кора деревьев были съедены этими насекомыми... [Саранча] пожирала все в полях и на земле, а когда взлетала, то воздух наполнялся ею, как хлопьями снега в самую сильную метель. Когда саранча садилась, то совершенно скрывала собою почву”¹⁶⁰.

Еще 8 июня Шереметев писал Петру, что “хлеба взять весьма невозможно, ибо здешний край конечно разорен”¹⁶¹.

12 июня Петр то же самое сообщал Шереметеву: “Сего моменту пришли мы с полками к Днестру, где вся пехота стоит... Только хлеба, почитай, нет. А у Аларта уже 5 дней, как ни хлеба, ни мяса... А у нас, кроме проходу до вас*, ничего провианту, ни скота нет”¹⁶².

На следующий день Петр запросил Шереметева и Долгорукого: “Есть ли у вас на всю пехоту, буде не хлеба, то хотя скота недель на шесть? Також слышим мы, что в Буджаках довольно скота и хлеба есть”¹⁶³.

Долгорукий отвечал, что у Кантемира “хлеба нет: весьма отказал. А что, государь, изволишь писать о Буджаках, можем ли провиант мы получить, и о том с господарем говорили. И он сказал, что не можно, для того: татара... приблизились к самому Дунаю... и турки от них будут 12 миль”¹⁶⁴.

Основные силы русской армии медленно подтягивались к Пруту. Петра беспокоила мысль о Валахии. 21 июня он прика-

* На дорогу до вас.

зал Шереметеву дожидаться подхода главных сил, а в Валахию послать трехтысячный конный корпус регулярной кавалерии и, “сколко пристойно, нерегулярной”. Но предложенную Шереметевым кандидатуру начальника корпуса Петр отклонил и велел не отправлять корпус до своего прибытия в Яссы. Туда он пришел 23 июня поздно вечером.

Как пишет Моро, “23 июня* государь ездил осматривать лагерь генерала-фельдмаршала и принял в подданство молдавского господаря. С ним было только три ста рейтаров. Он пожаловал господарю свой портрет, осыпанный алмазами (что в последствии времени пригодилося сему турецкому даннику)”¹⁶⁵. Моро намекает на то, что после похода Кантемир остался в России, и мог, в случае нужды, обратиться алмазы в деньги.

Но еще 13 апреля Петр дал Кантемиру “диплом и пункты”, в которых писал: “Обещаем мы, великий государь, наше царское величество, за себя и наследников наших российского престола... его [Кантемира] и фамилии** его мужеска роду наследники при том правительстве и княжестве Волоской земли непременно содержать с титулом княжеским, изъимая токмо в таком случае, ежели б кто из оных отменил веру святых восточных церкви или отступил от верности нашего царского величества... Ежели неприятель (что всемогущий бог да отвратит) усилится, и Волоское владетелство в поганском*** владении останется, то он, яснейший принц волоский, в таком случае имеет наше соизволение в наше государство прибежище свое иметь, и во оном исказны нашего царского величества повсягодно толико расходу иметь будет, колико князю довольно быть может, також и наследники его нашего царского величества жалованья вечно не будут лишены”¹⁶⁶.

По описанию Моро, “господарь... был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен и с самой

* Моро ошибся — 24 июня.

** Семья.

*** Во владении язычников, под которыми подразумеваются турки.

счастливой физиономией. Он был учтив и ласков, разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке”¹⁶⁷.

“Здесь спокойно оставались мы, — пишет Моро, — от 22 до 29 июня, как будто в самое мирное время, ожидая запасов, которые князь Репнин должен был доставать и привезти”¹⁶⁸. “Около пяти часов вечера [26 июня] один из адъютантов князя Репнина привез письма к его величеству. Генерал давал знать, что 4000 быков, 8000 баранов и 300 маленьких польских тележек с рожью, мукой отправлены были к нам. Государь тут же распределил, что куда доставить, и приказал тот же час отправить часть в лагерь генерал-фельдмаршалу”¹⁶⁹.

К 25 июня у Прута собралась вся армия.

Со слов Моро “26-го фельдмаршал и государь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему фронту, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии”. Фельдмаршала и господаря Петр пригласил на торжество, которое ежегодно праздновалось в память Полтавского сражения, случившегося 27 июня по старому стилю.

“Все генералы с утра явились к его величеству, дабы вслед за ним отправиться в артиллерийскую церковь, где отслушал он обедню, и где придворный священник [Феофан Прокопович] целых полтора часа говорил проповедь, им сочиненную на случай сего счастливого дня.

Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного каррея; артиллерия занимала четвертый. После обедни стрельба началась с правой стороны артиллерии и продолжалась по всем фаса́м; полки стреляли по мере приближения к ним огня. После того все генералы следовали за его величеством к его палаткам, где в земле был утвержден стол необыкновенной длины, и за которым насчитал я до ста десяти кувертов с каждой стороны.

Его величество находился в центре стола. По правую руку сидел молдавской государь, по левую граф Головкин, министры, барон Шафиров и Сава [Рагузинский] на углах стола. Генералы, генерал-поручики, генерал-майоры, бригадиры и полков-

ники, и прочие, каждый по своему чину, поместились за этим же столом. Кроме венгерского вина, ничто мне не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидевшие ниже, пили другое, а подполковникам подносили особливое, капитанам еще хуже, и так далее (что показалось мне скупостию, недостойной великого государя). Капитаны Преображенские и Семеновские разносили вина; каждый прислуживал шести персонам, имея в своем распоряжении трех слуг для перемены стаканов и бутылок...

Императрица с своей стороны угощала армейских дам. Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен, и что, по недостатку почты, никто от своих не получает известия. Если же и придут письма, то генералы и министры имеют похвальную привычку никогда их не отдавать. Можно переписываться только чрез министров иностранных; но не всегда можно быть с ними в сношении. Я говорю по собственному опыту: в течение четырнадцати месяцев я только мог однажды писать к моей милой графине (которая оставалась в Данциге), и то через барона Лоца [Лооса], посланника короля польского при дворе его царского величества.

Мало дам явилось к императрице. Генеральша Алларт и генерал-майорша Гинтер одни представились к ее величеству и были милостиво приняты.

Обед государя продолжался целый день, и никому не позволено было выдти из-за стола прежде одиннадцатого часу вечера. Пили, так уж пили"¹⁷⁰.

Только 28 июня армия начала переправу через Прут.

Таким образом, русская армия, и прежде всего ее передовой корпус под командованием Шереметева, не выполнили поставленной Петром задачи: опередить турок и первыми появиться на Дунае. Вследствие этого Валахия с ее богатыми запасами провианта осталась в руках турок.

Непривычность войск к быстрым переходам, обремененность обозом, весенняя распутица, — все это привело к тому, что время оказалось упущенным.

Начало военных действий

28 июня “близь лагеря фельдмаршальского, — пишет Моро, — произошло маленькое сражение. 20 000 татар показались на утренней заре и ударили (в рассыпную, по своему обычаю) на передовой пикет, составленный из 600 человек конницы... конно-гренадерского полка моей бригады. Неприятель пробился сквозь отряд, не смотря на все старания командира. Число превозмогло, отряд был окружен ото всюду... убито 250 рядовых”¹⁷¹.

В сложившемся положении Петр мог действовать двояко: ждать турок на Днестре, дав возможность туркам разгромить валашское ополчение в случае его выступления против них, или идти навстречу неприятелю, в надежде на войско и продовольствие Бранкована. Петр выбрал второй вариант, может быть, не представляя себе трудности похода по опустошенной турками и саранчой стране, да еще при активных действиях значительно превосходящей численно турецко-татарской конницы.

28 июня состоялся военный совет¹⁷².

Моро де Бразе, ошибочно датируя его 29 числом, сообщает, что “генерал Рене предложил отрядить 15 000 человек в Валахию, хорошую сторону, в которой всего было много, и которая могла продовольствовать армию. Он утверждал, что валахский воевода, будучи одной нации и одного исповедания с молдавским господарем, не замедлит покориться, соединит войско свое с войсками его величества и доставит нам жизненные запасы. Генерал-поручик Беркгольд... сильно воспротивился предложению генерала Рене, по причине той, что турки побеждали всякой раз, как против них войска действовали отдельно... Но все его рассуждения пропали втуне. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, как подавшему первый на то совет”¹⁷³.

Сообщая об этом Меншикову, Петр писал ему в письме от 30 июня: “Мултянской гетман Кантакузин сюда прибыл с... обнадеживанием, что они все готовы, только б что-нибудь войска к ним послать... куды, не мешкав, отправлен генерал Рен со оным гетманом”¹⁷⁴.

В отряд Ренне вошли 8 драгунских полков и конный батальон Ингерманландского полка, всего 5,6 тыс. человек, да еще 5 тыс. молдаван и румын. У него было 7 пушек¹⁷⁵.

“29 июня... в день святого Петра, в именины его царского величества, — пишет Моро, — я, следуя обычаю, со всеми генералами пришел поздравить государя. Он принял милостиво наши приветствия и всех нас оставил у себя обедать. Государь празднует и этот день и обедает с своими министрами и офицерами, когда находится в своей армии”¹⁷⁶.

Турецкая армия перешла Дунай у Исакчи и начала движение навстречу — к Пруту и затем вверх по течению. Суттон сообщил 16 июля, что визирь “лишь 20 дней тому назад направился навстречу врагу”, т.е. 15(26) июня¹⁷⁷.

Вопреки мнению современников и некоторых историков русское командование об этом было осведомлено. Шафиров писал 5 июля украинскому гетману Скоропадскому: “Мы, переправясь реку Прут против Яс 30-го июня, перешли от того места подле сей реки наших 9 миль и паки будем продолжать путь свой к Галаце. О везире имеем ведомость, что оной чрез Дунай на сю сторону с войском турским переправился и приблизился к сей реке Пруту к местечку Трояном, до которого отсюда з 20 миль... Против нас ныне на другой стороне Прута обретаются татары (где, сказывают, и хан крымской), и третьяго дня... оные на наши войска нападение чинили, и были с нашими нерегулярными войска многие стычки... Мы в сем месте с господином фелтмаршалом графом Шереметевым соединились, и пойдет кавалерия и инфантерия вся вместе, одна дивизия за другою”¹⁷⁸.

Главная армия выступила в поход. Но войска двигались навстречу друг другу по разным берегам Прута: русская армия — по правому (северному), турки и татары — по левому (южному)*.

Впоследствии Петр сам признал, что “сей марш” был “зело отчаянно учинен для обнадеживания господаря мултянского”¹⁷⁹.

* Прут — один из больших левых притоков нижнего Дуная. Берет начало на северо-восточном склоне Карпатских гор, у подножия горы Коверла.

Как уже говорилось выше, 4 или 5 июля было получено известие о подходе турецкой армии к местечку Троян на другой стороне Прута. Эти данные относились, конечно, к более раннему времени: пока их доставили, турки подошли еще ближе.

Получив эти сведения, Петр отдал приказ генералу Янусу фон Эберштедту, командовавшему кавалерией, продвигнуться вперед. Текст приказа не сохранился, но его содержание записано в Журнале Шереметева: “Пас по реке Пруту одерживать, дабы неприятель безвестно чрез ту реку не перешел”¹⁸⁰.

Во исполнение этого распоряжения 5 июля был отдан “приказ у пароля”: “В авангарде идти генералу от кавалерии господину Янушу с двумя гренадерскими конными и с 4 драгунскими полками и со всеми иррегулярными* войсками”¹⁸¹.

В этот же день половина (или больше) татар переправились через Прут позади русской армии. Вот что пишет об этом Моро:

“16-го [5-го] его царское величество приказал выслать 1000 человек конных гренадер, под начальством г. полковника Ропа, с двумя вожатыми, данными царю самим господарем, следовавшим за его величеством со всем своим молдавским двором. Полковник Роп имел повеление изъездить всю сторону, находившуюся влево от армии вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на нас с тыла. Он возвратился вечером и объявил нам, что капитан, наряженный с двумястами гренадерами для охранения лодок, составлявших мосты фельдмаршальского лагеря, и который подвигался вместе с армией, был убит, а с ним и все его люди. Жители, бывшие при полковнике, видели его за две мили от лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татары, в числе 20 000, переправились через реку, каждый держась за хвост своей лошади, и неожиданно напали на капитана в одной теснине, где он и погиб с своим отрядом”¹⁸².

Точных данных о численности солдат в отряде Януса нет.

* То есть с молдаванами и казаками.

Перебежавший к туркам капитан Рапп, швед из отряда Януса, сообщил им что в отряде было 7 тыс. человек¹⁸³. А.А. Яковлев, который, по его собственным словам, “находился при императоре Петре Великом”, писал, что в отряде было 7 тыс. солдат, 500 молдаван и несколько сот казаков, т.е. всего около 8 тыс. человек¹⁸⁴. Однако в реляции полковника барона Типольта, который был в дивизии Энсберга, говорится, что у Януса было только около 4 тыс. человек — вся конница, оставшаяся при армии после ухода отряда Ренне¹⁸⁵, правда, реляцию он написал после похода для знаменитого австрийского полководца принца Евгения Савойского.

Курат считал, что в отряде было около 4 или 5 тыс. человек¹⁸⁶.

Попробуем уточнить.

Состав дивизии генерала Януса менялся¹⁸⁷. На 23 июня с ним шло 14 полков конницы и два гвардейских полка:

— три гренадерских — Рожнова, Кропотова и Роба;

— одиннадцать драгунских — Владимирский, Московский, Нижегородский, Рязанский, Сибирский, Тверской, Новгородский, Санкт-Петербургский, Пермский, Казанский и Белозерский;

— два гвардейских — Ингерманландский и Астраханский.

Затем гвардейские полки перешли под команду князя В.В. Долгорукого, семь полков были переданы генералу Ренне (Гренадерский Рожнова, драгунские — Владимирский, Московский, Нижегородский, Рязанский, Сибирский, Тверской), а в дивизию генерала Януса был включен драгунский Азовский полк. Таким образом, в дивизии стало 8 полков, сведенных в две бригады. Второй бригадой командовал Моро (бригадир и полковник Казанского полка).

После Прутского сражения в дивизии осталось 6134 человека.

1-я бригада

Гренадерский полк Кропотова — 824 человека.

Санкт-Петербургский полк — 758 человек.

Новгородский полк — 793 человека.

Азовский полк — 783 человека.

2-я бригада

Гренадерский полк Роба — 755 человек.

Казанский полк — 817 человек.

Пермский полк — 639 человек.

Белозерский полк — 765 человек.

Всего 6134.

Янусу было приказано взять шесть полков: два гренадерских и четыре драгунских. В гренадерских полках к этому времени числилось 1579 человек, в драгунских — три полка 2-й бригады Моро (он отправился с Янусом) — 2221 человек и в драгунском полку из 1-й бригады (неизвестно, какой полк взял Янус), около 700—800 человек. Таким образом, в отряде осталось 4,5—4,6 тыс. человек. Если учесть, что после Прутского сражения потери Януса составили убитыми, ранеными и пропавшими без вести 756 чел., в среднем по 100 человек на полк, можно предположить, что всего в отряде было около 5 тыс. солдат (численность, близкая к данным Курата) и несколько сот молдаван и казаков.

О приказе Петра, обстановке, в которой он был отдан, и о том, как он выполнялся, очень красочно и подробно рассказывает Моро.

“17-го [6-го] генералу Янусу повелено быть готову выступить рано утром со всею нашею конницею и с генералами, ею начальствовавшими, и явиться за час перед светом в палатки его царского величества, дабы получить от него приказания касательно того похода... Он просил меня... сопроводить его к царю... И так 18-го [7-го] перед светом явились мы к его царскому величеству. Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке и вручил нам тот же приказ, писанный по-русски с латинским переводом на обороте. Приказ состоял в том, чтобы нам идти по реке Пруту восемь миль (или 16 лье) до того места, где турки по донесениям... шпионов должны были наводить свои мосты. Если бы генерал их нашел, то должен он был на них ударить и уничтожить их работу, коли только мосты не могли нам пригодиться и остаться в

наших руках... В случае же, если турков не встретим, то идти к Дунаю и там остановиться... Выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению одного, хотя генерал и я не без смеха видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов”¹⁸⁸.

Янусу и Моро показался смешным приказ действовать драгунами, т.е. конницей, против предмостных укреплений, потому что он противоречил правилам тогдашней военной науки. Что же, Петр был до такой степени невежественным полководцем? В глазах Януса и Моро, видимо, да. Но мы разберемся в этом дальше.

Моро продолжает свой рассказ:

“Мы выступили из лагеря в 5 часов [утра] и пошли по одной линии, эскадрон за эскадронам. Во избежание нечаянного нападения, мы отрядили вперед на довольно большое расстояние двух конных гренадер, с обнаженными палашами; за ними шестеро других с одним унтер-офицером, и подкрепили их двумястами рейтаров, дабы могли они выдержать первые выстрелы и дать нам время с выгодою атаковать неприятеля. В таком порядке, как мы, так и наш обоз, шли без помешательства и довольно скоро.

Около 11 часов утра, прошед не более как 2 мили (или 4 французских лие), вдруг очутились мы, совсем неожиданно, в теснине весьма узкой, ибо река протекала ближе к горе, около которой мы всё еще тянулись. Генерал Янус, г. Видман (генерал-майор) и я поехали к передовому отряду гренадеров, которые остановились и дали нам знать, что чем далее они ехали, тем уже становилась дорога. Генерал Янус приказал войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать местоположение. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала от нас сторону, находившуюся перед нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышения, мы увидели перед собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую; а вдали множество белых голов, скачущих по долине с большою ловкостью и быстротою. Мы тотчас съехали влево в густоту дерев, растущих на берегу Прута.

Мы подъехали, как можно ближе, к неприятелю и наконец усмотрели два только что построенных предмостных укрепления, в форме полумесяца, обнесенных частоколом, защищаемые множеством пехоты, которую признали мы впоследствии, по ее

колпакам, за янычаров. За ними увидели мы два готовые моста, через которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине”.

Это было в районе местечка Фальчи.

Что же делает генерал Янус? Спешит выполнить повеление царя и отдает приказ драгунам (драгуны — это ведь пехотинцы, посаженные на лошадей, у Януса их 4 полка) спешиться и атаковать предмостные укрепления?

Вовсе нет.

“Высмотрев все добрым порядком, — продолжает Моро, — ...генерал Янус, Видман и я возвратились рысью тою же дорогою, и соединились с нашими полками. Тут мы держали совет... Нечего было терять времени. Мы решились спешить нашу конницу и выстроить ее в каре, поставя экипажи в середине. Генерал написал письмо к государю”.

Письмо не сохранилось, но в Журнале Шереметева записано его содержание: “визирь с турецкими силами пришел к урочищу Фальцам ... и татары и хан крымский с ними соединились” и “начали янычары чрез реку перебираться”¹⁸⁹.

Но вернемся к рассказу Моро.

“Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга, между третьим и четвертым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадерам, составившим наш арьергард (или фронт каре со стороны турок), не стрелять без приказания, что бы ни случилось, и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были уставлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частью рекрут, и приказали им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре каре... В сем порядке мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколе мы пришли...”

Вдруг драгун, оставленный нами в тылу, выстрелил вместо сигнала и прискакал к нам. Мы скомандовали полуоборот направо арьергарду, полуоборот вправо и влево флангам, и таким образом составили фронт со всех четырех сторон.

Только что успели выстроиться, как увидели мы две толпы в чалмах, скачущие треугольником и ревущие во все горло, как

бешеные, думая нас уничтожить. Но как скоро они приблизились, первый ряд наших гренадеров лег наземь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однако ж это не помешало им нас окружить. Но встретя со всех сторон отпор и видя, что нападать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием и своими стрелами...

Было два часа пополудни на наших часах, как турки к нам приблизились и с нами поздравствовались. С той поры до десяти часов вечера более пятидесяти тысяч их сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас. Единственный их успех состоял в замедлении нашего марша. Они так часто нас останавливали, что от двух часов до десяти прошли мы не более, как четверть мили. Ночью, однако, сделали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имея никакой охоты пропустить случай соединиться с нашим центром, т.е. со всею армией: они все без изъятия при наступлении ночи ретировались в ту сторону, откуда явились.

Заметив сие, генерал отправил адъютанта на лучшей своей лошади с донесением государю обо всем, что произошло с тех пор, как имел он честь писать его величеству”.

Насчет пятидесяти тысяч Моро сильно преувеличил, ниже мы это увидим.

Письмо Януса было послано с его адъютантом подполковником Фейтом. Оно тоже не сохранилось, но содержание его записано в Журнале Шереметева и изложено в опубликованном Куратом дневнике Аларта.

В Журнале Шереметева: “Между нашим лагером и его, Янусовым, сделали два моста, а третий татары доделывают, и стали перебираться, и с 2000 янычар перебрались и палили из пушек его, Януса, по корпусе, однакож большого повреждения не учинил”¹⁹⁰.

В дневнике Аларта: “Генерал Янус послал к его царскому величеству подполковника Фейта... который прибыл вечером с донесением, что великий визирь находится в четверти мили от него в урочищах Гура Страмби и Серезон, и что уже сдела-

ны два моста через Прут, по которым переправилось около 3000 янычар и еще несколько пушек”. Петр немедленно созвал военный совет, на котором решено было отправить Фейта обратно к Янусу с приказом “под покровом ночи” вернуться. Вслед за Фейтом были посланы один за другим еще 3 казака, чтобы был доставлен хотя бы один экземпляр приказа¹⁹¹.

В Журнале Шереметева приказ изложен так: “дабы он [Янус] со всею кавалериею рейторовался к главной квартире, дабы неприятель не мог его отрезать”¹⁹².

Фейт погиб по дороге в стычке с татарами. Яковлев пишет, что приказ был доставлен гонцом-молдаванином¹⁹³.

Но в 1746 г. Никита Петрович Вильбуа подал прошение императрице Елизавете, в котором упомянул, что “в 711 г. в турецкой акции под Прутом... от его величества из лагеря послан был я... к генералу Янусу, дабы он своим корпусом ретировался в соединение с его императорским величеством, которое соединение чрез ту посылку мою и последовало”¹⁹⁴.

Франц Вильбуа (Вильбоа), которого у нас звали Никитой Петровичем, участвовал в Северной войне, Прутском походе (в 1711 г. имел чин поручика) и в Персидском походе 1722—1723 гг., в 1743 г. был назначен главным командиром Кронштадтского порта (умер в 1760 г.). Оставил записки, возможно, подложные¹⁹⁵.

Отправив гонцов, Петр приказал генералу Энсбергу идти на помощь Янусу.

Получив приказ, рассказывает Моро, Янус “решился идти ночью как можно поспешнее, и мы прошли более мили довольно скоро и безо всякого препятствия... Турки догнали нас на рассвете в большей силе, нежели накануне; но всё без пехоты и без артиллерии. Они беспокоили нас стрельбою непрерывною.

Около 5 часов утра увидели мы пехоту, приближающуюся к нам на помощь, и которая гордым и медленным своим движением вселила робость в скакунах и наездниках: генерал барон Энсберг со своею дивизией шел на обеспечение нашего отступления. Корпус его соединился с нашим; он сменил наших конных grenадер, находившихся беспрестанно в арьергарде, двумя своими grenадерскими батальонами и дал почувствовать неприятелю

лю непрерывным и сильнейшим огнем, что не так-то легко было нас смять и помешать нам соединиться с армиею”¹⁹⁶.

Встреча произошла, как сообщает Аларт, на расстоянии половины мили от главной армии. Его дивизия тоже была послана навстречу Янусу, но только вышла из лагеря, как полки Януса и Энсберга вернулись¹⁹⁷.

“Армия его царского величества, — продолжает свой рассказ Моро, — не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы к ней возвратились с таким прекрасным и многочисленным обществом. Однако, так случилось к величайшему нашему сожалению, и едва вступили мы в лагерь, как увидели противоположную гору покрытою неприятельскими полками.

Генерал-фельдмаршал тремя пушечными выстрелами дал сигнал всей линии выстроиться в боевом порядке, что и было тотчас исполнено. Как турки подступали с левой стороны, то преображенцы, семеновцы и полки Ингерманландский и Астраханский вытерпели по большей части огонь неприятельский и во весь тот день почти не имели покоя... Турок, слишком приближившийся к нашему левому флангу во время нашего отступления, схвачен был шестью нашими конными гренадерами и приведен к генералу Янусу, который приставил к нему строгий караул и тотчас по вступлении в лагерь отослал его к государю”. (Это был татарин, он упомянут в Реляции о Прутском походе.)

“Пленного допросили. Он показал, что турецкая армия состояла из ста пятидесяти тысяч, т.е. из 100 000 конницы и 50 000 пехоты, что вся конница должна была к вечеру соединиться, но что пехота, при которой находилось 160 артиллерийских орудий, не могла прибыть прежде, как к завтревшему дню около полудня”¹⁹⁸.

Записанные Моро показания пленного стали очень важным источником. Из них следует, что отряд Януса и вся армия после его возвращения были, оказывается, атакованы только турецкой конницей, а вовсе не переправившимися будто бы янычарами.

Это подтверждает и Суттон: “Несколько [полков] московитских драгун, которые были посланы, чтобы воспрепятствовать их [турок] переправе, были атакованы турецкой конницей

и вынуждены отступить... особенно отличились конники из Румелии, главным образом, албанцы и боснийцы”¹⁹⁹.

Курат пишет, что Януса преследовали 20—30 тыс. конных турок (спагов) и татар и отмечает прекрасную дисциплину отступающего русского отряда²⁰⁰.

А Янус во втором донесении сообщает, что за ночь “с 2000 янычар перебрались и палили из пушек его, Януса, по корпусе”!

Чем же объяснить такое разногласие между Янусом и Моро?

Очевидно, что Моро не отвечал за выполнение приказа царя: он — подчиненный.

А вот Янус вместо выполнения приказа царя: подойдя к месту, где турки наводят мосты, “на них ударить и уничтожить их работу”, тем самым задержав их переправу, отступил и дал возможность туркам застигнуть главные силы на марше в походном порядке, т.е. в самом невыгодном положении. Понимая это, он и стремился оправдать свои действия, прибегнув к обману. В Поденной записке отмечено, что вечером 7 июля была получена “не чаянная ведомость от генерала Януса... что неприятель уже Прут реку перебрался”, и что “сей репорт после явился лжив”²⁰¹.

Но, может быть, Янус и Моро были правы, и приказ Петра — атаковать драгунами предместное укрепление — был вообще невыполним?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, посмотрим, что происходило на той стороне реки в турецком лагере.

Разведка у турок работала лучше, чем русская. Моро пишет, что “генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его царскому величеству его шпионами: в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведенные и укрепленные, когда предполагали найти их еще только начатыми в 8-ми милях, и то не наверное”.

По турецким источникам и по данным Понятовского и имперского посла в Стамбуле Тальмана переправа турецкой армии через Прут началась 8 июля.

Но Моро утверждает, что она началась утром 18, т.е. 7 июля! Допустить, что Моро ошибся в дате, как это с ним иногда бывает, нельзя: донесение Януса подтверждает его дату.

Объяснение находим в донесениях Суттона от 10 августа и 1 октября 1711 г. и в мемуарах В. Тейльса, секретаря голландского посла в Турции Я.Кольера и платного информатора русского правительства, изданных в 1722 г. и опубликованных на русском языке в 1789 г.: переправа, которую увидели Янус и Моро 7 июля, была ложной.

Тейльс передает рассказ кегаи Кольеру: 7-го визирь навел ложные мосты и только в ночь с 8 на 9 велел переправляться янычарам по шести наведенным мостам²⁰².

А вот что сообщал Суттон в донесениях от 25 июля и 10 августа:

“Найдя броды, турки 9-го числа переправились через реку”; “турецкая армия, делая вид, что наводит мосты через реку, перешла ее вброд в другом месте, на расстоянии нескольких часов пути от лагеря русских, в ночь с 8 на 9 и ранним утром 9-го”²⁰³.

В сентябре принц Евгений Савойский получил описание похода, составленное в августе в Бендерах. В нем говорилось, что часть татар и турецкой конницы атаковала Януса 7-го июля, крымский хан, почти все остальные татары и еще 6 тыс. человек турецкой конницы переправились через Прут 8-го, а вся армия перешла Прут по трем мостам 9-го июля²⁰⁴.

Тальман сообщил, что турки 7-го июля увидели Януса и в двух часах за ним — русскую армию. Они навели мост на понтонах и соорудили предмостное укрепление, охраняемое янычарами. 8-го переправилась вся турецкая конница и татары, а 9-го — пехота²⁰⁵.

Флейшман, секретарь Тальмана, сообщил, что турки, идя по левому берегу Прута, очень опасались переправы и атаки русских войск. Завидев приближающийся авангард русской армии (Януса), они навели мост, а когда увидели, что он не атакует, а отступает, навели еще два моста (8-го июля), по которым перешла вся турецкая армия. Поскольку Флейшман тут же упоминает о встрече с кегаей, который после заключения мира ехал в Стамбул, можно предположить, что эти сведения он узнал от него²⁰⁶.

В источниках называется различное число мостов: от одного до шести. По ним переправлялись пехота и артиллерия в ночь

с 8 на 9 и утром 9 июля. А конница и татары переправились 7-го и днем 8-го — вплавь и вброд. Об этом сообщил Флейшман и писал Понятовский (в письме к Лещинскому)²⁰⁷.

Вполне обоснованно предположить, что увиденные 7 июля Янусом и Моро мосты были инсценировкой переправы, или, скажем точнее, попыткой начать переправу с тем, чтобы посмотреть: а что же предпримут русские?

Но зачем понадобился туркам такой маневр?

Читая донесения иностранных и русских информаторов, воспоминания Понятовского и Ла Мотрея, мы убеждаемся, что настроение турецкого командования и рядовых турок никак нельзя было назвать воинственным.

По сообщению Тальмана, переход молдавского господаря Кантемира на сторону России поверг турок в смятение и растерянность²⁰⁸. Усилилось сомнение в преданности валашского господаря. Это вызвало у турецкого правительства чувство неуверенности и, вероятно, сказалось на поведении турок при встрече с отрядом Януса.

Суттон, уточняя ранее посланные сведения, писал, что великий визирь, идя вдоль Прута, намеревался “занять сильную позицию, но слабость войск из-за болезней и голода вынудила его остановиться лагерем... 8 июля”²⁰⁹.

“Великий визирь... — писал Понятовский, — был уверен, что погибнет, если враги атакуют его”²¹⁰.

Даже увидев, что Янус не только не атакует переправу, но отступает, визирь, как сообщает Тальман, действовал очень осторожно: на рассвете 8 июля он послал на рекогносцировку 3,7 тыс. конных турок, которые вместе с татарами напали на отступавшего Януса; во второй половине дня 8 июля разрешил переправить еще только около 6 тыс. пеших и конных с четырьмя орудиями; к концу дня — почти всю турецкую конницу; преследовавшие Януса турецкая конница и татары просили визиря дать им пехоту и артиллерию, но визирь колебался; наконец, он дал согласие отправить 10 пушек, но тут же отменил свое решение; и только в ночь с 8 на 9 июля, убедившись в отходе всей русской армии, он разрешил переправу артиллерии и вслед за ней пехоты, чей переход завершился лишь к 9 часам утра 9 июля²¹¹.

И если бы Янус решил атаковать переправу, то вполне могло быть, что турецкая армия осталась бы за рекой, в недосягаемости для его атак.

Знало ли русское командование о подобных настроениях турок?

Да, знало.

Еще 30 июня Петр писал Меншикову: “Про турок сказывают, что будто не зело охочи на сию войну”²¹². То же самое, вспоминая, писал генерал Аларт: “Видно было, аки бы турки большой охоты к войне не имели и весьма под злым страхом и сумнением находились”²¹³.

Значит, приказ Петра Янусу — атаковать турок и предотвратить или задержать их переправу — был отдан с учетом настроения противника. Но был ли он реальным? Может быть не случайно Янус и Моро, опытные военачальники, отнеслись “со смехом” к приказу атаковать предмостные укрепления драгунами и конницей?

Несомненно, приказ был реален. Об этом свидетельствуют действия генерала Ренне: отправленный в Валахию с драгунами, он осадил и взял штурмом не какое-то предмостное укрепление, а крепость Браилов на Дунае. Правда, Ренне уже долго служил под командованием Петра и, очевидно, усвоил новые и передовые для того времени военные идеи русского полководца. Во всяком случае, ему-то “употребление” драгун для взятия крепости не показалось странным.

Предотвращение или задержка переправы турок позволили бы выиграть время, во-первых, для подготовки армии к сражению и выбора позиции и, во-вторых, для выполнения отрядом Ренне поставленной ему задачи: взять Браилов с запасами провианта и побудить Бранкована перейти на сторону России.

Таким образом, приказ Петра был правильно задуманным и вполне осуществимым маневром.

Посмотрим теперь, как действовал визирь, приближаясь к русской армии. Подробные данные об этом сохранились в донесениях имперских представителей в Турции и в других документах.

7 июля Флейшман, находившийся вблизи от турецкой армии (в Исакче, на Дунае), сообщил, что турки опасались неожиданного нападения русской армии. Поэтому они навели мост, завидев приближавшийся авангард русских и, увидев, что русские отходят, навели еще два моста, по которым и стала переходить Прут вся турецкая армия²¹⁴.

17 июля Тальман писал, что переход Кантемира на сторону России поверг турок в смятение и растерянность, и султан приказал визирю предотвратить переход к русским валашского господаря²¹⁵.

10 августа Тальман послал в Вену уточнение: по первому мосту (который и видели Янус и Моро) перешли татары и 6 тыс. турецких конников²¹⁶. Источник сведений Тальмана — какой-то турецкий военачальник, находившийся при визире.

8 сентября Тальман сообщил новые подробности: Янус и Моро действительно видели янычар; турки узнали о подходе русской армии раньше, чем русская разведка узнала о них; они знали, что отряд Януса опередил главную армию на два часа, но не знали намерений русского командования. Наведя мост, они соорудили укрепление и перевели туда 1 тыс. янычар с 20 небольшими пушками, “чтобы себя прикрыть”.

Очень характерное известие — турки боялись активных действий русской армии.

Тальман далее писал: на рассвете 8 июля визирь послал на рекогносцировку конный отряд в 3,7 тыс. человек под командой Салих-паши, которые напали на отряд Януса.

Значит, на 4 тыс. регулярной русской конницы под командованием опытных иностранцев напали татары и около 10 тыс. турок, а генералам показалось, что это вся турецкая армия.

Но вернемся опять к чрезвычайно интересному и важному донесению Тальмана.

Из русской армии 8 июля к туркам перебежали служившие в ней два шведских офицера. Перебежчики сообщили, что русскими командует сам Петр, что численность армии — около 70 тыс. человек, из которых 10 тыс. чел. под командованием Ренне посланы к Дунаю (а из них 5 тыс. человек под Браилом), что в армии осталось 40 тыс. человек пехоты и 20 тыс. человек конни-

цы, что армия утомлена долгим маршем, испытывает недостаток в провианте и фураже и теряет ежедневно по сотне лошадей.

Услышав эти сообщения, визирь решил поднять дух своей армии и обещал награды: за пленного русского сумму, равную 30 немецким талерам, за голову убитого русского — 20 талеров, за полученную рану в бою — столько же.

Во второй половине дня 8 июля визирь разрешил переправить еще только около 6 тыс. человек пеших и конных под командой Али-паши и Мехмет-паши с четырьмя орудиями, но к концу дня перешла почти вся турецкая конница. Пехота же переправилась лишь 9 июля и догнала русских около трех часов дня²¹⁷.

Как мы видели, донесения Флейшмана и Тальмана и впечатления Понятовского свидетельствуют об обоснованности расчета Петра, возможности выполнения его приказа и неповиновении Януса фон Эберштедта.

Впоследствии Петр собственноручно вписал в “Журнал или поденную записку государя императора Петра I Великого”, что “тогда еще турки не перешли, но на той стороне были, и конечно б мог оной Янус их задержать, ежели бы сделал так, [как] доброму человеку надлежит”²¹⁸.

Но когда Петр пришел к этому выводу?

Курат обратил внимание на то, что саксонский представитель при русском дворе И.-А. Лоос (Лосс) в донесении (на французском языке) Августу II от 7 июля, т.е. в тот же день, когда были получены оба письма Януса (второе — вечером), писал: “Janus auroit pu les arrêter s’il avoit agi en homme d’honneur” [Янус мог бы их задержать, если бы поступил как человек чести]²¹⁹.

Это текстуальное совпадение свидетельствует о том, что Лоос, конечно, передал услышанное им мнение Петра (вряд ли ему показали донесение генерала), и что эта оценка действий Януса сложилась у Петра тогда же, вечером 7 июля, а не позже.

Один из участников похода, молдавский гетман И. Некульче, привел даже слух о том, что Януса подкупил великий визирь²²⁰.

Но это выдумка.

Сражение

Вернемся к событиям на Пруте.

Русская армия оказалась в тяжелом положении — в долине, окруженная турецко-татарской конницей, производившей непрестанные набег.

Около 5 часов вечера 8 июля Петр созвал военный совет, на котором были оглашены показания пленного татарина, из которых следовало, что русскую армию атакует только конница и татары.

“По сим известиям, — пишет Моро, — после оказавшимся достоверными, приняты были в совете следующие меры: положено было армии воротиться назад, устроясь в карре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре, и в таком порядке надлежало было стараться по возможности совершить не бесславное отступление. Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны.

Отдан был приказ в следствии сих положений. Армия все еще находилась в боевом порядке, на одной линии, с своими рогатками перед собою. Повелено было всем генералам и офицерам уменьшить, по возможности, свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступлении ночи, государь, государыня-императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону с левой, которая стала авангардом. Между тем готовились устроить батальон-каре*, что и сделано было в ночь. Гора, по которой рассеяна была турецкая конница, явилась нам вся в огнях, разложенных неприятелем.

Не нужно сказывать Вам, что ночь эта прошла в смятении и беспорядке. Мы видели, что турки на горе то подвигались вперед, то шли назад, и не могли судить о их намерении иначе, как наугад... Неприятелю легче было судить о наших движениях.

* Построение армии четырехугольником для возможности отражения неприятеля со всех сторон.

Он стоял над нами на высоте и лагерь наш был освещен, как среди белого дня, бесчисленным множеством фур и телег, сожигаемых в следствие повеления. В эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрелись уже на рассвете, и тогда только увидели опасность, в которой находились. Постарались исправиться, каждый на своем посту”²²¹.

Как писал впоследствии канцлер Г.И. Головкин своему сыну А.Г. Головкину, послу в Берлине, “видя мы, что зашли в пустые места и не имеем довольства в провианте, а паче всего кавалерия наша от бескормицы лишилась лошадей, ибо траву поела саранча, а досталную неприятели пожгли, поворотили назад. И неприятель жестоко нам в маршу мешал”²²².

Отход начался в 11 часов вечера. Сначала неприятель не заметил отступления — в покинутом лагере ярко горели костры, на которых жгли лишнее имущество.

И тут Репнин допустил ошибку.

“Генерал сей, — пишет ехидно Моро, потерявший в результате ошибки Репнина почти все свое имущество, — начальствовал правым флангом нашего каре и не рассудил, что, как ни медленно подвигалась голова отряда, хвост его непременно должен следовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; он прошел усиленным маршем, думая, что все дело состояло в том, чтоб уйти как можно далее”²²³.

Аларт добавляет, что гвардия, к тому же, отстала, замедлив движение из-за нескольких опрокинувшихся повозок²²⁴.

Образовался разрыв, в который на рассвете ворвалась неприятельская конница. В результате часть обоза, где было и имущество Моро, была разграблена, а армия была вынуждена остановиться и отбить нападение.

“Целых пять часов употреблено было, — пишет Моро, — на исправление ошибки... Это было причиною тому, что турецкая пехота и артиллерия в течение дня успела нас догнать”²²⁵.

“В 9 день поутру, — писал впоследствии Петр, — турки на нашу ариргарду частью наступили, в которой был только один Преображенский полк, которой... был в бою более 6 часов... По полудни для великова жара и что люди устали, понеже не-

приятель был непрестанно кругом и докучал... того ради принуждены стать к реке для отдыха" ²²⁶.

Это было в районе урочища Хуши.

"Около пяти часов вечера, — уточняет Моро, — фронт нашего батальон-каре дошел до реки Прута... турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукружием" ²²⁷.

Лагерь имел форму треугольника, основанием которого был берег Прута. С левой стороны русского лагеря, напротив которой находилась турецкая армия, возвели "ретраншемент", т.е. вал из земли и песка, высотой в половину человеческого роста, и устанавливали на нем рогатки. С другой стороны, болотистой, вал возвести не успели — там были только рогатки и трупы павших лошадей. Их было много, так как у большей части кавалеристов лошади пали. С этой стороны против лагеря располагались татары.

Представление о расположении русских полков дает сохранившийся план ²²⁸ с надписями на немецком языке (см. Приложение).

С левой стороны лицом к туркам, у самого берега, по часовой стрелке стояли гвардейские полки Астраханский, Ингерманландский, Преображенский, Семеновский, затем полки под командованием генерала Аларта: Пермский, Нижегородский, Псковский, Сибирский, Гренадерский (Кропотова), Московский, Вятский, Казанский. Далее располагались полки дивизий Репнина, Вейде и Энсберга. Тут граница лагеря сворачивала направо, параллельно реке, и стояли Бутырский и другой Гренадерский полки. Затем граница лагеря снова поворачивала направо и шла к реке. Здесь позиции занимали Новгородский, Белозерский, еще один Казанский, еще один Гренадерский, Азовский, Санкт-Петербургский, Ренцелев, Копорский, Ростовский, Нарвский, Рязанский, Великолуцкий, Лефортов, Тобольский, Белгородский, Тверской, Шлиссельбургский и Киевский полки. Правый фланг Киевского упирался в Прут. Внутри лагеря справа у берега (ближе к татарской стороне) стоял обоз, слева (ближе к туркам) — лейб-шквадрон, т.е. личная охрана Петра, у острия треугольника за Бутырским полком сто-

яли Ивангородский и Черниговский полки. В центре лагеря стояла “главная артиллерия”.

На высоком противоположном берегу Прута (ширина реки в этом месте равнялась пистолетному выстрелу) неприятель поставил пушки и стал обстреливать русский лагерь.

О занятии этого холма Суттон привел сведения, полученные им от турок (кегаи и других):

“Турецкая армия, после легкого похода от Дуная, остановилась в виду врага и подверглась обстрелу батареи, установленной на холме, на этой стороне Прута, где находился выдвинутый пост русских. Турки сочли необходимым захватить эту позицию и поэтому атаковали ее двадцатитысячным отрядом... и захватили ее, но со значительными потерями. Захватив холм, они поставили на нем 12 мортир и начали обстрел части лагеря русских на другой стороне Прута”²²⁹.

Эти сведения “уточняются” в турецкой реляции о походе:

“Прибыв к реке Прут, в Молдавии, наша оттоманская армия встретила там русскую армию, которая находилась в траншеях на другом берегу. Русские немедленно стали тревожить нас огнем из пушек, поставив батарею на вершине холма, называемого Хан Тепеси, и особенно мешая нашим водоносам. Мы были вынуждены послать 20 тысяч избранных людей, волонтеров, которые храбро напали на отряд русских, защищавший этот холм, после жестокого боя вынудили русских оставить эту выгодную позицию и захватили их пушки, потеряв при этом однако, 10 тысяч человек; враг потерял еще больше. Затем мы подняли на вершину холма 16 мортир и открыли огонь по лагерю русских, которые пришли в большое замешательство”²³⁰.

Все это — выдумка.

Русские не занимали противоположный берег. Это было нецелесообразно, потому что посылка туда отряда только ослабила бы армию. Да и времени и возможности на это не было: как только армия остановилась, ее тотчас же окружили турки и татары, а переправляться через реку у них на виду было невозможно.

В действительности, после того как русская армия остановилась, “несколько времени спустя, — пишет Моро, — горы, на-

ходящиеся по той стороне реки, заняты были шведами, поляками киевского палатина и буджацкими татарами”²³¹.

Это было войско, как сообщает Курат, добровольцев — пришедших из Бендер шведов, поляков киевского воеводы Юзефа Потоцкого, сторонника Лещинского, казаков и татар Буджацкой орды, кочевавшей в западном Причерноморье. Оно насчитывало около 10 тыс. человек²³².

Пушки там были, но они не смогли нанести существенного урона. Моро даже пишет, что русское “войско, приближенное к реке, было совсем безопасно”²³³.

Рассмотрим данные о численности русской и турецкой армий.

По сохранившейся подробной Росписи русской армии с указанием состава артиллерии (см. Приложение, табл. 1 и 2) в армии на Пруте насчитывалось 37,5 тыс. человек, в том числе: конницы 6692 человека, пехоты 30 846 человек (из них в 4-х полках гвардии 7036), всего 37 538 человек (в Росписи ошибка; в пехоте 31 554 человека, всего 38 246 человек), артиллерии — 97 пушек, 23 мортиры, 2 гаубицы — всего 122 орудия)²³⁴. В ней указывалось также, что “сверх того, с генералом Реном в камандровании драгунских 8 полков да баталион Астраханский пехотной” (ошибка; батальон был не Астраханский, а Ингерманландский).

В московских “Ведомостях” 24 августа 1711 г. была опубликована Реляция о Прутском походе, написанная Петром²³⁵. В Реляции указывается, что в русской армии, вступившей в сражение с турками на Пруте, было 6692 человека конницы и 31 554 человека пехоты, всего 38 246 человек, 97 пушек, 23 мортиры, 2 гаубицы. Ясно, что эти цифры взяты из приведенной нами выше Росписи.

В Реляции есть сведения и о турецкой армии: 57 862 человека конницы и 61 803 человека (вместе 119 665 человек) и 70 000 крымских татар, что в итоге составило 189 665 человек. У турок было 469 орудий, в том числе 84 большие пушки, 360 полевых пушек и 25 мортир.

Откуда эти цифры?

Курат сообщает, что Толстой, Суттон (в декабре 1710 г.) и Дезальер (в апреле 1711 г.) раздобыли сведения о предполагаемых численности и составе турецкой армии, которая в то время еще не была собрана, и что данные Толстого (опубликованные в России в конце XVIII в.) почти совпадают с цифрами Дезальера. Разница лишь в том, что у Дезальера численность латников 12 тыс. человек, и есть 1,4 тыс. человек артиллерийских обозников, а у Толстого — латников 10 тыс. человек, а обозников нет вообще²³⁶.

Дезальер сообщал также, что у турок всего было 300 орудий, не подразделяя их на виды. У Суттона об артиллерии сведений нет. Сопоставление данных Реляции, Суттона и Дезальера (Приложение, табл. 3), показывает, что данные в Реляции представляют собой предполагавшуюся численность турецкой армии. Те же данные привел Г. Гюйссен в письме Головкину из Вены от 11 июля 1711 г., указав, что получил их из Бендер, т.е. из окружения шведского короля²³⁷.

У Курата мы находим другие данные: шведский посланник Свен Агерелл говорит, что турецкое войско состояло из 20 тыс. янычар, 12 тыс. латников, 20 тыс. пушкарей; младший шведский посланник Томас Функ указывает на общую численность войска — 130 тыс. человек.

Какова же была фактическая численность турок и татар?

Как уже говорилось, сбор турецкой армии был назначен на конец января, выступление в поход предполагалось в марте. В действительности же армия смогла выступить только в мае, и то не в полном составе.

Воевать турки не желали. “Прежде, чем начались военные действия, — писал Суттон, — турки дезертировали массами”. По его мнению, у турок “никогда не было 80 000 солдат в строю, если не считать татар”. Он отмечал также, что в войсках была эпидемия дизентерии, что “ежедневно умирало 300 или 400 человек”, и что, по словам самих турок, численность их пехоты не превышала 40 тыс. человек²³⁸.

По данным Тальмана, турецкая армия у Исакчи насчитывала около 90 тыс. человек и около 50 тыс. татар²³⁹.

Курату удалось найти подробную роспись, в которой перечислены все командиры и количество войска у них в Прутском походе (всего — 97 619 человек). Но эта роспись неполная. В ней не указана численность четырех отрядов²⁴⁰. По мнению Курата, численность турецкой армии в сражении на Пруте составляла около 80—100 тыс. турок и около 20—30 тыс. татар. Количество пушек у турок определяется им в 255—407 орудий²⁴¹.

Однако в Поденной записке Петр указал другую численность турецкого войска. По его данным турок вместе с татарами было 270 тыс. человек. Откуда взялась эта цифра?

Ее назвал Шафиров, которого запросили, когда при составлении Поденной записки дошли до событий Прутского похода. Видимо, Петр решил выяснить фактическую численность турецко-татарского войска и обратился к Шафирову, который вел мирные переговоры.

А где взял эти цифры Шафиров?

Оказывается, ему сообщили их турки во время переговоров²⁴². Ясно, что им было выгодно преувеличить численность своей армии. Поэтому реальными следует считать цифры Курата, а не Шафирова.

Кроме сухопутной армии, в войне должен был принять участие и флот. Сведения о его составе также расходятся, но незначительно. Курат определил его в 17 кораблей, 27 галер, 30 галиотов и около 300 мелких судов. По сведениям Суттона, на корабли предполагалось посадить около 26 тыс. солдат. Флот отплыл к Азову 28 марта, но не успел начать военные действия²⁴³.

Итак, против 38 тыс. русских солдат и нескольких тысяч почти безоружных молдаван оказалось 100 тыс. человек турок и не менее 20 тыс. татар. Но самое опасное заключалось в том, что на 6,6 тыс. человек русской конницы приходилось 57,8 тыс. турецкой, не считая татар. Если учесть, что русская кавалерия уже не имела фуража (подножный корм был съеден, а пути подвоза отрезаны татарами), то положение нельзя было не признать критическим. К тому же расчет русского правительства на помощь балканских христиан не оправдался. Тем не менее пере-

ход молдавского господаря на сторону России и сомнения турецкого командования в преданности Бранкована не могли не вызвать у турок чувства неуверенности, что и сказалось на их поведении при встрече с отрядом Януса.

Прутское сражение было подробно описано несколькими авторами, дополняющими друг друга²⁴⁴.

Аларт: “На другой стороне Прута, на расположенных против нас горах оказалось некоторое количество татар и турок, а также поляков из людей воеводы киевского. Тогда его царское величество приказал созвать весь генералитет. В это время неприятель издали начал стрелять по нашим из четырех небольших орудий, из чего стало очевидным, что прибыла и вражеская пехота”.

Моро: “Выстроенные в батальон-каре, и со всех сторон обращенные лицом к неприятелю, мы завалили землю наши рогатки, и пока часть полков погребала нас, остальная производила беспрестанный огонь на неприятеля, который с своей стороны также укреплялся”.

Аларт: “Его царское величество и генералы тотчас сели на коней и каждый направился к своему посту, потому что неприятель начал обстрел. Так как характер местности и расположение войск привели к тому, что дивизия генерала Аларта [он пишет о себе в третьем лице], а затем и драгуны выдвинулись вперед и образовался фланг, то враг стал его обстреливать. Но после того, как генерал Аларт приказал выдвинуть к этому месту несколько орудий... неприятель отказался от задуманной атаки и отступил на несколько сот шагов, став недостижимым для наших орудий”.

Турецкое командование намеревалось подождать подхода всей пехоты и артиллерии, но недисциплинированные янычары не утерпели и кинулись в атаку.

Суттон: «К шатру визиря явился янычар и стал кричать: “Будем ли мы лежать здесь, пока не умрем от болезней и невзгод? Пусть все истинные мусульмане идут за мной сражаться с неверными!” Он схватил одно из знамен, стоявших у шатра, и побежал вперед. За ним немедленно последовали другие, схва-

тив прочие знамена, и... собравшись вместе, с обычными криками в беспорядке бросились на врага. Видя такой беспорядок, визирь послал кегаю, с которым в тот момент беседовал и от которого я и узнал эти подробности, возглавить их». Атака началась “незадолго до захода солнца”.

Аларт: “Вечером, примерно около семи часов, янычары... атаковали острый угол, образованный войсками генерала Аларта, открыв огонь из пушек и мелкого огнестрельного оружия”.

Чрезвычайно характерно, что янычары самовольно кинулись в атаку нестройной толпой. Атакован был участок обороны лагеря, где стояли Гренадерский и Казанский полки дивизии Аларта.

Понятовский: «Испуская дикие вопли, взывая, по своему обычаю, к богу многократными криками “алла, алла”, они бросились на неприятеля с саблями в руках, и, конечно, прорвали бы фронт, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними». (Понятовский зря связывает неудачу атаки с рогатками: они — помеха для конных, а янычары не смогли даже добежать до них.)

Аларт: “Они встретили в этом месте решительное сопротивление и были с силой отброшены, не удержав ни пяди земли. Хотя неприятель продвинулся вплоть до рогаток, все же он был вынужден отступить примерно на 100 шагов и расположился за одним из холмов... там наши не могли причинить ему большого ущерба. Тем временем прибыл господин генерал-фельдмаршал Шереметев и приказал одному капитану с 80 гренадерами выбить неприятеля... при помощи ручных гранат, так как вследствие порохового дыма почти ничего нельзя было увидеть. Неприятель отступил шагов на 30, но когда наши гренадеры... стали возвращаться, янычары успешно преследовали их вплоть до наших рогаток”.

Понятовский: “Сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во

второй раз. Вторая атака была не такой сильной, как первая, и турки снова были вынуждены отступить”. (Янычары проявили незаурядную храбрость, но их начальникам недоставало военных знаний.)

Моро: “Около семи часов, как я возвращался к генералу Янусу, начальствовавшему на правом фланге, где находился и мой пост, исполнив данное им поручение, я был ранен пулею в правую руку, но довольно легко, и мог остаться на своем месте, где люди падали в числе необыкновенном, ибо неприятельская артиллерия почти не давала промаха... Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берег, как и храбрейший из его воинов. Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно, часто спрашивая о том, что происходило на их постах”.

Петр: “И тот бой стрельбой продолжили близ трех часов или более до самого вечера. Сей клин их трафился на Алартову дивизию, а конница образом саранчи везде кругом была разсыпана, и напускали отвсюду. Но из той конницы некоторые в малом числе блиско приезжали, а протчие только издали криком атаковали. Вышеописанная пехота турецкая, хотя и нестройная, однакож zelo жестоко билась. И ежели б по своему людству фронтом везде атаковали, то б небезопасно было... Но понеже в одном только месте то чинили, то с нашей стороны свежими людьми тут же его подкрепляли. Также 8-фунтовых пушек туды привезли и несколько полковых прибавили (для того, что видели, что в ыных местех отаки не будет... пехотою) и скорою стрельбою двойными выстрелы, то-есть, ядры и картечи, во оной клин стреляли, где их zelo много побили... потом сами сказывали турки, что их тут около семи тысяч пропало”. (Неудивительно, что среди янычар началась паника.)

Понятовский: «Тогда кегая сказал графу Понятовскому: “Мой друг, мы рискуем быть разбитыми, и это неизбежно случится”. Оба турецких генерала, кегая и начальник янычар, стали держать совет о том, что следовало делать. Так как Понятовский настойчиво указывал им все время, в течение всего похода, начиная с Константинополя, каким образом надо было действовать, чтобы атаковать и поддерживать боевой порядок, он ду-

мал, что его указаниям последуют. Но кегае ответил, что если они будут иметь несчастье быть разбитыми, следуя новому способу вести бой, то вина за это несчастье падет на них, и им обом отрубят головы: ему, кегае, — за то, что действовал, а Понятовскому — за то, что советовал ему».

А паника, охватившая янычар, была велика. Начальник янычар сказал позднее султану, а в Россию сообщил об этом в декабре *Лука Барка*: “И ежели бы москва наступала, то бы они никогда места удержать не могли, как многократно турки наступали и никогда устоять не могли, но назад утекали. И когда был у них бой с пехотою при реке Пруте, то уже турки задние почали было утекать, и ежели бы москвичи из лагару выступили, то бы и пушки и аммуницию турки покинули”.

Суттон (10 августа): “Мой приятель, находящийся сейчас в армии, пишет мне, что здравомыслящие люди, очевидцы этого сражения, говорили, что если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты”.

Суттон (1 октября): “Каждый раз они [турки] в беспорядке бежали обратно. После третьей атаки их замешательство и расстройство были так велики, что можно наверняка полагать, что если бы русские контратаковали их, то они бежали бы без всякого сопротивления”.

Ла Мотрей: “Это так их [янычар] устрашило, что храбрость их покинула”.

Петр: “И ежели б [мы] за ними хотя мало следовали, то б полная виктория нам досталась. Но сие не могли учинить для того, что обоза окопать не было время, а ежели б не окапав итить на них, то б конница их ворватца могла, и все б могли потерять пропитание, которого и так мала было”.

Вот здесь-то и сказались падеж лошадей в армии и отсутствие конных полков, ушедших с генералом Ренне. “Ежели бы у царского величества довольного числа добрая конница была, — писал 23 июля генерал Вейде Меншикову, — такие неприятельские напады токмо бы за находки ставити возможно было”²⁴⁵.

В русском лагере положение было очень тревожным. Люди и лошади не отдыхали уже трое суток подряд, обоз с провиантом, шедший к русской армии, был перехвачен татарами, армия была окружена со всех сторон, кормить лошадей было нечем, много их пало, а уцелевшие уже несколько дней питались листьями и корой деревьев. Но дисциплина среди солдат не пошатнулась, и армия продолжала оставаться грозной силой. Мы имеем об этом прямые свидетельства очевидцев²⁴⁶.

Юст Юль: по рассказам очевидцев, русская армия “вела себя удивительно доблестно”.

Некулче: русские солдаты не только сами держались храбро, но еще ободряли ополченцев-молдаван, говоря, что при Полтаве сражались против более сильного врага и победили.

Шафиров: русские солдаты “великой кураж имели”.

Турецкий военачальник (его слова передает Моро): “твердость наша [русских] их [турок] изумила... они не думали найти в нас столь ужасных противников”.

Моро всячески превозносит заслуги иностранцев и в оскорбительных выражениях пишет о трусости русских офицеров: “...русские начальники показывались только ночью, а днем лежали под своими экипажами”.

Но кто бы из офицеров осмелился залезть под экипаж в присутствии Петра, который, как писал тот же Моро, в ходе сражения побывал на всех постах? Это, конечно, выдумка, которая, по справедливому выражению Пушкина, не может нанести урона “ни славе Петра Великого, ни чести русского народа”²⁴⁷.

Аларт, напротив, спустя 12 лет вспоминал, что “на сей акции во всех случаях российской генералитет великую храбрость и мужество показали”²⁴⁸. Никакой необходимости подчеркивать это у него не было, и если бы дело обстояло так, как пишет Моро, Аларт мог бы просто промолчать.

Решение Петра I вступить в переговоры с турками и легенда о роли Екатерины

Вечер 9 июля прошел в отражении следующих одна за другой атак турок. Непрерывная стрельба, стоны раненых, неистовые гортанные вопли турок и татар, то откатывающиеся и затихающие, то вновь грозно нарастающие...

С наступлением темноты янычары прекратили атаки²⁴⁹.

Петр снова собрал военный совет.

Как записал в дневнике Аларт, на нем “было решено атаковать ночью неприятеля силами в несколько тысяч человек и прогнать его с занятых им позиций; а также, если счастье будет на нашей стороне и представится возможность, то на рассвете атаковать неприятеля всей армией и, с божьей помощью, добиться победы. Но несмотря на то, что было принято такое спешное решение и последовали необходимые для этого распоряжения, его царское величество отменил его по причинам, ему одному известным”²⁵⁰.

Очевидно, что если бы совет был ночью (а летние ночи коротки), то решение было бы “атаковать немедленно” или что-нибудь в этом роде. Поэтому можно предположить: совет состоялся сразу же, как только затихли атаки янычар.

Позднее, объясняя, почему он отменил атаку, Петр писал:

“При таком многолюдстве турецком, а малолюдстве своих войск, особливо ж при слабости своей кавалерии баталию газардовать*, и тако не токмо лутчее войско российское, а паче в присутствии самих их высочеств, дражайших высоких особ, но и благополучие всей империи Росийской в отвагу отдать было безопасно”²⁵¹.

Представьте себе чувства Петра, осознавшего, что ночная контратака слишком рискованна, что он, победитель Карла XII, может потерпеть поражение и даже попасть в плен вместе с беременной женой.

* Рисковать.

В некоторых источниках встречаются сведения о том, что Петр обдумывал возможность пробиться с кавалерийским отрядом сквозь кольцо окружения и спастись, бросив армию на произвол судьбы. Некулче, молдавский гетман, даже пишет, что Петр говорил с ним об этом, но его сообщения — это очень ненадежный источник²⁵². Никаких подтверждений в официальных документах нет, однако, их просто могло и не быть. Что слухи об этом впоследствии ходили — это несомненно: об этом упоминает в своих мемуарах участник похода капитан русской армии Питер Брюс (родственник начальника артиллерии генерала Я.В. Брюса)²⁵³, это сообщил английскому представителю в Москве вернувшийся из армии после заключения мира один из иностранцев-офицеров²⁵⁴. Во всяком случае, даже если мысль о бегстве явилась, она сразу же была отброшена, так как шансов на удачу не было.

Неудивительно, что Петр на какое-то время потерял самообладание. Через несколько дней он писал в одном из писем, что “никогда, как и почал служить, в такой десперации* не был”²⁵⁵. Вот тут-то с ним, видимо, и произошел нервный срыв, о котором из разных источников узнали Ла Мотрей и Юст Юль.

Ла Мотрей в своей первой книге пишет, что уже после заключения мира он разговаривал с офицерами-шведами, поступившими после Полтавы на русскую службу и перебежавшими к туркам. Шведы поведали ему следующее:

«Увидев, что свежие и хорошо снабженные всем необходимым турецкие войска окружили усталую и терпящую лишения русскую армию, Петр растерялся и, сказав: “Я оказался в таком же тяжелом положении как мой брат Карл под Полтавой”, удалился в свою палатку... запретив кому бы то ни было входить в нее. С ним либо случился обычный (по их словам) припадок, либо он его симулировал».

Юст Юль, встретившись 30 июля с иностранными офицерами, записал: “Как рассказывали мне, царь, будучи окружен турецкою армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный

* Отчаянии.

бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство думало, что с ним удар”²⁵⁶.

“Петр бегал по лагерю как полоумный” — вероятно, это присочинили для красного словца. Сообщение Ла Мотрея более правдоподобно.

Петр действительно был подвержен припадкам, при которых успокаивать его могла только Екатерина. А симулировать припадок ему было незачем, это было бы глупой и опасной потерей времени. Но, учитывая время, потребовавшееся на его действия этим вечером и ночью (о них речь впереди), и то, что выход из припадка обычно занимал 2—3 часа, я не думаю, что это был припадок. Просто, потеряв на какое-то время самообладание, Петр быстро пришел в себя и ушел в палатку обдумать, что предпринять в сложившихся условиях.

Ночью с 9 на 10 июля к туркам подошли остальная пехота и артиллерия. Курат приводит свидетельство турецкого участника похода Ахмеда бин Махмуда, служившего писцом у начальника турецкой казны, о том, что янычары рвались в бой и что они готовились к новой атаке²⁵⁷. Турки установили подошедшую артиллерию и продолжали обстрел русского лагеря, теперь уже из 200 орудий. Однако, по мнению Ла Мотрея, эффективность стрельбы была ниже, чем можно было бы ожидать: “больше шума, чем результатов”. Русские артиллеристы отвечали гораздо более метким огнем, и визирь из-за интенсивного обстрела перешел в другой шатер, находившийся дальше от переднего края²⁵⁸.

“Всю ночь... непрерывно огонь был с обеих сторон, — записано в Журнале Шереметева, — и многократно в немалой силе к рогаткам турки приходили, которые многою стрельбою отбиваны”²⁵⁹. Лоос в донесении Августу отмечал мужество, стойкость и героизм русских солдат²⁶⁰.

На рассвете 10 июля янычары опять напали на русский лагерь, и опять были отбиты. И здесь в их настроении произошел перелом: на приказ своего начальника повторить атаку, янычары, по словам Луки Барки, “все отказали, что они наступать не хотят и против огня московского стоять не могут”²⁶¹. Суттон пи-

сал: “...отпор, данный русскими, так сильно поколебал храбрость турок, что им так же не хотелось снова атаковать, как русским — подвергнуться атаке”²⁶². Об отказе янычар штурмовать лагерь писали также Некулче, Яковлев, Кантемир²⁶³. Но это стало известно только после заключения мира, а в ту ночь русские об этом не знали.

Наступил рассвет 10 июля — но передадим впечатление подлинными словами Шафирова:

“И в 10 день поутру рано усмотрено, что неприятельская инфантерья [пехота] зело сильна и многолюдна безчисленно, и той ночи учинила превеликой транжамент [вал] около войск царского величества, и поставили пушки”²⁶⁴.

Вся долина и горы, куда ни глянь, были заняты турками и татарами. В лагере поднялся женский вопль и плач “Офицерские жены, которых было множество, — писал Юст Юль, — выли и плакали без конца”²⁶⁵.

До сих пор события освещались независимыми источниками, подтверждавшими и дополнявшими друг друга. А вот о том, что произошло после ухода Петра в палатку, источники, а вслед за ними и историки, сообщают противоречивые сведения.

Часть источников и историков приписывают решающее или выдающееся участие в принятии решения предложить туркам заключить мир не Петру, а Екатерине. Их выводы можно свести к четырем вариантам.

1. Пока Петр в отчаянии пребывал в палатке, Екатерина созвала военный совет, выступила на нем с предложением начать мирные переговоры, отправилась в палатку Петра и настояла на его согласии и посылке к визирю Шафирова.

2. Екатерина, созвав совет, сама не выступала, а поручила Шафирову предложить начать мирные переговоры.

3. Совет созвал сам Петр, но Екатерина на нем присутствовала и настояла, чтобы Петр послал визирю письмо и поручил вести переговоры Шафирову.

4. Совет собрали генералы, предложение начать переговоры внес на нем Шафиров, по их просьбе Екатерина передала это царю.

Обобщая данные из источников, А.С. Пушкин в своих подготовительных текстах к “Истории Петра” после выписок из русских источников о посылке к визирю письма с предложением заключить мир, поместил следующую запись:

“По другим известиям: Петр призвал к себе генералов, повелел им на другой день атаковать неприятеля, а сам ушел в свой шатер, повелев часовым никого не впускать. Тогда Екатерина собрала совет и предложила трактовать о мире. — Она вошла в его шатер — etc. Тогда послан унтер-офицер Шепелев, а царица отослала (тайно от Петра) деньги и алмазы в подарок визирю и Кегае, его наместнику”.

Написав это, Пушкин сделал энергический вывод: “все это вздор etc”²⁶⁶.

Допустим, но как это доказать? И как объяснить противоречия в источниках?

Курат, например, так и не смог выяснить этот вопрос и вынужден был заявить: “Ясно одно — Екатерина сыграла определенную роль, однако ее не следует переоценивать”²⁶⁷.

Попробуем разобраться.

Выше приведен рассказ шведов-перебежчиков о припадке у Петра, записанный Ла Мотреем.

“Они добавили, — продолжает Ла Мотрей, — что после его ухода генералы собрались на военный совет и пришли к выводу о том, что янычары боятся русских, поскольку не возобновляют своих атак, как это было накануне вечером. Поэтому генералы приняли решение самим напасть на турок, и если даже не удастся одержать победу, то, может быть, замешательство неприятеля облегчит отступление.

Шафиров возразил, что это будет отчаянной попыткой, которая может стать последним шансом на спасение, и что он бы предложил вступить в переговоры с визирем о прекращении кровопролития для соглашения. Его совет был принят.

И так как царица была единственной, кого не касался запрет царя [входить к нему в палатку], было выражено пожелание, чтобы именно она передала царю это предложение, что она успешно исполнила. По-видимому, понадобилась большая на-

стойчивость, чтобы добиться приказа от царя фельдмаршалу Шереметеву написать письмо визирю”²⁶⁸.

Во второй книге Ла Мотрей кратко изложил приведенную версию шведских офицеров, но с добавлением:

“Царица... привела в палатку, где находился царь, не желавший никого видеть, его советников и употребила свое влияние, чтобы добиться его согласия предоставить Шафирову полномочия для заключения мира”²⁶⁹.

Но в этой же книге, в специальном примечании о Шафирове, Ла Мотрей уточнил: “Все, что сделала царица... это привела к нему [царю] в палатку, где он пребывал в одиночестве, советников”²⁷⁰.

Типольт в уже упоминавшейся реляции о Прутском походе сообщает, что на заключении мира очень настаивала Екатерина.

В 1755 г. в Абердине (Шотландия) вышла в свет написанная Александром Гордоном “История Петра Великого, императора России”²⁷¹, в которой сообщается, что решение вступить с турками в переговоры было принято на военном совете, на котором Петр не присутствовал, но были Екатерина и Шафиров.

Гордон мог прочитать изданные к тому времени книги Ла Мотрея и Вольтера и биографии Петра и Екатерины (о них будет сказано ниже) и взять из них версию о роли Екатерины. Однако в 1711 г. он был генерал-майором русской армии, и хотя участия в Прутском походе не принимал, вполне мог общаться с участниками похода и слышать это от них.

В рассказах шведов и Гордона неправдоподобно то, что Екатерина, когда Петр ушел в палатку, не пошла за ним, а была на совете вне палатки. Вероятнее всего, что она была в палатке, когда шел бой, была в ней и тогда, когда туда в расстройстве чувств вошел Петр.

Все эти рассказы с чужих слов: ни шведов-перебежчиков, ни Типольта, ни Гордона на совете не было.

Но есть прямое сообщение очевидца о военном совете, на котором было принято решение вступить в переговоры с турками и по окончании которого к визирю был послан парламентар с

письмом от Шереметева. На совете присутствовал Моро, оставивший его описание.

10 июля “около девяти часов утра его величество... приказал позвать их [иностранных генералов] в центр экипажей, где находилась его палатка. Генерал Янус, которого царь приглашал особенно вместе с бароном Остеном, взял меня с собою к его величеству...”

Государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Аларту, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут... положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей.

Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту”²⁷².

Рассказ Моро подтверждается Алартом, который привел в своем дневнике, опубликованном Куратом, решение этого военного совета:

“Предложить великому визирю перемирие, чтобы договориться о вечном мире с султаном. Если же визирь на это не согласится, то сжечь и уничтожить обозы, соорудить из немногих повозок вагенбург* и поместить в нем волохов и казаков, усилив их несколькими тысячами человек пехоты. С армией же... атаковать неприятеля”²⁷³.

А в неопубликованном Репорте Аларта сохранилась следующая запись, объясняющая и дополняющая это решение: “ни по какому образу мы [не] могли пробитца, понеже наши лошади все измучены, фуража в лагаре не было, для того они себе гривы и хвосты отъели, и мало лошадей к службе годных было. Того ради резелюция воспринята трубача к великому везирю послать, и ему об мире объявить”²⁷⁴.

Но о Екатерине и Шафирове ни Моро, ни Аларт не упоминают. Если бы произошло такое необычайное событие, как присутствие, и, особенно, выступление на военном совете Екатери-

* Огороженное повозками пространство.

ны, да и Шафирова, Аларт, записывавший события коротко, пожалуй, мог бы об этом промолчать, но уж Моро обязательно бы о нем написал. Кроме того, известие, которое подтверждает сообщения Моро и Аларта, есть у Ла Мотрея.

Он пишет, что для обеспечения выполнения условий Прутского мирного договора турки потребовали, чтобы русские послы поехали в Стамбул в качестве заложников. Петр дал им охрану из русских офицеров (вероятно, они же были потом курьерами). Ла Мотрей познакомился с ними и рассказал им о версии шведов.

Русские офицеры, пишет он, “которые, по их словам, находились при особе царя, а сейчас сопровождали заложников в Константинополь, опровергали все эти подробности как выдумку и утверждали, что царь вел себя геройски, что обычно он выполнял обязанности генерал-лейтенанта, но, видя тяжелое положение дел, принял на себя всю полноту власти и созвал генералов на военный совет под своим председательством, на котором было решено, что фельдмаршал Шереметев напишет письмо визирю с предложением приемлемых условий мира. Письмо было отправлено с трубачом генерала Януса”²⁷⁵. Правда, книга Ла Мотрея вышла в свет позже Записок Моро, так что об этом военном совете он мог в них прочитать и этот рассказ русских офицеров сочинить. Но такое предположение мне кажется неправдоподобным: зачем бы ему понадобилось опровергать сообщение шведов-перебежчиков?

Таким образом, несомненно, что сообщения Моро, Аларта и русских офицеров у Ла Мотрея являются достоверными.

Но не странно ли: принимается ответственное решение перейти от военных действий к дипломатии, а ни канцлер Головкин, ни подканцлер Шафиров участия в его обсуждении не принимают?

И как отнестись к рассказам шведов, Типольта и Гордона?

Итак, подытожим все, что нам известно о принятии решения о мирных переговорах.

Можно считать установленным, что Петр ушел в свою палатку.

Далее, с одной стороны, сообщается, что после ухода Петра в палатку Екатерина созвала совет, она или Шафиров внесли предложение вступить в переговоры, совет принял решение предложить туркам мир, написать письмо от имени Шереметева, поручить ведение переговоров Шафирову, и Екатерина привела генералов и Шафирова в палатку к Петру для утверждения этого решения.

С другой стороны, сообщается, что утром 10 июля состоялся военный совет, который провел сам Петр, на котором не было ни русских генералов, кроме Шереметева, ни Екатерины с Шафировым, но на котором было принято решение послать к визирю парламентаря с письмом Шереметева с предложением вступить в переговоры.

Кроме того, напомним, что сохранилась упоминавшаяся уже инструкция Шафирову по ведению переговоров с собственноручной правкой Петра, датированная 9-м июля²⁷⁶.

Известно также, что Петр высоко оценил поведение Екатерины в Прутском походе. Настолько высоко, что в 1714 г., специально для ее награждения, он учредил новый российский орден Освобождения, переименовав его вскоре в орден св. великомученицы Екатерины (по уставу, этим орденом могли награждаться только женщины). При этом Петр сказал, что орден “учинен в память бытности ея величества в баталии с турки у Прута, где в такое опасное время не яко жена, но яко мужская персона видима всем была”²⁷⁷. Подтверждением этого служит сам орден: на нем изображена св. Екатерина с крестом, на котором первые буквы слов: “Г[осподи], с[паси] ц[аря]”, а на оборотной стороне латинская надпись: “Трудами сравнивается с супругом”²⁷⁸.

Кроме того, в манифесте 15 ноября 1723 г. о короновании Екатерины Петр упомянул о том, что Екатерина помогала ему в Северной войне и в Прутском сражении и “мужески, а не женски, поступала”²⁷⁹.

Какой вывод можно сделать из сопоставления этих данных? Единственный. Состоялось два военных совета, первый — вечером 9 июля и второй — утром 10 июля.

О втором совете мы знаем от Моро. Но что произошло на первом?

Об этом есть сообщение Аларта в его Репорте, где упоминается о тайном совете Петра с генералами и *министрами*, на котором было решено послать к туркам Шафирова²⁸⁰. Оно, правда, помещено после приведенной выше записи о решении военного совета вступить в переговоры и послать трубача к визирю, но это явно другой совет, с иным составом присутствовавших.

Попробуем восстановить ход событий.

Петр ушел в палатку. Екатерина либо уже была там, либо последовала за ним, как обычно, успокоила его, и он решил, возможно, по ее совету, вступить в переговоры с турками.

Были ли шансы получить согласие турок?

Петр мог припомнить сообщение Георгия Кастриота о готовности турок заключить мир, чему он тогда не поверил. И было еще одно обстоятельство, о котором сообщил Аларт: “И о том никто от нас не паметовал, только е[го] ц[арское] в[еличество] сам один: ежели кто туркам против* их алкорана об мире предъявит, то их должность такого мира воспринять”²⁸¹. Курат упоминает об этом требовании, рассказывая о совете у визиря, обсуждавшем условия мира, так что, по-видимому, этот довод был там высказан²⁸². Правда, Аларт услышал это на военном совете, описанном Моро, так что трудно сказать, знал ли об этом сам Петр, или ему кто-то подсказал.

Решение предложить туркам вступить в переговоры, шансы на заключение мира и возможные условия турок необходимо было обсудить.

С кем?

Состав советников 9 июля прямо указан Алартом: генералы и министры. Отсутствие на совете 10 июля министров и русских генералов (Шереметев не в счет: он главнокомандующий) подтверждает сообщение Аларта и прямо свидетельствует, что на совете вечером 9 июля, кроме министров, были только *русские* генералы. Пригласить в палатку советников Петр, видимо, поручил Екатерине.

* То есть в соответствии.

Шведы-перебежчики о происходившем на совете знали по слухам, но они могли видеть, как Екатерина, выйдя из палатки, распорядилась найти министров и русских генералов. Появление у палатки генералов наводило на мысль о военном совете. Отсюда и версия: Екатерина созвала военный совет, на котором либо она, либо совет, либо Шафиров (кому кто нравится!) предложили вступить в переговоры с турками.

Решение предложить туркам заключить мир и поручить ведение переговоров Шафирову принял, конечно, сам Петр, а совет поддержал. После этого была составлена инструкция Шафирову и, вероятно, письмо от Шереметева визирю.

Почему Аларт назвал этот советом тайным? Потому, что он был созван втайне от иностранных генералов, которых Петр собрал утром 10 июля, уже после принятия им решения и назначения посланником Шафирова.

А на совете 10 июля решение было одобрено и иностранными генералами и был выбран парламентар — “трубач генерала Януса”. Этот трубач, вероятно, только числился трубачом, потому что в действительности это был царский курьер унтер-офицер гвардии Дмитрий Шепелев. В декабре он упоминается как курьер, имеющий чин подпоручика, видимо, офицерский чин он получил за Прутский поход²⁸³. Скорее всего, и он был выбран самим Петром.

Но на чем все же была основана высокая оценка Петром поведения Екатерины? Может быть, действительно, Петр до того растерялся, что Екатерине пришлось проявить инициативу — вызвать советников в палатку и побудить Петра послать к туркам Шафирова? Несомненно, что Екатерина имела определенное, и немалое, влияние на мужа. Но обладала ли она государственным умом?

Ничто не указывает на это. Наоборот, став после смерти Петра императрицей, Екатерина была послушным орудием в руках Меншикова. Однако, будучи необразованной женщиной, она, бесспорно, обладала здравым смыслом и разбиралась в людях — иначе она не смогла бы так долго жить с таким сложным неординарным человеком, каким был Петр, и пользоваться его уважением.

Что касается Петра, то при всех своих недостатках он, бесспорно, не боялся брать на себя ответственность за свои поступки и никогда не перекалывал ее на других.

Поэтому невозможно представить себе, чтобы в присутствии Петра Екатерина могла принять какое-либо самостоятельное решение. Все, что мы знаем об их характерах, не соответствует ни версии о растерянности Петра, ни версии о решающей роли Екатерины в принятии решения предложить туркам заключить мир.

Так сложилась первая часть легенды о Екатерине. Вторая часть легенды — подкуп великого визиря драгоценностями Екатерины — будет рассмотрена дальше.

Переговоры и заключение Прутского мирного договора

После решения военного совета утром 10 июля прекратила огонь русская артиллерия и над рогатками подняли белый флаг. Постепенно затихли турецкие пушки. Из-за рогаток выехал унтер-офицер Шепелев и поскакал к турецким позициям.

Удивленный визирь вскрыл конверт и прочитал:

“Сиятелнейший крайней везирь его салтанова величества.

Вашему сиятельству известно, что сия война не по желанию царского величества, как, чаем, и не по склонности салтанова величества, но по посторонним ссорам. И понеже ныне то уже дошло до крайнего кровопролития, того ради я за благо разсудил вашему сиятельству предложить, имеете ль склонность, как мы о том имели известие, не допуская до такой крайности, сию войну прекратить возобновлением прежнего покоя*, который может быть ко обоим сторонам ползе и на добрых кондициях.

Буде же к тому склонности не учините, то мы готовыя и к другому, и Бог възыдет то кровопролитие на том, кто тому причина. И надеемся, что Бог поможет в том нежелаящему.

* Мира.

На сие ожидать будем ответу и посланного сего скорого возвращения”²⁸⁴.

Письмо было подписано генерал-фельдмаршалом графом Б.П. Шереметевым.

Потянулось время. Турецкие пушки снова начали стрелять. Прошел час, Шепелев не возвращался. Петр приказал готовиться к атаке турецких позиций: “...телеги здвинуть и землю как возможно окопать волохам и казакам, дабы ежели турки не примут миру, возможно было на них итить, оставя в такой обороне багаж свой”. Между тем “стрельба от часу более от неприятеля умножалась з батарей, аднакож, не горазда вредило”²⁸⁵.

Визирь не отвечал, потому что он и его окружение, будучи уверенными в силе русской армии, сочли предложение мира военной хитростью и ломали себе голову, стараясь ее разгадать.

Вскоре в турецкий лагерь приехал второй парламентар. На этот раз письмо, тоже подписанное Шереметевым, было короче:

“Послали мы сегодня к вашему сиятельству офицера с предложением мирным, но еще респонсу* никакого по се время на то не возприяли, того ради желаем от вас как наискорейше резолюции, желаете ли оногo с нами возобновления мирного, которое мы с вами можем без далнего пролития человеческого крови на полезнейших кондициях учинить.

Но буде не желаете, то требуем скорой резолюции, ибо мы с стороны нашей ко обоим готовы, и принуждены воспримать крайнюю, однако сие предлагаем, щадя человеческого кровопролития.

И будем на сие ожидать несколько часов ответу”²⁸⁶.

Это письмо уже не походило на хитрость. Визирь созвал совет, который стал обсуждать предложение русских. Визирь сомневался и не верил. Крымский хан был против переговоров, но

* Ответа.

заявил, что на мир можно пойти, только если русские отдадут Азов, Таганрог и другие построенные ими крепости, не будут вмешиваться в дела запорожских казаков и уйдут из Польши²⁸⁷.

Время шло. Ответа от турок все не было. Турецкая артиллерия не прекращала обстрел русского лагеря.

“Ретироватца более было нельзя и стоять — для голоду как в провианте, так и в фураже — нельзя ж, но пришло до того: или выиграть, или умереть, — писал Петр много лет спустя. — Потом, когда ответом замешкалось, тогда послали к ним говорить, чтоб скоряя дали отповедь короткою, хотят ли миру или нет, ибо более ждать не можем. Потом, когда и на ту посылку отповедь замешкалась, тогда велели полкам выступить. И когда сие учинилась, и наши несколько десятков сажен выступили, тогда от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют, и для того учинить унятие оружия, и чтоб прислали, с кем об оном мире трактовать. И тако учинено армистициум^{*}”²⁸⁸.

По словам Моро, “не прошло и двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою^{**} янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц, и сказал ему на арабском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтобы мы прекратили наш огонь (что и с их стороны будет учинено), и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире. Мы не дож[и]дались повелений генерал-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своем посту, и в минуту на той и на другой стороне водворилось спокойствие. Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено, и... Шафиров отправился в лагерь великого визиря ... с поручением трактовать о мире”²⁸⁹.

“А при нем, — записано в Статейном списке посольства, — посланы переводчики: Андрей Остерман; Николай Барка, которого приказано называть Чернышевым, понеже родственники его [с] тем же прозвищем живут в Цареграде, и от того б он мог

* Перемирие.

** Здесь — старший офицер.

пострадать от турков; да переводчик Иван Зуда; посольской канцелярии подьячий Иван Юрьев. А для пересылок по прошению посланы с ним генерального шквадрона ротмистр Артемей Вольтинской да оберкомисара Петра Бестужева сын, которой служит при армии в валентирах, Михайло Бестужев”²⁹⁰.

Здесь уместно будет сделать маленькое отступление, чтобы показать, кто был послан с бароном Шафировым в качестве переводчиков и курьеров.

Андрей Иванович Остерман (1686–1747) — будущий знаменитый русский политический деятель и дипломат, при Екатерине I — вице-канцлер, при Анне Ивановне — граф, канцлер и кабинет-министр, при Елизавете — в 1742 г. сослан на поселение навечно в Сибирь, в Березов, где и умер.

Артемий Петрович Вольтинский (1689-1740) — “шквадрон”, по словам Моро, “гвардейский эскадрон его царского величества, состоящий из 300 рейтаров, сопровождал государя в его поездках и другой службы не нес”²⁹¹.

А.П. Вольтинский — будущий (с 1738 г.) кабинет-министр, выступил против всемогущего фаворита Анны Ивановны Бирона, обвинен в заговоре и в 1740 г. казнен. Известен также публичным избиением не угодившего ему поэта В.К. Тредиаковского.

Иван Зуда (Иван де ля Суда) — переводчик, дослужился до секретаря Коллегии иностранных дел, в 1740 г., будучи в дружеских отношениях с Вольтинским, обвинен вместе с ним, бит кнутом и навечно сослан на каторгу в Сибирь.

Михаил Петрович Бестужев (1688–1756) — точнее, Бестужев-Рюмин (с 1701 г.), будущий известный дипломат, послан во многих европейских странах.

Шафирову Петр дал полномочную грамоту:

“Даем полную мочь государственному подканцлеру нашему барону Шафирову, отправленному из обозу нашего в обоз его салтанова величества к великому везиру Магметь-паше для трактования между нами и его салтановым величеством миру. И что оный наш государственный подканцлер учинит и постановит, то от нас содержано будет крепко и ненарушимо.

Во уверение сего дана ему сия наша, царского величества, грамота с нашею государственною печатью.

Петр.

В обозе нашем у реки Прута,
июля 10-го дня 1711-го”²⁹².

А вот уже упоминавшаяся инструкция Шафирову (курсивом выделены слова, собственноручно написанные Петром):

1. *Туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямитца, позволить отдать.*

2. *Буде же о шведах станет [визирь] говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отдаваем Лифляндов. А буде на одном на том не может довольствоватца, то и протчия помалу уступать, кроме Ингрии*, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иные провинции. А буде возможно, то лутче б не именовать, но на волю салтанскую положить.*

3. *О Лещинском буде станет говорить, позволить на то.*

4. *В протчем, что возможно, салтана всячески удовольствовать, чтоб для того за шведа не зело старался*²⁹³.

Под текстом помета: “Подлинная инструкция, данная на Пруте в обозе барону Шафирову 711, июля в 9 день”.

О ходе переговоров сведения есть в разных источниках. Они взаимно дополняют друг друга. Основными являются “Статейный список” русского посольства и письма Шафирова Петру, “Замечания” Понятовского на историю Карла XII, сочиненную Вольтером, и приписываемое ему письмо к Станиславу Лещинскому²⁹⁴, и Записки Ла Мотрея. Письмо Понятовского Лещинскому опубликовано Ла Мотреем и Куратом. Оно без указания автора, адресата и даты, но это устанавливается по содержанию, близкому к “Замечаниям”, по обращению “государь” и выражению в тексте “для нас”. Письмо представляет собою сообщение о прутских событиях, написанное сразу и предназначенное, как тогда было в обычае, для широкого распространения.

* Южное побережье Финского залива к востоку от Нарвы.

Вот как Понятовский описывает прием Шафирова (говоря о себе в третьем лице):

“Объявили, что прибыли полномочные министры царя. Было условлено с графом Понятовским, что визирь их не примет и что их проведут в шатер его секретаря Умера-эффенди. Шатер был специально поставлен для этой цели... Но полномочные министры вместо того, чтобы сойти перед ним, сошли перед шатром великого визиря и были введены туда... При их появлении вместо суровой встречи были потребованы табуреты, чтобы усадить их... Естественно, им самим надлежало изложить цель их миссии, но великий визирь опередил их своим очень любезным приветствием и тем, что приказал усадить их. Затем визирь... велел спросить полномочных министров, зачем они пришли в государство султана”.

Собственно, был один полномочный министр, Шафиров, другие были его переводчики — Остерман, Барка и Суда и курьеры — Волинский и Бестужев. Но Понятовский, видимо, в такие подробности не вникал.

От Понятовского не ускользнуло, что русские были “изумлены такой мягкостью и таким приемом, которого они не ожидали”.

Здесь нужно отметить три важные детали: во-первых, Шафиров не дожидался приема — его сразу принял сам великий визирь; во-вторых, их усадили, т.е. по турецкому обычаю приняли с почетом; в-третьих, визирь любезно приветствовал их и первым обратился к ним. Шафиров знал тонкости восточного этикета и понял, что турки заинтересованы в заключении мира.

У шатра, конечно, собрались любопытные, — все те, кто имел эту возможность. Среди них был и Ла Мотрей, видевший подарки, которые были внесены вслед за Шафировым, как это полагалось по дипломатическому этикету того времени. Подарки, естественно, были не от царя, а от фельдмаршала Шереметева, от имени которого были предложены переговоры. Согласно Журналу Шереметева, визирю были посланы “2 пищаля добрых золоченых, 2 пары пистолет[ов] добрых, 40 соболей в 400 руб.”²⁹⁵ Подарки были посланы не только визирю, но и его приближенным сотрудникам. По словам Ла Мотрея, они состояли из меха соболей и чернобурых лисиц, а также золота, но, по-

видимому, на не очень большую сумму. “Один из пашей, — пишет Ла Мотрей, — находившийся в шатре, сказал мне, что Осман* получил на сумму не более 13 тыс. золотых дукатов”²⁹⁶.

Затем визирь сразу же высказал требования турок. Эти требования были сформулированы не единолично визирем, а были обсуждены и приняты на совете с участием крымского хана и личного представителя султана. Тальман называет его “шталмейстером”^{**297}.

Моро, со слов турецкого паши, присланного визирем к царю после заключения мира, пишет, что визирь заявил приехавшему к нему с упреками за условия мира Карлу XII, что “ничего не делал без согласия одного министра, находящегося в лагере, и своего военного совета”²⁹⁸. То же самое говорится и в письме Шафирова к Петру от 17 августа из турецкого лагеря: “Присылал он же, везирь, к нам... и велел объявить, что... де он мир с нами публично и с совету хана крымского и кубе-везирей^{***} и прочих учинил”²⁹⁹. Это подтверждает и Суттон, который сообщал, что визирь начал переговоры и заключил мир с согласия “пашей и офицеров”³⁰⁰.

В турецкой реляции говорилось, что на обращение русских “великий визирь и другие министры ответили согласием заключить мир”³⁰¹.

К выводу о том, что условия турок не были личными предложениями великого визиря, а выработаны на совете, пришел Курат³⁰². Правда, он считает, что совет состоялся после приезда Шафирова, однако это противоречит утверждению Понятовского, что русские “сошли перед шатром великого визиря и были введены туда”, и визирь сразу предъявил условия, т.е., Шафиров не дожидался, пока турки их выработают. А ведь Понятовский был при этом, и он не упоминает, что турки обсуждали выдвигаемые ими условия, тогда как Курат пишет, что обсуждение было, и приводит упомянутое выше заявление

* Керая.

** Конюшим, приравнивая его турецкий чин к придворному чину Империи.

*** Kubbe-Vezirleri (Vizirs of the Bench) — все визири: первый, второй и другие.

крымского хана о том, что если русские отдадут Азов, уничтожат новопостроенные крепости Таганрог и другие, не будут вмешиваться в дела запорожских казаков и уйдут из Польши, то можно пойти на мир.

Поэтому с полным основанием можно предположить, что совет был создан не после приезда Шафирова, а после получения визирем первого письма Шереметева, а второе письмо было получено, когда еще шло обсуждение и выработывались условия мира. Во всяком случае, условия были сформулированы до приезда Шафирова, и не визирем единолично, а советом.

8 сентября Тальман сообщал, что кроме военачальников и советников визиря, на совете был шталмейстер султана, а также Понятовский.

Однако Ла Мотрей указывает, что хотя Понятовский обычно участвовал в советах у визиря, его не пригласили на совет, на котором выработывались условия мира. И поскольку отсутствие условий в пользу шведов для Понятовского было неожиданным, значит, Ла Мотрей прав: на совет, на котором они выработывались, его действительно не пригласили. Но при приеме Шафирова, которого визирь принял не наедине, а в присутствии совета, Понятовский был, следовательно, Ла Мотрей пишет о совете, который состоялся до приезда Шафирова и на котором выработывались условия мира.

Мне удалось найти в архиве запись с пометой “Первые с турецкой стороны под Прутом требования, кои не состоялись”.

Вот они:

“Божею помощиею и силою всевышшаго по мирному акорду* дабы Азов со всеми приналежащими крепостми, как прежде, отдан был.

Таганрог, Каменной Затон и на устье Самары новая фортеция совсем бы разорены были.

И впредь казаков, и запорожцев, и поляков не беспокоивать.

И все места, которые прежде надлежали Порте, уступить.

* Договору.

Господаря волоского и Саву*, яко подданных изменников, дабы отдать, чтоб впредь наша дружба ненарушима была.

Трибут**, что Волоская земля платит на один год, и дондеже та Волоская земля в прежнее состояние придет, чтоб те денги также на три года даны были.

И окроме купцов, никакого б посла в Цареграде не было.

И вся аммуниция и пушки нам отданы б были.

И понеже король швецкой пришел под покров Пресветлые Порты, и того ради чтоб с обеих сторон для дружбы Порты Оттоманской никакой недружбы не было.

И впредь как нашим подданным от [слово неразобрано] никакой убыток и противность не чинен [слово утрачено].

И ежели учинитца под вышереченными кондиции, визирь будет просить салтанова величества, дабы те неприятельские поступки забвению предать.

И по вышереченной мере*** дабы были гарантирами агличаня и галанцы. И тогда со обеих сторон дадутца два экземпляры”³⁰³.

Главное в этих условиях — возвращение Азова и разорение новопостроенных крепостей. И ничего в пользу шведов. Напомним, что перед началом войны турки выдвигали более жесткие требования:

— возвратить Азов;

— укрепления, вновь добавленные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам Черного моря, разорить;

— возвратить всю Лифляндию и вообще все, завоеванное русскими, шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания;

— расторгнуть совершенно союз, заключенный с Августом, и признать Станислава Лещинского королем Польским.

Как видим, предъявленные Шафирову условия оказались гораздо мягче: турки отказались от требований вернуть шведам потерянные ими земли, срыть Петербург и разорвать со-

* Рагузинского.

** Подать.

*** Договору.

юз с Августом. Но все же требования турок были для русской стороны тяжелыми. Видимо, поэтому Шафиров послал гонца с известием, что “турки не зело в склонности к трактатам состоят”³⁰⁴.

Вернемся к рассказу Понятовского о приеме Шафирова. По его словам, Шафиров на выдвинутые турками требования ответил:

— “что они [армия] жили в Молдавии на свои деньги;

— что вторжение татар в их государство прошлой зимой побудило их к отмищению;

— что для того, чтобы сохранить дружбу с султаном, царь вернет Азов и снесет Таганрог, но что им нужен Каменный Затон, чтобы укрываться от набегов татар.

Так как они [русские] боялись, говорили они, забыть что-нибудь из требований визиря, они просили его, чтобы все было изложено письменно. После этого визирь направил их в шатер секретаря”.

Пока в шатре секретаря обсуждались условия, в шатре визиря разыгралась безобразная сцена. Понятовский, как он писал в своих Записках, в присутствии собравшихся сановников стал с жаром упрекать визиря, говоря, что “со всеми преимуществами, которые ему даровал бог над врагами, он был в состоянии требовать и получить другие условия”. Визирь, пораженный и разгневанный его дерзостью, “употребил весьма оскорбительные слова и угрозы по отношению к графу Понятовскому, который ответил ему в том же тоне и вышел”. Но он оставался поблизости и вернулся в шатер, когда вернулся Шафиров.

О том, как проходило обсуждение в шатре секретаря, сведений нет, но с ним связано одно любопытное обстоятельство.

В тексте письма Понятовского Лещинскому, опубликованном на английском языке в приложении к первой книге Ла Мотрея, есть следующая фраза: “визирь и его фавориты, подкупленные во время переговоров в другом шатре, согласились на все [чего хотел Шафиров]”³⁰⁵.

Во французском тексте письма этой фразы нет.

Первый вопрос, который возникает в связи с этим — на каком языке писали Ла Мотрей и Понятовский?

Ла Мотрей был француз, поэтому естественно предположить, что он писал на своем родном языке. Это подтверждается американским библиографическим указателем литературы о путешествиях, в котором говорится, что английский текст книги Ла Мотрея является переводом с рукописи автора³⁰⁶.

Естественно допустить также, что Понятовский, предназначая свое письмо для огласки, писал его тоже на французском языке, давно получившем широкое распространение среди образованных людей Европы. Маловероятно, что поляк Понятовский написал письмо поляку Лещинскому на английском языке.

Если так, то французский текст письма — подлинник, а английский — перевод со вставками.

Но кем были сделаны вставки, и почему?

Кем — на этот вопрос ответил сам Ла Мотрей в предисловии к своей второй книге, напечатанной в 1732 г.: “В изданиях моей книги на английском и французском языках английскими переводчиками и гаагскими издателями в мое отсутствие и без моего ведома были сделаны различные добавления и вставки”³⁰⁷.

Почему это было сделано — неизвестно. Можно предположить, что по конъюнктурным политическим соображениям.

Но вполне правдоподобно и такое объяснение, что именно в шатре секретаря Шафиров пообещал турецким сановникам крупные подарки, как это было обычно для турок. Конечно, не за то, чтобы они выдвинули приемлемые для России условия, потому что условия уже были предъявлены. Нет, речь могла идти только о создании доброжелательной атмосферы на переговорах. Правда, турки были заинтересованы в принятии Россией их условий, но можно предположить, что соблюдение Шафириным обычая делать подарки и щедрость Петра имели определенное значение.

В письме от 28 июля Шафиров сообщал, что “кегая и секретарь люди, мнится, быть умные и покладные, а особливо секретарь к нам является склонен, а шведу противен”³⁰⁸; когда визирь задержал передачу грамоты султана, подтверждавшую мирный договор, до возвращения Азова (а Петр оттягивал возвращение, добиваясь высылки Карла из Турции), Шафи-

ров, как он писал Петру, стал “промышлять чрез кегаю и секретаря турецкого склонить ево, дабы розменялся грамотами. И для того послал к кегаю секретаря Барку, також и [к] секретарю турецкому, прося, чтоб они как во отправлении короля шведского, так и о размене грамот ростолковали везиру, чтоб и то конечно потребно; в чем обещали... И сего августа в 3 день присылал ко мне кегаю и велел сказать, что они с секретарем уговорили везиря о размене грамот подтвержденных, толко де с таким уговором: велел ему, кегаю, розменится, дабы нам оной ныне к вашему величеству не посылать, но держать у себя до тех мест, пока все по трактату с вашей страны совершится, а послать бы ныне с оной список... P.S. По заключении сего насилу домогся я чрез кегаю, что позволил везирь послать при сем к вашему величеству подлинную грамоту подтвержденную”³⁰⁹.

Так что подарки и посулы обеспечили Шафирову благожелательное отношение турецких чиновников.

После перевода условий, в шатре секретаря должны были начаться собственно переговоры о мире с великим визирем. Тут, вероятно, Шафиров отправил второго гонца с уведомлением, что переговоры начались.

Вернувшись в шатер визиря, Шафиров дал ответ на предъявленные турками требования. Он сказал:

— что хотя по прежнему договору Азов навсегда перешел к России, но из дружбы к Порте царь возвратит его;

— что Таганрог, Каменный Затон и Самара (новопостроенные крепости в Причерноморье) будут скрыты;

— что русские перестанут заниматься делами Польши, в которые они не вмешались бы, если бы в них не вмешался шведский король (на это визирь промолчал);

— что запорожские казаки, по желанию Порты, станут пользоваться прежней свободой;

— что русские ничего не получили от Молдавии, где они тратили свои деньги, и им нечего возвращать;

— что молдавский господарь не может быть выдан, так как он уже 3 дня как бежал;

— что Сава им неизвестен.

Насчет выдачи артиллерии Шафиров указал, что русским нужны пушки, чтобы защищаться во время похода от шведов.

“Тогда великий визирь, — писал Понятовский, — как бы пробудившись от глубокого сна, сказал... что у турок гостит шведский король, и что он просит для него свободного проезда. На это [Шафиров сказал]... что они не только предоставляют ему проезд, но что они готовы нести его на руках.

Визирь восторженно похвалил... за их доброе сердце, но все еще требовал пушки... Шафиров... ответил... что он может распорядиться пересчитать пушки, которые они имели в армии, и что царь отдаст из Азова такое же количество и такого же калибра, когда он прикажет вернуть эту крепость... и он, визирь, может быть уверен, что там окажется такое же количество орудий, как во время сдачи города турками.

Визирь, восхищенный этим ответом, снова не удержался от радостного восклицания и сказал, что будет вполне справедливо не требовать больше ничего”.

В Статейном списке посольства о ходе переговоров записано кратко: “И он де, подканцлер, говорил везирию, что на таких кондициях [первоначально выдвинутых турками] господин фельтмаршал миру отнюдь не учинит. И по многим де спорам везирским те кондиции везирь склонился отставить”³¹⁰.

Это не вполне соответствовало действительности: визирь “отставил” только маловажные для турок требования о выдаче Кантемира, Саввы и молдавской подати и согласился вместо артиллерии взять пушки из Азова. Но зато он выдвинул новые требования: о свободном пропуске шведского короля к его армии, о возобновлении ежегодной уплаты “поминков”, т.е. дани, крымскому хану и о пребывании Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева, полковника Михаила Петровича Шереметева, в Турции в качестве заложников до выполнения условий мирного договора.

По поводу уплаты дани крымскому хану Суттон сообщил 10 августа, что “царь обязался в отдельной статье, которая по его просьбе не была включена в текст договора, чтобы скрыть бесчестие, платить обычную прежнюю дань хану в размере

40000 дукатов ежегодно, от которой он был освобожден по последнему миру”³¹¹.

Эту сумму назвал и Тальман в донесении от 10 августа³¹².

Вольтер писал о 40 тыс. цехинов³¹³.

Но это неточно: “отдельной статьи”, т.е. письменного обязательства платить дань не было, и сумма при переговорах не была определена. Это видно из письма Шафирова Петру от 16 октября 1711 г.: “Ежели, государь, придет до того, что нужна будет хана склонять, дабы не был противен, то принуждены ему будем обещать некоторую дачю и просим на то указу, понеже при договоре о том нам говорили. И хотя я и отбился тогда, чтоб того не писать в договор, а на словах принужден был обещать, что подарками его изволишь обсылать, ежели он будет мир содержать”³¹⁴. По-видимому, до дипломатов дошел слух, что крымский хан намеревался потребовать именно эту сумму (40 тыс.).

То что дополнительные требования были выдвинуты турецкой стороной после 11 июля, подтверждает отсутствие их в письме Понятовского, а также то, что Шафиров ничего не сказал о них Петру, когда 11 июля привез на подпись текст договора.

Суттон по этому поводу пишет:

“Требование, чтобы он [царь] не имел министра-резидента в Порте, имеет в виду, чтобы он во всех случаях обращался, как это было ранее, к хану, который сносился, если это было необходимо, с Портой и давал соответствующие советы.

Русские уполномоченные старались избежать этого условия, но визирь не уступал, говоря, что все, что он может сделать, это передать вопрос на усмотрение султана, который может от него отказаться. Полагают, что султан этого не сделает”.

Это условие было внесено в договор.

Но вернемся в турецкий лагерь.

Понятовский “покинутый и погруженный в свои мысли, решил испробовать другой способ повлиять на ход переговоров. Он пошел к окопам и бросил тысячу дукатов янычарам и артиллеристам, которые хорошо его знали, чтобы возбудить их про-

тив великого визиря, говоря им, что его, визиря, личные интересы побудили заключить постыдный мир, благодаря которому он лишил стольких смелых людей многих миллионов, которыми они могли бы воспользоваться, и что не поздно еще сделать это, если они послушают его и последуют за ним”.

Таким образом Понятовский попытался взбунтовать янычар и артиллеристов против визиря, платя им и возбуждая в них жадность. “Но эти люди, либо не захотели больше подвергаться опасности, либо не посмели сделать что-либо без приказа. Они взяли деньги и, не двинувшись с места, лишь выразили сожаление графу Понятовскому”.

Турки не хотели больше воевать.

Моро пишет, что он спросил одного из турецких пашей, присланных в русский лагерь для охраны уходившей армии от нападений татар: “по какой причине и на каких условиях заключили они мир?” На что тот отвечал, “что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников, что, судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8000 убитых и 8000 раненых, и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа”³¹⁵.

Более того, по-видимому, у турок не было враждебных чувств к русским. Аларт пишет, что “турки стали очень дружелюбно относиться к нашим людям, разъезжали кругом нас верхом, приближались даже к самим рогаткам и разговаривали с нашими людьми, так что под конец пришлось поставить часовых... Часовых этих турки дарили табаком и печением, а те в оплату снабжали их водою, за которою туркам было далеко ходить”³¹⁶.

По мере хода переговоров активность рядовых турок увеличивалась: Ла Мотрей рассказывает, что янычары, «не дожидаясь объявления о заключении мира, без разрешения бросились к

русскому лагерю продавать провизию, называя русских словом “кардаш”, т.е. братьями».

Это подтверждает и Суттон: “во время обмена посланиями царя с визирем и переговоров о мире янычары приносили в лагерь русских хлеб, рис и другую провизию, в которой русские испытывали нужду и за которую хорошо платили”³¹⁷.

Интересно впечатление Моро о турецкой армии:

“Изю всех армий, которые удалось мне только видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и величественнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего наподобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желание, я могу вам дать только слабое понятие”³¹⁸.

Турецкое командование пыталось пресечь стремление рядовых турок к общению с русскими солдатами, запретив приближаться к рогаткам и принимая жестокие меры к нарушителям дисциплины.

“Не могу... не упомянуть о благоразумном поступке, который заставил нас уважать турецкий народ, — пишет Моро. — Какой-то спаги, или, что все равно, всадник, перешел за указанную черту и явился близь моего поста, где прогуливался я с сыном барона Денсберга, подполковником в Белозерском полку, и с генерал-майором Вейсбахом. Этот спаги говорил что-то нашим драгунам, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею, и полагая, видно, что мы понимали его наречие. Офицер, разъезжавший около их лагеря, заметил, что спаги перешел за положенную черту, и, давая знак возвратиться в лагерь, с твердостью выговаривал ему. Спаги его не послушался; офицер, после двукратного требования, приблизился к нему молча, и махом своей сабли чисто отрубил руку, которая упала с саблею к нашим ногам; потом, продолжая путь свой с тем же хладнокровием, простился с нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не стал тратить времени и ускакал во весь опор, оставя руку и саблю у ног молодого Денсберга. Сей поступок неверно-

го служит уроком для христиан, с какою строгостию должно хранить свое слово, данное и неприятелям”³¹⁹.

Условия мира были согласованы в тот же день, 10 июля. В Статейном списке отмечено, что Шафиров “в турецком обозе ночевал”. Следовательно, весь вечер 10 июля и, вероятно, даже ночью и утром 11 июля формулировался и переводился окончательный текст договора для представления его Петру. Составитель сборника писем Петра к Шереметеву, изданного в 1774 г., пишет: “Турецкой трактат писан 21/10 июля... И так, везирь по приходе к нему под вечер Шафирова, нимало не медля, еще в ту же ночь трактат написал... Требовалось перевести оной на какой-нибудь знакомой язык, перевести с оногo и на российский... Первый перевод учинен греческий 11 июля... как точно изъяснено в оном”³²⁰.

В русском лагере в это время было неспокойно.

Петр нервничал: благоприятное для атаки время уходило, провиант кончился, голодные лошади теряли силы. Созванный им вечером 10 июля военный совет принял следующее решение:

“По последней мере положили на совете весь генералитет и министры. Ежели неприятель не пожелает на тех кондициях быть довольным, а будет желать, чтоб мы отдались на их discreции* и ружья положили, то все согласно присоветовали, что иттить в отвод подле реки”³²¹.

Это решение, отменявшее прежнее — об атаке турецких позиций — подписали фельдмаршал Шереметев, генералы Вейде, Голицын, Долгорукий, Репнин, Аларт, Брюс, Остен, Янус, Энсберг и канцлер Головкин.

Почему было оставлено намерение атаковать турок?

По той же причине, по какой было решено предложить туркам мир — недостаток кавалерии, измученные голодные кони.

“Армия наша, — пишет Моро, — не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ела хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами... кони лизали зем-

* Сдались в плен.

лю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет”³²².

Неудивительно, что утром 11 июля Петр написал Шафирову отчаянное письмо:

“Мой господин. Я из присланного слов выразумел, что турки, хотя и склонны, но медяныны являются к миру, того ради все чини по своему рассуждению, как тебя бог наставит, и, ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на все, чево похотят, кроме шклавства*. И дай нам знать конечно сегодни, дабы свой дисператной** путь могли, с помощиею божиею, начать. Буде же подлинно с[к]лонность явитца к миру, а сегодни не могут скончать договора, то хотя б то сегодни сделать, чтоб косить за их транжаментом. В протчем словесна приказана.

Петр.

Из лагору, 11 д[ня] июля 1711”³²³.

Но это письмо повлиять на переговоры уже не могло: условия были согласованы.

Шафиров вернулся от турок после полудня³²⁴. Его возвращение описано в Статейном списке:

“В 11 день. Государственный подканцлер возвратился в армею царского величества и доносил его величеству словесно, что он по указу его величества о мирных кондициях везирию предлагал... И по многим де спорам везирским... договорили о миру постановить на последующих пунктах [Пробел для вписания условий Прутского мирного договора].

А особливо постановлено, чтоб быть с ним генерала-фельд-маршала сыну господину полковнику Астраханского полку [Михаилу Борисовичу Шереметеву]...

И по выслушании того... царское величество на те пункты соизволил и повелел ему, господину подканцлеру, в турецкой обоз ехать и те пункты заключить немедленно.

И по тому его величества изволению он, государственной подканцлер, в турецкой обоз поехал того ж числа.

* Рабства, т.е. сдачи в плен.

** Здесь — в отчаянии.

А потом прислан к нему и господин граф Шереметев, которой для лутчего почтения пожалован... в чин генерал-маеорства; которой також в турецкой обоз того ж числа пред вечером приехал”³²⁵.

Типольт писал, что Шафиров вернулся в русский лагерь в три часа дня. У Петра в это время были генералы Янус, Энсберг и Берхгольц, но они тотчас ушли при появлении Шафирова³²⁶. Однако, по сведениям Тальмана, в три часа Шафиров уже был у визиря. Поскольку М.Б. Шереметев приехал к туркам после отъезда Шафирова, “пред вечером”, вероятно, в русский лагерь Шафиров вернулся раньше трех часов.

Но вернемся в турецкий лагерь.

Несмотря на неудачу с янычарами, Понятовский продолжал попытки сорвать переговоры. Когда 11 июля Шафиров уехал в русский лагерь, чтобы сообщить Петру согласованные условия и получить его санкцию на заключение договора, Понятовский снова бросился к визирю. Тот заявил ему, что заключение мира дело уже решенное, и все его возражения бесполезны.

Понятовский продолжал настаивать. Тогда визирь, видимо, чтобы отделаться от него, пообещал не заключать договора, который бы не учитывал интересы шведского короля.

Возвращаемся к Статейному списку:

“Как он, господин подканцлер, приехал к турецкому транжаменту, то приняли его у оногo транжаментa янычарские офицеры и провожали до ставки везирской.

А как приехал близ везирской ставки, то стали по обе стороны конные чауши и шпаги [спаги], на одной стороне у всех были копы с прапоры [знаменами] лазоревыми, а з другой стороны с красными прапоры; которых людей было всех человек с четьреста или и болши.

А как подканцлер приезжал близ шатра везирского, то встретил его чауш-баша да кегая везирской пред шатром и таково проводили в шатер, в котором везирь сидел; в котором, вошед, он, подканцлер, сел на стуле, а везирь сидел по обычаю своему на подушках.

И как сидел подканцлер на стуле, то везирь по обыкновен-

ных поздравительных комплементов вопрошал господина подканцлера, с каким он ответом к нему возвратился и получил ли позволение от генерала-фельтмаршала на определенных пунктах заключить мир между царским величеством и салтановым величеством.

И подканцлер говорил, что хотя те пункты, которые от него, везиря, ему предложены, предосудительны его царского величества высокому интересу, однакож господин фельтмаршал, не желая напрасного человеческого крови пролития, на оные пункты соизволил, ведая государя своего, его царского величества, великодушие, и что его величество никогда не желал и не желает, чтоб была с Блистательною Портою продолжительная война, а хочет, дабы подданные обеих наций пребывали в тишине и покою; також, отважась в надежде на его величества к себе милость, приказал мирной договор на тех пунктах заключить и с ним, везирем, розменятьца...

И везирь сказал, что он прикажет трактат писать тотчас, и говорил, чтоб и он, подканцлер, також трактат с своей страны велел писать и теперь бы напредь послал в обоз российской со известием, что чрез божию помощь дело мирное, между ими определенное, уже к самому совершенству приходит...

И того ж числа ввечеру посылал подканцлер царскому величеству со известием о том генерального шквадрона ротмистра Артемья Волинского, что мирные трактаты уже пишут со обеих сторон набело, и надеетца рано на другой день розменятьца³²⁷.

Размен подписанными экземплярами договоров был назначен на полдень 12 июля.

Этим днем датировано и официальное полномочие Шафировова:

“Нынешнева 1711 году в трактавании с турками дана полная мочь господину Шафирову ради некоторой главной причины, которое дело ево не только с моей воли, но и всех, и суть истинна.

Петр.

В лагаре, в 12 д[ень] июля 1711³²⁸.

Снова обращаемся к Статейному списку:

“И во 12 день поутру по написании с обеих сторон мирных трактатов и по прочтении оных, согласно ли оные написаны, для которой справки присылан от везиря к подканцлеру секретарь везирской Умер-эфендий, позваны государственной подканцлер и генерал-майор граф Шереметев...

И как они, послы, в шатер к везирю вошли и на местах сели, то по некоторых любительных от везиря разговорах теми трактаты розменялись; которые писаны от страны его величества на российском языке с приложенною копиею италианского, а с турской стороны на турецком языке... И при тех подписях их приложены печати на красном сургуче, под которым припечатаны концы снурка, того, которым привязана копия италианская*”³²⁹.

Визирь как раз взял в руки перо, чтобы поставить свою подпись, как в шатер вошел Понятовский. Он попытался остановить визиря и напомнил ему его обещание, но в ответ услышал: “Когда вы кончите вашу ссору, вы заключите мир по вашему вкусу”.

Понятовский потребовал тогда хотя бы подождать несколько часов, надеясь на приезд Карла XII, но и в этом ему было отказано³³⁰.

“А потом, — говорится в Статейном списке, — паки от его царского величества присланы адъютанты Павел Ягушинской да Антон [Де]виер с словесным указом, чтоб оной договор скоряя окончать и розменятца.

Подканцлер размененной турской трактат царскому величеству послал от себя при помянутых присланных с ротмистром от шквадрона Артемьем Волинским, и с оными отпустил переводчика Остермана”³³¹.

Так закончилось сражение на Пруте.

Потери русской армии были подсчитаны после выхода войска из Молдавии.

* В то время итальянский язык был языком дипломатии на Ближнем Востоке, как французский в Европе.

“Во время нашего пребывания в лагери за Днестром в Подолии, — сообщает Моро, — его царское величество пожелал узнать в точности потерю, им понесенную в сей краткий, но трудный поход. Приказано было каждому бригадиру представить к следующему утру подробную опись своей бригаде, определив состояние оной в первый день вступления нашего в Молдавию и то, в котором находилась она в день отданного приказа”³³².

На основании этих сведений была составлена подробная ведомость о потерях, подписанная Шереметевым (извлечение из нее см. в Приложении, табл. 4, кроме потерь при штурме Браилова, о чем будет сказано ниже)³³³. Исправив ошибки в итогах, получаем: убитыми 571 человек, умершими от ран 160 человек, попавшими в плен и пропавшими без вести 725 человек (всего 1456 человек); ранено было 1334 человека, общий итог — 2790 человек.

Сюда нужно добавить потери в артиллерии, указанные в этой же ведомости отдельно: убито 23, пропало без вести 10, ранено 54 (итого 87) и неучтенный убитый генерал-майор Видман, что составляет 88 человек, всего — 2878 человек.

В Реляции о Прутском походе иная группировка потерь и некоторые данные не совпадают (Приложение, табл. 5), но разница несущественна — в Реляции итог меньше на 6 человек (с Видманом, неучтенным в Ведомости).

Как указано в Реляции, при взятии Браилова было убито 100 и ранено 300 человек (в подлинной реляции Ренне — убито 113 и ранено 417 человек; это неполные данные, так как не учтены потери Тверского полка).

В целом, русская армия во время этого похода потеряла убитыми и ранеными около 3 тыс. человек. Но это потери только в сражении, а следует учесть и потери от изнурения и болезней.

По сведениям Суттона “в сражении русские потеряли не более 800 человек, но от болезней умирало ежедневно от 30 до 400 человек”³³⁴. В другом месте он пишет, что “еще до встречи с турецкой армией они потеряли по словам одних 5000 человек, по словам других больше от голода и болезней, и много

лошадей из-за нехватки фуража или захваченных татарами, которые вертелись вокруг них и постоянно нападали на их фуражиров”³³⁵.

Расмус Эребо, переводчик Юста Юля, вместе с ним приехавший к Петру в армию, когда она вышла из Молдавии, отметил, что солдаты умирали с голоду³³⁶.

Тальман сообщал, что от голода умерло около 5000 человек и столько же лошадей³³⁷.

О потерях турок точных сведений нет.

Как сообщает Моро со слов турецких пашей, присланных в русский лагерь после заключения мира, турки “потеряли убитыми 8900 человек, между прочим, одного любимца их султана и множество офицеров”, но чуть дальше, с их же слов, он пишет о 8000 убитых и 8000 раненых³³⁸.

Суттон, приводит различные данные, которые ему удалось узнать. Первое известие он получил от самого кегаи, прибывшего в Стамбул с текстом Прутского мирного договора: “Они признают свои потери в целом в 7000 человек убитыми и 10 000 ранеными”. В одной из следующих депеш он пишет об атаках янычар вечером 9 июля: “Трижды они были отбиты, потеряв около 8000 человек”. Позднее он привел слова начальника янычар и его офицеров, которые в бою с русскими 9-го июля “потеряли, по их признанию, 7 или 8000 человек, не считая раненых”³³⁹.

Но Суттон сомневался в этих данных, потому что, как он писал в своем обобщенном отчете о сражении, “турки считают более почетным для себя изображать бой более значительным, сообщая о больших потерях с обеих сторон, но в действительности число убитых не превышало 2 или 3000 человек, из которых, как думают, русские потеряли 300 или 400, а остальные — турки”³⁴⁰.

Поскольку турки нападали на узком участке обороны русского лагеря, возможно, что и это число их убитых является завышенным.

В турецкой армии тоже были невоенные потери: Суттон сообщал, что “во время пребывания турок на Дунае среди войск свирепствовала дизентерия и ежедневно умирало 300 или 400 человек”³⁴¹.

Сразу после обнародования мира русская армия выступила в обратный путь.

“В час пополудни отоманы обнародовали мир, и почти в то же время фельдмаршал отдал приказ армии выступить в поход в шесть часов вечера, в новом боевом порядке, коего план роздан был всем генералам, дабы каждый из них занял свое место. Войско должно было выступить из лагеря с распущенными знаменами, с барабанным боем и с флейтами перед каждым полком. Не нужно было приказывать офицерам, у коих оставались еще экипажи, их облегчить: необходимость и так уж того требовала. Множество добра побросали в лагере, ибо лошади едва таскались, изнуренные и чуть живые... в 6 часов вечера, армия выступила в поход центром правого фланга. Четыре батальона, в нем находившиеся, составляли фронт под командою генерала барона Денсберга, генерал-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе. Прочие генералы следовали по старшинству; Адам Вейде и князь Голицын составляли арьергард, а солдаты несли рогатки, как и во время сражения. Армия, составляя батальон-карре, гордо прошла мимо турков, выстроенных в одну линию в долине по левую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево”³⁴².

Визирь прислал царю провиант: по данным Ла Мотрея — 4000 квинталов хлеба [квинтал — 100 фунтов], 2000 квинталов риса и 1000 ок кофе [ок — 3 фунта]; по данным Суттона — 1200 повозок с хлебом и рисом и 500 ок кофе³⁴³.

В турецкой реляции о походе сообщалось, что “войска врага получили продовольствие на 11 дней”³⁴⁴.

Понятовский писал Лецинскому, что царь вышел “из своего лагеря со всеми знаками почета, снабженный своими новыми друзьями всем, чего ему недоставало для пропитания своей расстроенной армии”³⁴⁵.

“Армия наша, — пишет Моро, — не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ели хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены; некоторые генералы имели при себе несколько кулей овса и кое-как поддерживали своих лошадей; остальные же кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось упо-

требить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет”³⁴⁶.

Суттон сообщал, что “их армия выступила в обратный путь... но из-за слабости солдаты могли идти только по 2 часа в день”³⁴⁷.

Один из корреспондентов принца Евгения Савойского со слов неизвестного шведа писал, что в русской армии, уходившей после Прутского сражения, солдаты не могли идти больше, чем два часа в день, и ежедневно умирало 400—500 человек³⁴⁸. Это, вероятно, преувеличение, но оно отражает впечатление современника.

Татары, нарушая мирный договор, непрерывно нападали на шедшую армию, принужденную отражать их наскоки. Шафиров писал Головкину 13 июля: “Сего часу присылал ко мне кега и проводывал чрез Николая Барку, что удивляется, для чего слышат пушечную стрельбу. И я сказал, что я о том не ведаю и сам удивляюсь, и чаю, что какое-нибудь есть — мню, разве от татар или от иных своевольных — нападение, и чтоб они то взбранили. [Они] также приказали, что посылают несколько войск своих конных с пашей не для чего иного, но токмо для унятия своевольства татарского, и чтоб я о том писал, дабы о посылке их войск не имели сумнения... Сего часа наскоро мне велели послать человека своего с ведомостью к вам, что посланы у них два везиря, Али-паша да Магамат-паша, и для того им перепуск [пропуск] посылаю”³⁴⁹.

Позднее в тот же день Шафиров сообщал Петру: “Куриер Кишкин приехал, и о чем ему наказано, объявил. И я посылаю о том говорить чрез кегаю везирю, чтоб татар унять. Сказали мне, что уже послали двух везирей с некоторыми войски, и от хана послан человек, чтоб самовольных унимать и казнить смертью. И с теми везирями, а именно, Али-пашею и Магмет-пашею, послал я подъячего Небогатого, с которым о всем к Гавриле Ивановичю [Головкину] пространно писал”³⁵⁰.

В турецкой реляции тоже названы два паши, но у одного из них другое имя. “Чтобы защищать русских от нападения татар, неохотно принявших соглашение, назначены два паши: диарбекирский по имени Али-паша и Кьюрд Баурам оглу Ибрагим-

паша с отрядом в 12 000 человек”³⁵¹. Численность отряда тут явно сильно завышена. Отметим, что в “Письмах и бумагах императора Петра Великого”, со ссылкой на письмо Шафирова от 13 июля, сказано, что турки прислали 1000 спагов “для унятия своевольства татарского”. Такая численность отряда кажется более правдоподобной.

Однако в помещенных в этом же издании двух письмах Шафирова от 13 июля, Головкину и Петру, численность посланного турецкого отряда не указана, а говорится только, что “посылают несколько войск” и “послали с некоторыми войски”³⁵².

Моро имен не называет, но сообщает, что приехали три паши, которые “сказали нам, что великий визирь послал их предложить его царскому величеству 2000 человек спаги для отогнания татар, нас преследующих”³⁵³. Это похоже на правду.

После подписания трактатов визирь призвал к себе Шафирова.

Уведомляя Петра в тот же день о состоявшейся между ними (визирем и Шафировым) беседе, Шафиров писал, что визирь “стал говорить: еще об одном де деле стану просить тебя, и потом стал говорить о примирении с шведским королем, чтоб я писал к вашему величеству для ево, чтоб с ним помирился, сожалея о нем, что с десять лет от своего государства своим безумием отлучен.

И я сказал, что он сам де тому виновен. Однакож, [визирь] просил и болше за него, чтоб помириться и договариваться, и я сказал, что указу не имею.

И он потом, отпустя меня, присылал ко мне дважды, прося, чтоб я писал и просил к завтрею указу и полной мочи.

И я говорил, что писать буду, только чаю трудность в том, что с царским величеством против короля шведского в общем союзе и король дацкой, и одному без другова мириться нельзя.

И он прислал опять ко мне, чтоб конечно просил я полной мочи и получил бы утре ответ. И я сказал, что буду просить, только не знаю, получу ли”³⁵⁴.

Визирь недаром нажимал на Шафирова — он предвидел бую. Действительно, через час после выступления русской армии в турецкий лагерь примчался Карл.

Визирь, предупрежденный о его приезде, выехал ему навстречу, но Карл, не останавливаясь, промчался к шатру визиря, соскочил с коня и вошел в шатер в сопровождении Понятовского и крымского хана.

Моро передает об этом следующий рассказ турецкого паши:

“Спустя час по отступлении армии нашей шведский король переехал через Прут на челноке, сделанном из выдолбленного пня, пустив лошадь свою вплавь, и сам-шест прискакал в лагерь великого визиря; [и] что король говорил ему [визирю] с удивительною гордостью”³⁵⁵.

Что именно сказал король, сообщает Суттон:

“Войдя в шатер и сев, Карл XII начал спорить с визирем, упрекая его за разрешение русским удалиться со своими пушками, боеприпасами, оружием и боевыми знаменами... а также за то, что он, визирь, вопреки повелениям и обещаниям султана, не включил требования его, короля, в условия мира, и спрашивал, что визирь ответит на это султану”³⁵⁶.

По словам паши, пишет Моро, король сказал, «что “если один из его генералов вздумал бы заключить таковой мир, то он отрубил бы ему голову, и что ему, визирю, должно то же самое ожидать от султана”, но на всю эту брань великий визирь отвечал только, что он имел от султана приказание и что он ничего не делал без согласия» присутствовавшего султанского министра и военного совета³⁵⁷.

Это подтверждает и Ла Мотрей. На упреки Карла, пишет он, визирь ответил, “что он уполномочен вести войну и заключить мир, и что он получил от царя больше, чем султан надеялся получить”³⁵⁸.

Ответ визиря, что он только выполнил приказ султана, подтверждает и секретарь Тальмана Флейшман в депеше от 3(14) сентября³⁵⁹.

Понятовский писал Лещинскому, что Карл потребовал от визиря 20 или 30 тысяч солдат, чтобы “привести обратно царя пленником и заключить с ним более выгодный мир для Порты и для нас и задержать его впредь до выполнения всех условий... [Но визирь] противопоставил этому предложению такие убогие

рассуждения, что его величество с неудовольствием покинул его”³⁶⁰.

Что же показалось Понятовскому “убогими рассуждениями”?

Во-первых, то что визирь сослался на свою веру: ислам требует щадить врагов, просящих пощады³⁶¹.

Курат, со ссылкой на участника похода Ахмеда бин Махмуда, на донесение Тальмана и слова стамбульского муфтия, обращенные к послу Дезальеру, указывает также, что турки решили вступить в переговоры, приняв во внимание, в частности, и то, что по исламу врага, просящего мира, не должно уничтожать³⁶².

Во-вторых, визирь спросил Карла: кто же будет править Россией, если царь попадет в плен?³⁶³ Вопрос визиря, непонятный нам, был непонятен и Карлу, и Понятовскому, и Вольтеру. Его разъяснил Ла Мотрей в своих “Замечаниях” на книгу Вольтера: в Турции преемник пленного султана не считал себя связанным договорами, которые тот заключил, и визирь, видимо, полагал, что в России такой же обычай³⁶⁴.

О том, как реагировал визирь на требование Карла дать ему солдат, говорится в одном из вариантов Поденной записки: визирь ответил, “что ты де их отведал, а и мы их видели, и буде хочешь, то атакуй их своими людьми”³⁶⁵.

Именно в это время Шафиров приписал к письму, уведомлявшему Петра о состоявшейся между ним, Шафировым, и визирем беседе: “Сего часу король шведской... и хан у везира на розговорах немалое время, только я мню, что ничего не сделают”. В другом письме к Петру, написанном позднее в тот же день, Шафиров писал, что говорил с визирем о Карле, и тот ему ответил, что они, турки, “желали б, дабы ево чорт взял”, потому что ныне “он только именем король, а ума ничего не имеет, и как самой скот”³⁶⁶. На следующий день в очередном письме к Петру Шафиров сообщил: “О шведском короле сегодня не поминали ничего, и я чаю, что на него плюнули”³⁶⁷.

Шафиров был прав: турки ничего не стали делать для Карла XII.

В беседе с Шафировым через неделю, 20 июля, визирь рассказал об этом приезде Карла XII подробнее.

“И он мне сказал, — сообщил Шафиров Головкину, — что он его, шведа, ставил напередь сего за умного человека, а как он его ныне видел, то признавает его за самого дурака и сумозбродного, яко скота, потому как он к нему присылал и потом и сам с ним видясь, говорил с великим сердцем и угрозами, чтоб он не делал с царским величеством миру бес того, чтоб [царь] и с ним обще помирился и все от него взятые города отдал.

И он [визирь] ему сказал, что ему до него дела нет, и мирился от своего государя, а его должен, как гостя, проводить безопасно, и тот проезд свободный ему уговорить.

И он [Карл] де ему с великою досадою и грубостию говорил, что на него салтану будет жаловатца и привести его во гнев салтанской.

И он [визирь] ему отвечал, что ево в том не боитца, потому что он сам взрос при салтане, а салтан ему болши поверит, и может ему сам скоряя беду навести”³⁶⁸.

Получив такой ответ, Карл в бешенстве, как писал А.С. Пушкин, “разорвал шпорою платье хладнокровного турки”, выбежал из шатра и умчался обратно в Бендеры³⁶⁹.

Заключение Прутского мира было встречено в Турции восторженно.

“Шесть дней сряду из всех оружейных мест и крепостей в городе [Стамбуле], за городом и около оною трижды ис пушек стрельба была, — писал голландский посол Кольер, — и между турков великое веселие оказано было... Первый императорский [султанский] спальник в готовности вскоре ехать з знатными подарки от салтана к везирию, к хану татарскому и к янычарам в полки”³⁷⁰.

В депешах Суттона от 25 июля и 24 августа об этой радости турок говорится неоднократно.

“Трудно сказать, что сильнее: их прошлый страх или теперешняя радость. Султан был чрезвычайно обрадован заключением мира”; поведение визиря “одобряется совершенно и во всех деталях султаном и всем народом, несмотря на все, что ставилось ему в вину, и несмотря на интриги шведского короля и хана”³⁷¹.

О радости турок в связи с заключением мира писали Шафиров и Шереметев 1 и 17 августа: “салтан принял мир зело при-

ятно и писал к везирию, похваляя его службу”; султан прислал “везирию и хану шубы и сабли и перья с алмазы”³⁷².

Петр встретил заключение мира без восторга, но с облегчением.

Сообщая о нем 15 июля адмиралу Ф.М. Апраксину, он писал:

“Не без печали есть лишитца сих мест, где столько труда и убытков положено, но, аднакож, чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть”³⁷³.

Под “другой стороной” Петр подразумевал военные действия против шведов.

“Письмо Петра Великого с берегов Прута”

В 1735 г. в Российскую Академию наук “для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей” был приглашен уроженец немецкого города Мейнингена Якоб фон Штелин (1712—1785). В 1738 г. он был назначен профессором “элоквенции [красноречия] и поэзии” и членом Академии наук.

Штелин придумывал оформление с аллегорическими изображениями траурных комнат и катафалков императриц Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, сочинял надгробные надписи, устраивал иллюминации и фейерверки на коронациях Елизаветы и Екатерины II, организовывал празднества в честь различных событий и юбилеев, слагал оды, словом, с честью носил звание “профессора аллегии”.

Когда он приехал в Россию, современники еще живо помнили легендарного императора. Штелин стал собирать рассказы о нем, не пытаясь отделить истину от вымысла, достоверное от слухов.

Эти рассказы были изданы в 1785 г. в Лейпциге на немецком языке под названием: “Original Anekdoten von Peter dem Grossen. Von Jacob von Stählin” (“Подлинные рассказы о Пет-

ре Великом. От Якоба фон Штелина”). В книге помещена рекомендация князя М.М. Щербатова, датированная 1780 г., в которой говорится, что “все эти анекдоты подтверждены свидетельскими показаниями очевидцев, от которых Штелин получил эти анекдоты. Подтверждение выражается в указании после рассказа, от кого Штелин его услышал³⁷⁴.”

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) был известным историком, экономистом и публицистом. Служил в армии, в 1762 г. вышел в отставку и поступил на гражданскую службу. Был членом Комиссии об Уложении законов 1767 г., Комиссии о коммерции, президентом Камер-коллегии (т.е. министром финансов), в 1779 г. стал сенатором. В 1768 г. Екатерина II назначила его хранителем “Кабинета”, т.е. архива и вещей Петра I. Он написал семитомную “Историю Российскую от древнейших времен”, доведенную до начала XVII в. (напечатана в 1770—1791 гг.) и издал “Журнал или Поденную записку... Петра Великого” (в 1770—1772).

Книга Штелина вызвала большой интерес в России, и уже в следующем, 1786 г., появились одновременно два перевода, изданные в Москве и Петербурге³⁷⁵. В том же, 1786 г., книга была переведена еще на французский язык и переиздана на немецком, а впоследствии неоднократно переиздавалась и на русском.

Среди других “анекдотов” было напечатано письмо Петра Сенату (в петербургском переводе 1786 г.):

“Сим извещаю вам, что я со всем своим войском без вины и погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четырехкратно сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и я без особливья божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкой плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну, и вы верныя известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники”³⁷⁶.

Обращения, подписи, даты и места написания в письме нет.

Перед текстом письма Штелин поместил рассказ о том, как Петр, попав с армией в окружение на берегу Прута, вызвал доверенного офицера и дал ему это письмо. Офицер ухитрился пробраться сквозь окружавшее русский лагерь турецко-татарское войско и через 9 дней доставил письмо сенаторам в Петербург.

“Подлинник внесенного здесь писма, — писал Штелин, — находится в кабинете Петра Великого, при Санкт-Петербургском Императорском Дворе, между многими другими своеручными писмами сего Монарха, и был многим знатным особам показыван от приставленного к сему кабинету надзирателя князь Михайлы Михайловича Щербатова”.

Под письмом Петра он указал, что “Известно сие от князя Михайлы Михайловича Щербатова, Камергера и Герольдмейстера Правительствующего Сената”³⁷⁷.

Письмо Петра перепечатывалось историками, а в 1830 г. было помещено в официальном издании “Полное собрание законов Российской империи”. Издатели снабдили его обращением “Господа Сенат” и датой 10 июля, но напечатали письмо не в тексте, а в подстрочном примечании с объяснением: “В тексте и под особым номером указ сей потому не помещается, что подлинного в рукописях императора Петра I не отыскано”³⁷⁸.

В Полном собрании законов и у некоторых историков текст письма отличается от текста у Штелина: вместо “в четырехкраты” напечатано: “в семькрат”.

Откуда взялась эта поправка?

Когда книга Штелина вышла в свет, среди других читателей письмо прочел и купец И.И. Голиков (1735—1801).

Это был особенный купец. Он был страстным почитателем Петра, прочел кучу сочинений о нем и, будучи богатым человеком, почерпнутые из них сведения издал в 1788—1789 гг. в двенадцати томах (“частях”) под названием: “Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам”, а потом добавил к ним еще “Дополнения к Деяниям...”

В третьей части “Деяний”, вышедшей в 1788 г., он поместил и письмо Петра с Прута³⁷⁹.

Но при этом он осмелился внести в него исправление и объяснил свою дерзость в подстрочном примечании: “В подлиннике стоит в четыре краты, но я поставил в семь крат, следуя Журналу; ибо письмо сие писано тогда, когда не было еще в точности известно число неприятелей”.

Действительно, в Журнале, т.е. Поденной записке, численность турецко-татарского войска, как об этом уже говорилось, со слов турок, указана Шафирову в 270 тыс. человек т.е. в семькрат больше численности русской армии, но это, как тоже говорилось, была неправда.

В XIX в. у историков возникли сомнения в подлинности письма, и завязалась полемика.

В 1832 г. Пушкин начал сбор материалов для “Истории Петра Великого”. Под 1711 г. он писал в своих заметках: “Штелин уверяет, что славное письмо в сенат хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но, к сожалению, анекдот кажется выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере, письмо не отыскано”³⁸⁰.

В 1859 г. известный историк петровской эпохи Н.Г. Устрялов впервые подверг рассказ, напечатанный Штелиным, источниковедческому анализу и обнаружил несообразности (например: Сенат в 1711 г. находился не в Петербурге, а в Москве, доехать до Москвы с берегов Прута за 9 дней было невозможно). На основании своих изысканий он выдвинул ряд доводов, ставящих под сомнение подлинность письма: “Из всего вышесказанного очевидно, что Петр Великий с берегов Прута к Сенату не писал, и знаменитое письмо его, упоминаемое после 1785 года всеми историками, есть ничто иное, как выдумка Штелина”³⁸¹.

В 1861 г. П.К. Щербальский указал, что содержание письма правдоподобно, но не стал утверждать, что оно подлинное³⁸².

С.М. Соловьев опроверг часть доводов Устрялова, но признал, что вопрос о подлинности письма не может считаться решенным, т.е. допустил возможность подделки³⁸³.

В 1875 г. Ф.А. Витберг поддержал мнение Устрялова³⁸⁴.

В 1876 г. Е.А. Белов попытался опровергнуть выводы Устрялова и Витберга, указав, что неправдоподобность истории о доставке письма еще не доказывает поддельность текста самого письма.

В 1962 г. Е.П. Подъяпольская изучила текст письма, рассмотрела доводы историков и пришла к выводу, что письмо все-таки подлинное³⁸⁵. По ее настоянию оно было включено в издание “Письма и бумаги императора Петра Великого” среди писем Петра, но по решению редакторов напечатано с подзаголовком: “письмо, приписываемое Петру I”³⁸⁶.

В опубликованной в 1975 г. биографии Петра I другой известный историк, Н.И. Павленко, назвав письмо завещанием, не стал решать вопрос о подлинности или подложности, а высказался осторожно: “Мы можем лишь ограничиться постановкой в известной мере риторического вопроса: мог ли написать (в точности не знаем — написал ли) такое завещание Петр... Ответ можно дать только утвердительный”.

В переизданной в 2003 г. биографии Петра Н.И. Павленко, изучив вопрос, пришел к выводу, что письмо подделано Штелиным. Однако новых фактов он не приводит и опирается только на логические рассуждения³⁸⁷.

Как видим, полемика продолжается. Попробуем и мы в свою очередь принять в ней участие.

На вопросы подлинное или подложное письмо, и, если подложное, то кто его подделал, могут быть такие ответы:

- письмо подлинное;
- письмо подделано Щербатовым;
- письмо подделано Штелиным с ведома и согласия Щербатова (а может быть, и с его помощью), поскольку Щербатов подтвердил его подлинность и стал, следовательно, участником подделки и сообщником Штелина.

Как указала Подъяпольская, «М.М. Щербатов... при жизни которого вышло несколько изданий “Анекдотов” Штелина на трех языках, не опроверг ссылки Штелина на свое имя и тем самым подтвердил свою причастность к анекдоту о Прутском походе»³⁸⁸. Более того, Щербатов не опроверг и сообщения

Штелина о том, что он, Щербатов, показывал подлинник письма “многим знатным особам”.

Чтобы легче было перейти к анализу доводов “за” и “против” подлинности письма, приведу несколько предварительных замечаний.

Первое. Наличие неточностей в рассказе о доставке письма, действительно, не доказывает, что письмо подделано. Выяснить, кто был автором рассказа, невозможно.

Второе. Соловьев считал, что подлинник мог быть уничтожен. Подъяпольская поддержала и развила его высказывание: «Побуждения к уничтожению подлинника могли быть, по мнению Соловьева, со стороны преемников Петра. Прибавим, что побуждения такого рода могли быть со стороны самого Петра, так как в письме от 10 июля говорилось о “страшной минуте” на берегах Прута, о которой Петр I не был заинтересован вспоминать».

Но и Соловьев, и Подъяпольская упустили из виду, что Щербатов, как писал Штелин, показывал “многим знатным особам” именно подлинник (и Щербатов этого не опроверг). Значит, ни Петр, ни его преемники в его исчезновении неповинны, и подлинник (если он вообще был) исчез уже после опубликования. Конечно, он мог быть отобран у Щербатова и уничтожен Екатериной II или, оставшись в его бумагах, мог затеряться после его смерти. А если его истребил сам Петр или его преемники до опубликования, то, значит, Щербатов показывал, а Штелин напечатал подделку.

Но все эти рассуждения ничего не доказывают: могло быть так, а могло быть и иначе. Отсутствие подлинника и копий письма и упоминаний о нем в делопроизводстве, переписке и воспоминаниях современников не является доказательством подложности письма: во-первых, до нас дошли далеко не все документы эпохи, во-вторых, если оно было, то было сугубо секретным. Но если Щербатов действительно показывал его, то почему никто не упомянул об этом?

Третье. Об авторстве Петра по языку, стилю и содержанию письма судить с уверенностью нельзя: в книге Штелина немецкий текст должен быть переводом с русского, затем при подго-

товке русских изданий были сделаны переводы с немецкого на русский язык.

По мнению Подъяпольской и Павленко, по стилю и описанию обстановки письмо могло быть написано Петром. Но в архиве имеется много писем Петра, по которым можно изучить его стиль, а Реляция о Прутском походе и Поденная записка, а также мемуары участников похода и его современников, как мы видели, ярко описавших обстановку, были опубликованы до издания книги Штелина.

Поэтому язык, стиль письма и описание обстановки при всей их схожести и правдоподобности не могут быть доказательствами, что оно подлинное.

Таким образом, решающее значение приобретают анализ содержания письма и выяснение цели его подделки.

Анализ содержания письма, как это было уже отмечено в литературе, ставит перед исследователем два вопроса. Во-первых, почему наследник престола царевич Алексей лишается права наследовать трон отца? Во-вторых, почему Петр повелевает избрать нового царя *только* Сенату и *только* из сенаторов?

Рассмотрим их.

Первый вопрос. Некоторые историки указывают, что Петр давно уже грозил лишить сына права наследовать престол. Еще в 1704 г. он говорил ему: если ты не захочешь делать того, что я делаю, то я не признаю тебя своим сыном. Хотя в 1711 г. отношения отца и сына не были открыто враждебными, в 1715 г. Петр опять высказал такую угрозу — значит, мысль эта могла у него быть и в 1711 г. Но это только предположение, основанное на возможности того, что это могло быть.

Е.П. Подъяпольская попыталась обосновать предположение об охлаждении Петра к Алексею тем, что в проекте брачного договора, составленного представителями невесты царевича, принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской (договор был заключен весной 1711 г.), говорилось, что она будет с царевичем вести “благословенное супружество и государствование”, но слово “государствование” Петр вычеркнул. Подъяпольская сделала вывод о том, что этим Петр «уменьшал шансы на “го-

сударствование” Алексея и его супруги», и сочла это доказательством охлаждения Петра к Алексею³⁸⁹.

Но слово “сударствование” означает “царствование”, следовательно, при жизни Петра царевич мог вести с Шарлоттой только “благословенное супружество”, так как “сударствование” вел еще сам Петр. Вполне понятно, по какой причине Петр вычеркнул это слово из брачного контракта.

И если Петр “охладел” к Алексею до такой степени, что перестал считать его своим наследником (хотя и пока скрывал это), зачем тогда он вообще хлопотал о его женитьбе, которая, особенно в случае появления наследника, укрепляла положение Алексея?

И если даже на Пруте Петр захотел отстранить царевича, то почему в письме прямо не сказано, что царевич лишается права наследовать престол? Ясно же было, что Алексей и его сторонники не будут спокойно смотреть на избрание нового царя, а борьба за престол в условиях войны со Швецией и Турцией ничего хорошего России не сулила. И Петр не мог этого не понимать.

По-моему мнению, неправдоподобным кажется то, что в таком письме Петр умолчал об отстранении Алексея.

Второй вопрос. Сенат был создан указом Петра от 22 февраля 1711 г. для решения текущих дел, ввиду того что царь месяцами отсутствовал в столице и, занятый важными военными и политическими делами, не мог уделять много внимания текущим делам внутреннего управления.

Сенаторами были назначены:

Н.П. Мельницкий — руководитель Военного приказа (военный министр);

Г.А. Племянников — руководитель Адмиралтейского приказа (морской министр);

В.А. Апухтин — генерал-квартирмейстер (начальник генерального штаба);

М.М. Самарин — генерал-цальмейстер (военный казначей);

граф И.А. Мусин-Пушкин — начальник Монастырского приказа (собирал доходы с монастырей);

князь П.А. Голицын — архангельский губернатор;

князь Г.И. Волконский — обер-комендант Ярославской провинции;

Т.Н. Стрешнев — родственник царя, бывший руководитель Разрядного приказа (прежний военный министр).

князь М.В. Долгорукий — “комнатный стольник” (адъютант для особых поручений).

Интересна судьба этих людей. Они все, кроме Мусина-Пушкина, который оставался сенатором во все царствование Петра³⁹⁰, перестали быть сенаторами.

Мельницкий — в 1712 г.;

Голицын — в 1713 г. (назначен рижским губернатором);

Племянников — в 1714 г.;

Апухтин — в 1715 г.;

Волконский — в 1715 г. (осужден за казнокрадство);

Долгорукий — в 1718 г. (обвинен по делу царевича Алексея, но в 1724 г. назначен сибирским губернатором);

Стрешнев умер в 1718 г.;

Самарин — в 1719 г. (назначен начальником Поместного приказа, ведал землевладением помещиков и вотчинников).

В.О. Ключевский подчеркивал, что сенат имел “распорядительный и наблюдательный характер учреждения без совещательного значения и законодательного авторитета”. “Петру, — писал он, — нужна была... простая государственная управа из немногих толковых дельцов, способных угадать волю, поймать неясную мысль царя, скрытую в лаконической шараде наскоро набросанного именного указа, разработать ее в понятное и исполнимое распоряжение и властно присмотреть за ее исполнением... Большинство сената составилось из дельцов далеко не первостепенной чиновной знати... Такие люди понимали военное хозяйство, важнейший предмет сенатского ведения... а украть могли наверное меньше Меншикова”³⁹¹.

В общем, состав сената был в известной степени случаен.

Почему же Петр ограничил круг кандидатов на престол и избирателей только этими, по выражению В.О. Ключевского, “дельцами далеко не первостепенной чиновной знати”?

Да и можно ли, зная характер Петра и его отношение к России, представить себе его устранивающимся от назначения своего

преемника и заранее дающим согласие на избрание царем всея России какого-то Племянникова, Самарина, Апухтина, Мельницкого? Неужели Петр не учитывал, как отнеслись бы к этому родственники династии? А представители других знатных родов? Неужели он не понимал, что это распоряжение неминуемо развяжет гражданскую войну?

И не мог Петр забыть, что в России есть опыт передачи престола: избрание царя всероссийским Земским собором — так были избраны Борис Годунов и прадед Петра, царь Михаил Федорович.

Поэтому такое его распоряжение, подобно умолчанию об отстранении Алексея, тоже невероятно.

Таким образом, содержание письма представляется мне совершенно не соответствующим характеру Петра, всегда сознававшего свою ответственность перед Богом за врученную ему судьбу России.

А теперь подумаем, кто мог подделать письмо?

Очевидно, что письмо мог подделать только тот, кто изучил язык и стиль Петра, был хорошо знаком с письмами Петра, документами по истории похода и мемуарами его участников и — главное — кому это было нужно в каких-то целях.

Подъяпольская считала, что ни Штелин, ни Щербатов подделать письмо не могли, поскольку “обоим, особенно Штелину, не под силу было сочинить письмо, полностью соответствующее исторической обстановке”.

Но почему же?

В распоряжении обоих были архивные документы, изданные “Журнал или Поденная записка” Петра, мемуары участников и современников похода (Понятовского, Ла Мотрея, Моро, Питера Брюса, Гордона), книга Вольтера о Карле XII и сочинения других авторов.

Четырехкратное превосходство турок видно из сравнения численности сторон в Реляции, опубликованной в петровских “Ведомостях”, а что русская армия была окружена, видно из записок иностранных участников похода, например, того же Моро (“турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукру-

жем”³⁹². Ясно, что такое окружение пресекло подвоз провианта, а превосходство противника в численности сделало возможным поражение и плен царя и армии.

Почему же, располагая этими данными и описаниями, описать обстановку на Пруте было “не под силу” ни Штелину, ни Щербатову? Оба были высокообразованными людьми, оба привыкли работать с документами, оба без затруднений излагали свои мысли на бумаге. Конечно, Щербатов, разбиравший бумаги Петра, гораздо лучше Штелина был знаком с его стилем и манерой изложения и с обстановкой на Пруте. Но все же оба они вполне могли подделать письмо.

Правда, Павленко полагает, что Щербатов не мог подделать письмо, потому что он имел профессиональную подготовку историка, для пера которого данная подделка была бы слишком грубой. “Грубость” подделки Павленко видит в том, что распоряжение Петра Сенату не считается с его письмами из плена, если он в нем окажется, и избрать нового царя из своего состава в случае его смерти, неправдоподобно.

Но именно Щербатов выдавал это письмо за подлинное письмо царя. Если он знал, что это подделка Штелина, почему же он не поправил ее и не сделал правдоподобной? А раз он этого не сделал, значит, считал письмо правдоподобным и, следовательно, мог его сам подделать.

Кому же из них это было выгодно?

Павленко считает, что письмо подделал Штелин, который, хотя и “непосредственных выгод... не извлекал... мог просто находить удовольствие в изготовлении легенд”.

Допустим, что он находил удовольствие. Может быть, это была мечта всей его жизни: опубликовать подделку царского письма и втайне упиваться удивлением окружающих, которых не могло не поразить содержание письма.

Понятно и почему он заручился заявлением Щербатова о том, что не он сам, а Щербатов нашел письмо: во-первых, неконтролируемый доступ к бумагам Петра имел Щербатов, а не он, во-вторых, одно дело — подделать литературное произведение, например, произведение какого-нибудь древнего книжника, и совсем другое — подделать письмо царя, да еще с полити-

ческим содержанием, которое уж точно никак не могло понравиться Екатерине II, отнявшей трон у законного наследника и не спросившей согласия Сената.

Но не слишком ли было опасно для простого профессора аллегории подделывать политический документ, направленный против императрицы? Неужели “удовольствие в изготовлении легенд” было настолько сильным, что перевесило опасение разоблачения и последующего розыска? Где гарантия, что Екатерина не велела бы произвести розыск: как он попал в царский архив? Зачем рылся в царских бумагах? Ведь в то время от пыток не спасало даже мгновенное чистосердечное признание — следователям надо было убедиться в его правдивости. Неужели Штелин этого не понимал?

Невозможно поверить, что Штелин, проживший уже пятьдесят (!) лет в России, решился бы на такой поступок.

А вот для Щербатова содержание письма имело важное политическое значение, тем более, что уличить его в подделке практически было невозможно: по велению императрицы приводил в порядок архив царя-преобразователя и нашел письмо. Да и отношение к родовитому князю не то, что к безродному чужеземцу-наемнику.

В чем заключается главная идея письма?

Доказать, что Петр, якобы, придавал Сенату огромное значение: из письма следует, что только Сенат, как высшая инстанция в государстве, может решать, кто займет престол, и, более того, может даже выбрать царя из своего состава.

А кому нужно было так поднимать значение Сената?

При Екатерине II это было нужно части знати, у которой возникали проекты ограничения прав монарха в пользу Сената. К ней принадлежал и Щербатов. Он весьма неодобрительно относился к безудержной роскоши царского двора и к увлечению царицы фаворитами, которые приобретали решающее влияние на государственные дела.

В этой обстановке письмо легендарного преобразователя России, прямой преемницей которого по духу считала себя Екатерина II, письмо, в котором самим Петром Великим указывалось на исключительное положение Сената в государстве, могло

иметь немалое значение. Такое письмо Петра могло рассматриваться Щербатовым и его единомышленниками как веский аргумент в пользу расширения прав Сената. Именно этим объясняется умолчание в письме о царевиче Алексее и других возможных кандидатах вне Сената.

Как сказали бы мы теперь, письмо могло послужить неплохим орудием агитации. Щербатов именно так и использовал его: сначала показывал “многим знатным особам”, затем напечатал в книге Штелина.

И это мне кажется гораздо более веской причиной, которая могла побудить именно Щербатова подделать письмо, чем абсолютно ничем не доказанное желание Штелина получить удовольствие от подделки.

Правда, по мнению Подъяпольской, “князь Щербатов вряд ли позволил бы себе подлог царского письма”.

Но я думаю, что поскольку письмо не давало ему никакой личной выгоды, он мог решиться на эту подделку, считая ее в интересах Отечества. А вот верноподданный Штелин вполне мог бы счесть это “оскорблением величества” и убояться связанного с этим риска.

Все это, конечно, только логические рассуждения.

Но есть еще одно обстоятельство, до сих пор незамеченное историками.

В 1790 г. после короткой русско-шведской войны был заключен мир. Он был ознаменован торжеством в Петербурге, на котором обер-прокурор Сената произнес речь. Щербатов остался ею недоволен и написал на нее “Ответ гражданина на речь, говоренную е[е] и[мператорского] в[еличества] обер-прокурором Сената Неклюдовым, по причине торжества шведского мира, 1790 сентября 5 числа”. Этот “Ответ” не был опубликован при жизни Щербатова (он умер в том же году), но впоследствии найден в его бумагах и напечатан в 1860 г.

В нем Щербатов после ряда критических замечаний пишет:

“Наконец, воспоминаешь ты несчастный случай Петра Великого... что Граф Румянцов заключил Кайнаржинский мир в тот самый день, когда был Прутской заключен... История, верная вещательница бывших приключений, не может оправдать,

чтоб Петр Великий не учинил в сем случае ошибку. Но воззрим, каков он был в ошибке сей. Он хотел с храбрыми и усердными своими войсками пробиваться сквозь врагов, и [будучи] лишь убежден прозьбами его подданных, ради опасности, которой подвергается, согласился вступить в договоры. Не утверждаю я напечатанного его письма в Анекдотах, которое, по крайней мере, вид истины имеет; геройский его дух, являющий, что не для себя, но для отечества воюет, учинил ему предписать своему Сенату, дабы, в случае нещастия, плен его никакого вреда России не причинил, избрать в Российские Монархи кого изреди себя”³⁹³.

Что означают слова “Не утверждаю я напечатанного его письма в Анекдотах, которое, по крайней мере, вид истины имеет”?

Они могут означать только то, что хотя письмо выглядит подлинным (“вид истины имеет”), Щербатов не утверждает, что оно подлинное, т.е. допускает, что оно может быть выдуманым.

Но ведь сам же Щербатов, как писал Штелин, показывал это письмо “многим знатным особам” и дал его для опубликования именно как подлинное письмо Петра, хранящееся в его Кабинете, в его бумагах. И Щербатов не опроверг этих сведений.

Конечно, он мог сделать такую оговорку из осторожности, понимая, что письмо неприятно Екатерине, но можно было бы и вообще не упоминать о нем.

Так когда же Щербатов лгал: в 1780 г., выдавая письмо за подлинное, или в 1790 г., высказывая сомнение в его подлинности? Да и правду ли он говорил Штелину, что показывал это письмо “знатным особам”? Да еще “многим”? И не опасался гнева Екатерины? В опубликованных мемуарах современников и донесениях дипломатов об этом упоминаний нет, а предполагаемое письмо Петра — сенсация. Книгу Штелина “знатные особы” могли не прочесть — многих ли из них интересовали байки о Петре?

На мой взгляд, письмо все же поддельное, и подделал его сам Щербатов. Но он либо не показывал его никому, либо показал немногим под строгим секретом, и к 1790 г., когда неко-

торый либерализм Екатерины исчез под влиянием Великой Французской революции (это видно на примере ее гнева против Радищева), стал опасаться ее возможной реакции на письмо, и в “Ответе” проявил осторожность.

Пока не выяснено, обнаружил его Щербатов или нет. В этом же году он умер, так что, скорее всего, “Ответ” остался неизвестен современникам. А “письмо Петра Великого с Прута” вошло в научный оборот: в 1793 г. в Петербурге О.П. Беляев издал толстую книгу: “Кабинет Петра Великого” — описание вещей Кабинета, и в ней перепечатал “письмо с Прута”, взяв текст у Голикова и сопроводив его восторженной похвалой императору.

Что же касается рассказа о доставке, то ошибки бывают и у профессиональных историков.

А может быть, они были допущены намеренно? Чтобы, в случае чего, сослаться на них в доказательство того, что письмо, как и рассказ, тоже просто байка?

Взятие Браилова, появление варианта Прутского мирного договора и легенда о подкупе великого визиря и драгоценностях Екатерины

Отряд генерала К.-Э. Ренне был сформирован приказом Шереметева, о чем сохранилась следующая запись:

“Ведение, что с генералом Реном отправлено.

Брегадир [Л.С.] Чириков яко генерал-маиор. Брегадир [Г.И.] Кропотов.

Полки: 1. Гранадерской Рожнова. 2. Московской. 3. Володимерской. 4. Псковской. 5. Сибирской. 6. Тверской. 7. Нижегородской. 8. Рязанской. Ингермоландской баталион.

Пушек: двуфунтовых — 3, трехфунтовых — 4, итого — 7, с надлежащими припасы, и при них штык-юнкер и прочие служители.

Генерал-фельдмаршал Шереметев”³⁹⁴.

О численности отряда Ренне данные противоречивы: Ренне в своей реляции (включенной в Реляцию о Прутском походе) указал драгун 5,6 тыс. человек, а в “Гистории свейской войны” говорится о количестве 6,6 тыс. человек³⁹⁵.

Попробуем сами подсчитать численность отряда.

Напомним, что семь полков — Гренадерский Рожнова, Владимирский, Московский, Нижегородский, Рязанский, Сибирский и Тверской — были взяты из дивизии генерала Януса.

Посмотрим, сколько человек было 23 июня, за неделю до отправки отряда Ренне, в 7 полках из дивизии генерала Януса без “оставшихся в лагере больных и раненых” и без оставшихся при главной армии “худоконных и пеших”³⁹⁶.

Гренадерский полк Рожнова — 723 человека;

Сибирский полк — 554 человека;

Тверской полк — 603 человека;

Рязанский полк — 639 человек;

Владимирский полк 657 человек;

Московский полк — 571 человек;

Нижегородский полк — 621 человек;

Псковский полк — [600] человек;

Ингерманландский батальон — 297 человек.

Численность Псковского драгунского полка не указана, но можно предположить, что примерно она была равна численности других полков, т.е. около 500—700 человек (у нас — 600 человек). Кроме того, был конный батальон гвардейского Ингерманландского полка (297 человек.). Всего получается около 5,3 тыс. человек, поэтому можно считать, что Ренне указал достоверную цифру.

Да еще было 5 тыс. молдаван (“волохов”) и румын (“валахов”, “мультян”).

Отделившись от главной армии 30 июня возле Ясс, Ренне прошел Фокшаны и достиг “монастыря Максимиана” (Мэксинени) на р. Серете. Здесь он получил известие, что турки спешно укрепляют Браилов, и что гарнизон крепости, которым командовал Дауд-паша, насчитывает 3 тыс. человек.

В различных источниках штурм Браилова датируется разны-

ми днями: от 7(18) до 14(25) июля 1711 г. Ряд историков полагают, что Браилов был взят до заключения мира, и что потеря его оказала смягчающее влияние на условия, выдвинутые турками.

Как это ни удивительно, но большинство исследователей не обратило внимания на то, что в Реляцию о Прутском походе, которая была опубликована еще в “Ведомостях” Петра в том же 1711 г. и неоднократно перепечатывалась, был включен сокращенный текст реляции Ренне Шереметеву с указанием даты взятия Браилова³⁹⁷.

“Реляция о атаке Браилской.

Получена ведомость в монастыре Максимине, что неприятель во Браиле в силе военных людей 3000 человек начал около замку транжемент чинить*. Тогда, оставя тягости в помянутом монастыре, со определенным деташаментом** маршировать начали с 11 числа июля чрез ночь.

И по 11 часе 12 числа ко Ибраилю пришли, и войско в ордер баталии построили, и партиями нерегулярные бились.

Потом полковнику Рожнову дан указ, дабы с полком гранодирским, спешась, форштат[ом]^{***} с правой стороны овладеть и посты своя утвердить. И с ним полк Сибирской конницею для отрезыванья от Дуная. И оной по тому указу исполнил.

Тогда неприятель в транжамент, учиненной около замку, вступил и вяще ко отпору себя укрепил.

И господин генерал Рен около транжементу и замку рекогносковал**** и за благо усмотрел оной атаковать и неприятеля выгнать и от реки Дуная отрезать, ибо по ведомости в замку воды не было.

И 13-го числа команды к помянутой атаке учредили и в 10 часу в ночи действовать начали.

Но неприятель в знатном числе людей и при доброй дефензии***** в транжаменте зело крепко себя дефендовал, что бой чрез всю ночь продолжался.

* Укрепление сооружать.

** Отрядом. Имеется в виду весь отряд Ренне.

*** Предместьем.

**** Осмотрел (от слова “рекогносцировка”, т.е. визуальная разведка).

***** Защите.

И потом учрежденные команды по указу от своих постов, при помощи божией, мужественно действовали.

Протчия драгунские полки, а имянно: Владимирской, Псковской, Нижегородской, Сибирской, Тверской от лагерю к форштату приступили, и господин генерал Рен, где с кумандою подполковник Чириков атакавал, своею особою с Тверским полком приступил и в транжемент с помянутою камандою подполковника Чирикова вступил и неприятеля в побег обратил. И что наши яростно поступили, унял и вывел за транжемент, которые имели закрытие без повреждения.

Московской, Резанской полки имели свой пост на сикурсе* от Дунаю, где атакавал подполковник Соловцов под камандою брегадира Чирикова, которой командирован за генерал-маеора.

Потом паша 14-го числа чрез трактат замок отдал на таких кондициях, что им без оружия и пожитков выступить. И по тому договору оные турки так и учинили...

С нашей стороны в той акции было: драгун 5600 человек, и из них побито 100 человек, ранено 300 человек.

С турецкой стороны, как паша сам генералу Рену объявил, побито 800 человек и ранено несколько сот"³⁹⁸.

В подлиннике реляции Ренне, как упоминалось выше, указано убитыми 113 и ранеными 417 человек, но эти цифры неполны, т.к. отсутствуют потери Тверского полка, принимавшего активное участие в штурме.

16 июля, когда турецкий гарнизон покинул крепость, Ренне получил следующее письмо Петра:

“Нам вернoлюбeзный.

Понеже мы, не допуская до дальнего кровoпролития между войски нашими и турецкими, согласились чрез сиятельнейшего везира Мегмет-пашу с его салтанским величеством вечный мир учинить, и вы с войски команды вашей отступите назад удобным путем и соединитесь з главным нашим корпусом, проводывая, где удобнее.

* Сикурс — помощь; здесь — участок, где наносился вспомогательный удар.

И будучи в марше, никаких неприятельских поступков вам не чинить.

Петр.

Из обозу от Прута, июля 12-го 1711”³⁹⁹.

Шафиров в письме Головкину от 13 июля сообщал:

“Потом говорил ему [секретарю визиря] о Рене, чтоб к нему послать мне с указом царского величества офицера, к которому бы и они придали мне знатного человека, чтоб он мог свободно пройтись ко границе без всякого препятая.

И он принес ко мне отповедь, что послать везирь велел туда с нашим офицером одного пашу, только б мне претписать, чтоб он всех полоняников отпустил, о чем я к нему писал, и посылаем то письмо”⁴⁰⁰.

Возвратившись в монастырь, Ренне 19 июля послал Петру донесение о своих действиях:

“Всемилодивейший государь.

Вашего царского величества указ о сочинении миру с салтанским величеством турским, под Браилем, писанной из обозу 12, получили 16 числа июля, и по тому указу оружие ваше удержано.

А прежде получения помянутого указу под Ибраиль пришли и форштат отоковали 12 числа, замок штурмовали 13 числа, на окорд* помянутой замок получили 14 с таким договором, что Дауд-паша со всеми людми, кроме ево персоны, имеет без оружия, и экипажу вруча, выступить. И по договору оные турки так и учинили.

И 17 числа при отступлении от помянутого Браила паки паша Дауд призван, и оной город им вруча с пушками и что во оном было.

А во время атаки лошадей и скотину мультаня [и] волохи мои побрали, и некоторая часть и в нашем войске, которое сыскать возможно. И ежели будут требовать, возвратим, кроме тех, что волохи и мультане побрали.

Ныне прислан ко мне паша от везиря для безопасного кон-

* То есть по договору.

вою, с которым по возможной скорости следовать буду на Ясы и потом сообщатися к главной армии.

Притом доношу. Не повелите ль полномочным камисаром, учрежденным вашего величества, определить: ежели в вышеупомянутом [взятии Браилова], по обычаю военном[у] учиненному, будут какую претендию иметь, дабы в том могли ответствовать, что от меня оное учинено прежде получения указа и ведения о мире.

Вашего величества всеподданейший раб Carl E. Rönne.
Из монастыря Максимиана, дня 19 июля 1711”⁴⁰¹.

Как видно из текста, Ренне получил сообщение Петра о заключенном мире 16-го июля, еще находясь в Браилове. Ответ он написал 19-го июля, вернувшись к своему обозу в монастырь Максимин.

Петр получил это донесение 25 июля и ответил ему благодарственным письмом:

“Письмо ваше я получил и за доброй ваш поступок благодарствую. А итить вам надлежит левее Яс (понеже около оных зело пусто) прямо на Жванец”⁴⁰².

Таким образом, первым донесением Ренне о взятии Браилова является именно письмо от 19-го июля.

Это подтверждается письмом Ренне Головкину от 26 июля:

“Грамота его царского величества о сочинении вечного миру с салтаном турецким, писанная ко мне в обозе июля 12-го, получена под Браилем 16-го дня.

И по тому указу оружие его царского величества противу турков удержано и никаких гостилитет* не чинено.

А что прежде ведомости о мире и получения указа чинено, тому при сем с прежнего моего до его царского величества доношения дубликат сообщаетца, ис которого изволит ваше сиятельство пространно выразуметь.

Паша, присланной для конвою, у меня был против монастыря Максимиана... Писал до везиря помянутой паша, дабы учиненной над Ибраилем убыток был возвращен, что противу обычая всего свету, понеже прежде получения миру оное учинено.

* Неприятельских действий (буквально: жестокостей).

Но небезопасен я, дабы неистинную претянзию в том чинить не стали”⁴⁰³.

На это опасение Головкин ответил Ренне в письме от 31 июля: “Что же изволите напоминать, что паша браильской хочет претендовать возвращения убытку, тому городу учиненного, и о том не изволте, ваша милость, иметь сумнения, ибо то учинено было до мирного с турки постановления”⁴⁰⁴.

Из монастыря Ренне выступил в обратный путь и шел вдоль Серета, а 11 августа переправился через Днестр, как и было ему предписано, у Жванца.

Петр высоко оценил его действия, наградив высшим русским орденом св. Андрея Первозванного. Бригадир Чириков был произведен в генерал-майоры и получил ответственный пост оберштеркригскомиссара.

Таким образом, взятие Браилова произошло 14 июля, спустя два дня после подписания Прутского мирного договора. Донесение Ренне не было перехвачено турками, как думали некоторые историки. Но даже если бы оно было перехвачено, то все равно визирь получил бы его только через несколько дней после подписания договора.

Поэтому взятие Браилова не могло быть одной из причин согласия турок заключить мир и не могло оказать никакого влияния на его условия.

Однако сам рейд отряда Ренне в турецкий тыл, несомненно, внушил туркам опасение и мог оказать влияние на их решение вступить в переговоры и на их позицию при обсуждении условий мира.

Текст Прутского мирного договора опубликован в двух вариантах.

Преамбула одинакова в обоих:

“Божиею милостию пресветлейшего и державнейшего великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеоссийского самодержца, и прочая, и прочая, и прочая.

Мы, нижеименованные полномочные, объявляем чрез сие, что мы по указу нашего всемилостивейшего царя и государя и по данной полной мочи постановили пресветлейшего и державней-

шего великого государя салтана Ахмета-хана с сиятельнейшим великим везирем Магмет-пашею по учинившейся между обоими государствами ссоре последующий договор о вечном мире”.

Сравним оба варианта, взяв за основу подлинный текст, подписанный на Пруте, и отметим изменения курсивом⁴⁰⁵.

Основной текст

“1. Понеже первой мир у его царского величества с его салтановым величеством разорвался, и оба войска между собою для бою сошлись, и потом его царское величество ради некоторых причин не хотя допустить до кровопролития, требовал паки с его салтановым величеством сочинить вечной мир, на которой его сиятельство крайней везирь соизволил.

И тако обещает его царское величество по силе сего трактату Азов с принадлежащими ко оному крепостми отдать паки во владение салтанову величеству в таком состоянии, в каком оной из его величества владения взята.

Новопостроенные же города Таганрог, Каменной Затон и на устье Самары новой город паки разорены и впредь с обеих стран пус-

Исправленный текст

“1. Понеже первой мир у его царского величества с его салтановым величеством разорвался, и оба войска между собою *в бой вступили, и потом, не допуская крайнего розлития крове человеческой, требовано паки мир учинить, на которой соглашеность, чтоб вечной мир учинить на сем: дабы туркам завоеванные их города отдать, а новопостроенные разорить, а с обеих сторон пусты да будут.*

Всю же алтиллерию, аммуницию и прочее вывезено в сторону ц[арского] в[еличества] да будет, только пушки, обретающиеся в Каменном Затоне, уступить в сторону турецкую”.

ты и без поселения оставлены быть имеют, а пушки, обретающиеся в Каменном Затоне, обещаются отдать его салтанову величеству с аммунициею”.

“2. В польские дела его царское величество мешаться, також и их, казаков и запорожцев, под их область принадлежащих и у хана крымского сущих, обеспокоивать и в них вступатца не изволит и от стороны их руку отъимает”.

“3. Купцам, как царского величества подданным в Турское государство, так и салтанова величества подданным в Российское государство сухим путем приезжать и отъезжать и торговать свободу иметь.

А послу царского величества впредь в Цареграде не резидовать”.

Четвертая и пятая статьи остались без изменений:

“4. Понеже король свейской под защищение его салтанского величества пришел, того ради его царское величество для любви его салтанова величества оною свободно и безопасно до его земель пропустить соизволяет, и ежели между ими соглашеность и соизволено быть может, то с ним и мир учинит.

5. Дабы впредь на обе стороны как российским, так и турским подданным никаких обид и убытков ни от кого учинено по сим пунктам не было”.

“2. В полские дела с обеих сторон не мешаться, також и их подданных ничем присвоять ни их, ни земель их”.

“3. Купцам, как царского величества подданным в Турское государство, так и салтанова величества подданным в Российское государство сухим путем приезжать и отъезжать и торговать свободу иметь”.

“6. По сим пунктам все прежние неприятельские поступки забвению да предадутся.

И по розменении сих пактов, о котором разменении мы полную мочь имеем, войско царского величества без всякого помешательства свободно прямо в свое государство итить имеет, и оному войска его салтанова величества и татары не имеют никакого препятия и неприятельства в том походе чинить.

А когда мирные подтвержения разменятца и по вышереченным пунктам все с стороны царского величества исполнится, и тогда государственной подканцлер барон Петр Шафиров и генерал Михайло Шереметев, которые для уверения до совершения того имеют быть в стороне салтанова величества, паки к его царскому величеству свободно ехать могут”.

“6. По сим пунктам все прежние неприятельские поступки забвению да предадутся.

И по разменению сих пунктов, о котором разменении мы полную мочь имеем, войска *оба без помешательства друг друга да отойдут, и ни от кого в пути друг другу досады имети да не будут”*.

Седьмая статья без изменений:

“7. Турские невольники, сколько оных в государстве его царского величества и здесь в обозе обретаются, сво[бо]ждены быть имеют. Против того ж и в стороне салтанова величества все после разорвания прежнего мира российские подданные освобожжены будут”.

В чем заключается смысл изменений?

В первой статье указание на то, что предложение начать мирные переговоры исходило от русских, и слова, что царь обещает сделать то-то и то-то, заменены нейтральными оборотами: “требовано мир учинить” и “соглашенось на то-то и то-то”.

Во второй статье говорится об обязательстве России не вмешиваться в дела Польши. Формулировка изменена так, что обязательство получилось обоюдным.

В третьей статье исключено унижительное для России задержание иметь посла в Турции, что означало требование сноситься с султаном только через посредство его вассала крымского хана.

В шестой статье исключено унижительное условие об оставлении в Турции послов Шафирова и Шереметева заложниками до выполнения условий мирного договора.

В общем, из текста договора исключены унижительные для престижа России условия и смягчены формулировки.

Понятно, что изменить текст договора мог только сам Петр. И действительно, мне удалось обнаружить копию договора с его собственноручными исправлениями⁴⁰⁶.

Но для чего он исправлял текст?

Это тоже удалось установить — на одной из копий исправленного текста оказалась помета: “Сей трактат не подлинной, но для приобщения переправлен”⁴⁰⁷.

Следовательно, переделанный Петром текст, из которого были исключены унижительные для России и для него лично условия и формулировки, предназначался для правительств западноевропейских держав.

Действительно, в сборнике дипломатических документов, вышедшем в свет в 1731 г., помещен именно этот текст, переве-

денный на латинский язык, с примечанием, что эта копия, “как говорят”, была передана русским послом голландскому правительству⁴⁰⁸.

Копия договора, в которую Петр вносил поправки, имеет заголовок: “Трактат, данной с российской стороны. Черной” и помету: “С сего послана копия в секретную экспедицию июня 17 дня 1736 года”⁴⁰⁹.

Вероятно, когда в 1736 г. понадобился текст Прутского мирного договора, этот документ с собственноручными поправками Петра сочли черновиком подлинного договора. Это, видимо, ввело в заблуждение и составителей “Полного собрания законов”, опубликовавших его как текст подлинного договора, но из осторожности поместивших после него русский перевод подлинника, написанного на турецком языке⁴¹⁰.

Расхождение в текстах было отмечено уже современниками. Так, французский посол в России Балюз в депеше от 31 августа (11 сентября) писал: “...многие лица показывали копии с мирного трактата, говоря, что получили их из царской канцелярии, но эти списки не были вполне согласны между собой”⁴¹¹.

Обратимся теперь к версии о подкупе визиря и об участии в этом Екатерины.

Отметим прежде всего три обстоятельства: невыполнение Карлом XII обещания оказать туркам военную помощь, нежелание рядовых турецких солдат воевать и опасение турок, что поработенные Турцией балканские народы восстанут.

Начиная войну, турки рассчитывали на помощь шведского корпуса, стоявшего в Померании (северной Германии). Они придавали этому столь большое значение, что в требованиях, о которых писал Моро, был ряд пунктов в пользу шведов:

“Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Августом, и признать Станислава королем Польским;

возвратить всю Лифляндию и вообще все, завоеванное русскими, шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания;

заключить наступательный и оборонительный союз с коро-

лями Карлом и Станиславом против Августа и выступить против него, если он возобновит притязания свои на польский престол, им уступленный Станиславу Лещинскому;

возвратить натурой, или иначе, все, что король шведский потерял через Полтавское сражение”.

Правда, турки, обещая учесть шведские интересы, ограничивались словесными уверениями и не давали письменных обязательств.

Шведам не удалось пополнить свой малочисленный померанский корпус, и они не рискнули прорываться сквозь заслонившие им путь русские войска. Как писал впоследствии генерал Аларт, “Станиславу [Лещинскому] с шведскими войсками из Померании в Польшу выход был возбранен, в чем они [турки] на короля шведского немалую досаду возымели”⁴¹². В отношениях турок и Карла наметилось охлаждение.

Шафиров в ходе переговоров писал, что секретарь визиря “спрашивал меня, будто из себя, за секрет, ведаю ли я, будет ли сорок тысяч или болши у короля шведского в Померании войск, как шведы сказывают, на что я ему со утверждением сказал, что болши 12 или 14 тысяч отнюдь не будет, что он со удивлением принял и сказал, что швецкой де король походил на безумного”⁴¹³.

Ходили слухи о том, что Карл посулил янычарам плату и тоже обманул.

Например, в письме генерала Вейде к Меншикову, написанном в апреле или начале мая 1711 г. (письмо без даты, но время написания определяется по содержанию), говорилось, что в Турции “в народе... короля свейского вельми не любят и мало его не уходили* с причины, что янычарам на сию войну платы не дал”⁴¹⁴.

К нарушению королевских обещаний добавилась и личная неприязнь между визирем и Карлом.

Передавали, что Карл потребовал командования над турецкой армией. Ему, естественно, вежливо отказали, но пригласили сопровождать визиря в походе. Карл отверг это предложение и

* Убили.

прислал вместо себя своего представителя — генерала Спарре, а также представителя Лещинского — генерала Понятовского. Тогда обиделся визирь и, по словам Понятовского, сказал хану, что он, визирь, был уверен, что шведский король, “этот надменный нечестивец”, никогда не окажет туркам такой чести — лично их сопровождать⁴¹⁵.

Лука Барка в письме от 22 июня 1711 г. писал из Стамбула: “Султан... ни в чем не доверяет шведам и кается зело, что поверил доношениям хана крымского, которого вси нежелающие войны бранят, говоря, что он склонял на то султана не для интересу империя, но для приватной своей прибыли...”

И хотя турки уверились обещаниям полским, однакож зело удивляются, что швецкое войско умедлило вступить в Польшу до сей поры, ибо обещано было, чтоб шведам вступить в Польшу к месяцу июню”.

Рассчитывая на помощь Карла, турки вовсе не хотели сражаться за его интересы, да и за свои тоже. Суттон еще в мае писал, что “визирь и другие военачальники, включая и янычар, нехотя идут на войну. Сам султан не хочет ее, а большинство народа открыто выражают опасение и недовольство”, что “основная цель их состоит в том, чтобы освободить границу крымских татар от блокирующих их русских крепостей и запретить выход в Черное море”, что у них нет намерения “расширить свою территорию за счет Московии”⁴¹⁶. А в июне Суттон сообщил, что турки “сильно огорчены и разочарованы невыполнением обещаний шведов, что их померанские войска вступят в Польшу”, что они “и не могут скрыть своего сарказма”. Он также говорит, что слышал, хотя и не может поручиться за верность, “что султан приказал визирю не искать сражения с русскими”⁴¹⁷.

Об этом же писал в письме от 22 июня и Барка: турецкие “министры теперь уже не говорят, что зачали войну для разорения новопостроенного города и для сожжения флота московского, но для того, чтоб войско московское выступило из Польши, и проводить бы свободнее короля швецкого”⁴¹⁸.

Ла Мотрей писал в своих воспоминаниях, что турецкая армия “двигалась с такой медлительностью, которая показывала, что турки больше хотели бы получить мирные предложения с

уступкой Азова, чем сражаться с врагом, и некто, по его словам, хорошо осведомленный о настроении Порты, уверил меня, что царь мог бы избежать войны даже, может быть, за меньшие уступки, чем отдача этого города”⁴¹⁹.

Об этом же сообщал после заключения Прутского мирного договора и Суттон: царь пренебрег “возможностью начать переговоры о мире до появления турецкой армии. Есть все основания думать, что везирь удовлетворился бы небольшими уступками: может быть, разрушением Каменного Затона и Самары, или одного Каменного Затона”⁴²⁰.

Невыполнение шведами своих обязательств, страх турок перед русской армией и опасение восстания балканских народов были причинами того, что султан дал великому визирю полномочие заключить мир на выгодных только для турок условиях.

А главным условием, целью войны, было возвращение Азова и уничтожение новопостроенных крепостей в Причерноморье.

Поэтому вывод Курата будто турки, начиная военные действия, не имели серьезного намерения поддерживать Карла XII и желали избавиться от него, представляется вполне обоснованным⁴²¹.

Поэтому и версия о влиянии подкупа визиря на согласие вступить в переговоры и на условия мирного договора не имеет под собой оснований. А одаривание чиновников в Турции было широко практиковавшейся системой.

“Всем известно, — говорилось в одном из сообщений датского посланника спустя четверть века после описываемых событий, — что в Константинополе дела ведутся деньгами, а не представителями иностранных дворов, которых считают безумцами, когда они заговаривают о делах, не одарив предварительно с достаточной щедростью кого следует”⁴²².

Более того, в Турции в XVII в. было даже специальное учреждение, которое учитывало взятки, получаемые должностными лицами, и отчисляло определенный процент в казну⁴²³.

Поэтому деньги, обещанные визирю и его помощникам, которые якобы повлияли на ход мирных переговоров и на принятие условия, были традиционными подарками, а не подкупом.

12 июля, после подписания договора, Шафиров, послав Петру письмо с поздравлением, писал в особой зашифрованной “цедуле”^{*}:

“Доношу, что сулено:

везиру число подлинно и не смели назначить;
кегаю 50000 левков^{**};
чауш-паше^{***} 5000 червонных;
кегаину брату 1000 червонных и 3 меха собольих;
конюшему 1000 червонных;
переводчику 500 червонных;
секретарю, которой трактат писал, 1000 червонных;
на прочих канцелярии 1000.

Сие число, ваше величество, извольте приказать прислать немедленно. А я сулил, и будут на мне спрашивать. А отпущено ко мне только 3700 червонных, и я истинно не знаю, что делать. А и прислать трудно, чтоб не пропали, и огласится.

И я иного способу не вижу, чтоб тысяч тридцать ефимков и червонными прислать изволили, пока не отдалилися, з добрым конвоем, а на достальное число велеть с Москвы прислать векселей”⁴²⁴.

13 июля Шафиров писал Головкину о своем разговоре с секретарем визиря:

“Тот же секретарь говорил мне от везира, что он зело склонен к его царскому величеству и хотел было по заключении миру послать к нему, также к генералам и министрам в подарки добрых аргамаков, но поопася швецкого короля, чтоб на него не нанес салтану... И я сказал, что... царское величество зело благодарен за приятство везирское... и намерен везиру послать по заключении мира знатной подарок, а именно на [пробел] тысяч, но времени к тому не было, а и ныне те денги готовы, ежели похотят послать по них конвой, чтоб провезть мочно.

* Записке.

** 60 тыс. руб.

*** Начальник охраны и церемониймейстер.

Он, то выслушав с великим желанием, говорил: лутче б то я назвал своими вещми и велел сюды привесть, однакож де он о том доложит везирю, и чтоб де было это зело тайно... Сего часу получил я ответ от кегаи, чтоб мне бутто по свое деньги и вещи послать и велеть оные привесть...

Извольте, ваше высокографское превосходительство, для бога, отпустить тех денег: перве, для везирю 150 тысяч рублей, кегае 50, да на протчие роздачи по обещаюнию моему тысяч пятьдесят⁴²⁵.

Здесь первый раз письменно была названа сумма, обещанная везирю — 150 тыс. рублей, и общая сумма — 250 тыс. рублей.

По данным Флейшмана, было 6 повозок с золотом⁴²⁶.

Моро сообщает, что 13 июля “увидели мы одну из придворных повозок, в которой везли на 200 000 червонцев золота и вещей, обещанных бароном Шафировым в подарок великому везирю... Богу угодно было, чтоб генерал неверных ослеплен был блеском двухсот тысяч червонцев для спасения великого множества честных людей, которые поистине находились в руках турков”⁴²⁷. В дате и сумме Моро ошибся.

Дальше Моро рассказывает о своем разговоре с турецким пашою, присланным в русский лагерь, и, приведя условия мира, пишет: “Таковы были условия мира, столь полезного и нужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200 тыс. червонцев, подаренных великому везирю (что подтверждено мне было моим пашою)”⁴²⁸.

Типольт назвал сумму в 200 тысяч дукатов⁴²⁹.

14 июля Шафиров писал Головкину:

“Сего часу возвратился назад посланной з денщиком Михайла Борисовича [Шереметева, сына фельдмаршала] конвой турецкой, которой был отправлен для отпровождения от вас известной ко мне посылки. А сказали, что будто не могли от вас того дожидатся, а обещал, будто посланной за вами с конвоем черкес Магмет-паша оный обоз ко мне отправит. И я просил, чтоб они с подтверждением о том к нему писали, дабы те вещи не пропали, с чем послали при сем писме нарочного человека.

И я прошу вас, чрез бога, изволте те вещи ко мне отправить,

ибо я уже имянно обещал и мог в неприсылке оных великое бедство принять”⁴³⁰.

На это письмо 17 июля был отправлен ответ, в котором сообщалось:

“Известная к вам посылка отправлена с ротмистром Волынским и с Михайлом Безстужевым, и в прожатых велено было им взять с собою тот турецкой канвой, которой от вас был прислан”⁴³¹.

Насчет того, что деньги были червонцы или дукаты, т.е. золотые монеты, ошиблись и Моро, и Флейшман, и Типольт. Деньги были русские и не золотые, а серебряные, и это, конечно, доставило послам затруднения.

28 июля Шафиров и М.Б. Шереметев сообщали Головкину:

“Присланные соболи одиннадцать сороков на 5 тысяч рублей приняты.

И сожалеем, что толь мало оных прислано, ибо ... от русских денег всяк бежит, и не смеют их принять, и так оные дешевы, что ходит левок их наших денег по 40 алтын.

По се число еще никто оных не берет, опасаютца, чтоб кто не признал.

И велел везить свои обещанные весть нам до Сакчии”⁴³².

Сохранился акт проверки части присланной суммы. Он опубликован в 1872 г. в журнале “Русская Старина” с пояснением издателя:

“Найдено в черновых бумагах фельдмаршала графа Б.П. Шереметева. К сожалению, других сведений о недочете не оказалось. Не эти ли деньги были посланы с Волынским и Михайлом Бестужевым барону Шафирову?” Далее помещена цитата, приведенная выше: “Известная к вам посылка...”⁴³³

Вопрос о деньгах излишен, потому что в тексте акта прямо говорится:

“Декабря в 10-й день 1711 году отдано в канцелярию [посольства] тысяча восемьсот рублей, а на бочке, в которой те деньги были, подписано, что в ней денег две тысячи восемьсот рублей. И неявилося в той бочке против подписи тысячи рублей.

А та де бочка отпущена от генерала крикс-цальмейстера Петра Бестужева и везена из армии царского величества до турецкого обозу с другою бочкою в фурмане сына его Михайла Бестужева, которые по приезде в турецком обозе ротмистр Волынской, приняв, осматривал, и по тому его осмотру еще тогда тот недочет тысяча рублей явился”.

В этом акте есть интересные сведения. Вот, например, что оказалось в одной из бочек с деньгами:

“Бочка, на дне вырезано слово Е и денежное число две тысячи пятьсот рублей.

И по осмотру в ней явилось две тысячи рублей, и против подписи не явилось пятисот рублей.

А те наличные деньги счетом четыре мешка, которых на ярлыках написано по сту рублей в мешке, таможенного сбора 1711 году бургомистра Федора Семенникова с товарищи, счет и печать целовальников Федора Сафонова, Федора Юрьева, Нефеда Артемьева;

сто рублей — счет и печать Мещанские слободы Сидора Тимофеева;

сто рублей — счет и печать Хамовной слободы Андрея Фляжникова;

сто рублей — счет и печать Шелкового ряду Петра Иванова сына Меркулова;

сто рублей — счет и печать Ветошного лоскутного ряда Василья Иванова сына Слухова... счет и печать Таганной слободы Максима Васильева” и т.д.

В этой бочке были таможенные сборы и подати, собранные с московских посадских людей — ремесленников и торговцев.

В другой бочке оказались деньги таможенного сбора 1710 г. и соляного сбора 1709 г.

Еще в одной бочке оказалась недостача тоже тысячи рублей:

«И у сего ж осмотру, на тое бочку смотря, подьячий Алексей Березин сказал: “Та де бочка отпущена от комиссара от князь Якова Кольцова-Масальского, и вышеписанную де тысячу рублей из той бочки вынял он, комиссар, князь Кольцов-Масальской, при нем, Алексее Березине, и отпущена де та тысяча рублей от него, комиссара, к генералу Адаму Вейду.

Сие он, Березин, подлинно де знает, потому что при том комисаре был”, и к той сказке он, Березин, руку приложил», т.е. подписался под составленным с его слов актом о причине недостачи⁴³⁴.

Таким образом, выяснилось — Петр послал Шафирову русские деньги из армейской казны, из которой производились текущие расходы, а не червонцы или дукаты.

Скрыть факт доставки денег в турецкую армию не удалось, хотя на первых порах разговоров о подкупе не было. Правда, выше мы упоминали, что в письме Понятовского Лещинскому, приложенном к первой книге Ла Мотрея (на английском языке), уже сообщалось, что Шафиров подкупил приближенных визиря в первый же день, как приехал к туркам. Но это, несомненно, позднейшая вставка, потому что в первой жалобе, с которой Карл обратился к султану, такого обвинения не содержалось.

Суттон сообщал, что 23-го июля кегая великого визиря Осман-ага привез подписанный договор, 23-го же султан послал конюшего к визирю с утверждением договора, а 24-го приехал мирза от крымского хана с “пространным протестом против поведения великого визиря”. “Под влиянием хана султан выказал недовольство умеренностью визиря, но того поддерживают муфтий и улемы, Али-паша (фаворит султана), Кизляр-ага (главный евнух), начальник янычар и все офицеры”⁴³⁵.

Отметим, что к этому времени хан еще не поднял вопрос о подкупе визиря.

Шафиров и М.Б. Шереметев писали Головкину 4 августа:

“Прислана к везирию... от салтана грамота короля швецкого, которую он на него з жалобою писал, что он [визирь], имея наше войско в своих руках, дал... себя обмануть, зделал мир, не призвав ево в совет и не включая в оной [мир] ево. И под тою де его грамотою от салтана только подписано, что даст ему на то ответ крайней его везирь. И ту грамоту послал де везирь... к нему, королю, при письме своем, в котором писал к нему, чтоб он шел немедленно из земли их вон”⁴³⁶.

Отсутствие обвинения в подкупе визиря в жалобе Карла свидетельствует о том, что и шведов еще не осенила мысль представить традиционный подарок, как подкуп. Отметим попутно, что жалоба была послана на рассмотрение тому, на кого пожаловались — визирю, что говорит о доверии к нему султана.

Но обвинение в подкупе визиря появилось в том же августе. Получив обратно свою грамоту к султану и письмо от визиря с требованием покинуть Турцию, Карл понял, что повлиять на султана он сможет, лишь опорочив визиря.

А Карл твердо решил пойти на все, чтобы сорвать Прутский мир.

В сентябре из находившегося при нем отряда дезертировало к русским несколько офицеров-лифляндцев. Они рассказали, что Карл ответил отказом на неоднократные требования визиря выехать из Турции, а когда визирь пригрозил, что “ежели он не пойдет, то связанного вышлют”, король приготовился оказать вооруженное сопротивление, “и для того приказано быть в готовности всем, а стоит у него на карауле по 500 человек”⁴³⁷.

Положение визиря было затруднительным. Возврат Азова был главной целью войны. Мир подписан, русская армия ушла, но Азов по-прежнему не отдан, — почему? Как объяснить это султану? Петр не отдавал Азов, мотивируя это тем, что шведский король еще не выслан, но в договоре возвращение Азова не было обусловлено высылкой короля. А тут еще Карл послал султану чертеж расположения русских и турецких войск на берегу Прута, наглядно доказывая, что если бы визирь захотел, то мог бы взять в плен всю русскую армию⁴³⁸.

Объяснение, что визирь был подкуплен, напрашивалось. И разговоры об этом пошли в августе.

Суттон в депеше от 4 сентября писал, что поведение визиря “одобряется совершенно и во всех деталях султаном и всем народом, несмотря на все, что ставилось ему в вину, и несмотря на интриги шведского короля и хана. Визиря поддерживают не только султан и его министры, но и улемы, большая и лучшая часть народа, начальник янычар и вообще все военачальники и офицеры, в соответствии с чьими советами он поступал... Толь-

ко немногие из черни прислушиваются к словам шведов и татар... что визирь щедро подкуплен царем, чтобы заключить мир и дать возможность безопасно вывести армию”⁴³⁹.

То, что именно Карл выдвинул это обвинение, которое было поддержано крымским ханом, подтвердил и секретарь голландского посла В. Тейльс в своих воспоминаниях, напечатанных в 1722 г. По его словам, Карл написал султану письмо, в котором обвинил визиря и его кегаю в том, что они, имея в своих руках царя, “взяв сумму денег, его отпустили, переменя честь и истинные интересы Оттоманской империи в сребролюбие”⁴⁴⁰.

О том, что именно шведы оклеветали визиря, сообщил и Лука Барка в письме к С.Л. Рагузинскому от 5 декабря⁴⁴¹. Впоследствии об этом упомянул и Аларт в своей “Истории”⁴⁴².

17 августа визирь созвал большой совет, пригласил русских послов и потребовал от них передачи Азова. Как писали 19 августа Шафиров и Шереметев Петру, еще до совета начальник янычар через переводчика тайно велел передать послам, что “везирь де и он причина миру, в чем все на них нарекают и причитают, будто они изо взятков сделали”. После долгого спора на совете послы дали обязательство сдать Азов через два месяца.

“И [крымский] хан, встав, пошел вон с сердцем и сказал, что де он им и прежде говорил, что от нас обмануты будут”⁴⁴³.

С версией о подкупе тесно сплелась и получила широкое хождение среди историков легенда о том, что Екатерина подкупила визиря своими драгоценностями: “блеск бриллиантов, может быть, и соблазнил жадные взоры визиря, делая его более покладистым”⁴⁴⁴.

Рассмотрим возникновение этой легенды⁴⁴⁵.

На основании чего возникла версия о посылке Екатериной драгоценностей визирю?

Датский посол в России Юст Юль, приехавший к Петру в армию, вышедшую из Молдавии, как мы знаем, живо интересовался событиями Прутского похода. Он попросил у Аларта копию части его дневника и расспрашивал о походе других участников. Он сообщает, что утром 10 июля, во время охватившего русский обоз смятения, “царица раздарила

все свои драгоценные камни и украшения первым попавшимся слугам и офицерам, по заключении же мира отобрала у них эти вещи назад, объявив, что они были отданы им лишь на сбережение”⁴⁴⁶.

Издатель записок Юля в примечании к этому месту совершенно правильно поставил вопрос: “не этот ли случай послужил основанием известному рассказу о том, будто Екатерина отдала свои драгоценности и лично собирала у солдат деньги, чтоб подкупить верховного визиря?”

Это вполне вероятно. Конечно, о подарках царицы получившие их молчали, а вот когда она стала отбирать их назад, естественно, многие были разочарованы и недовольны, и избежать огласки было невозможно.

Слух о подкупе визиря распространялся по Европе шведами и уволенными после похода иностранными офицерами, в том числе и Моро.

Естественно было связать его с рассказом о том, что Екатерина сыграла решающую роль в принятии Петром решения вступить в переговоры, и что именно ее драгоценности склонили визиря заключить мир. В 1712 г. эту байку пытались подкрепить слухом, что в имуществе казненного кегали Османа нашли будто бы перстень царицы⁴⁴⁷. Только кому в Турции могли быть так хорошо известны ее драгоценности, чтобы узнать его? Так что это, конечно, только слух. Тем более, что ни Моро в своей книге, вышедшей в 1716 г., ни Ла Мотрей в первой книге, изданной в 1723 г., о драгоценностях Екатерины не сообщают.

В январе 1725 г., после смерти Петра, гвардия возвела Екатерину на престол.

В этом же году в Лейпциге вышла биография Петра, написанная немцем Рабенером. В ней легенда о драгоценностях Екатерины передается еще как слух. “Рассказывают, — пишет Рабенер, — что еще до заключения перемирия визирь получил все наличные деньги офицеров и драгоценности их жен... Даже сама царица в такой тяжелой нужде не пожалела, вопреки обычаю ее пола, своих лучших украшений”⁴⁴⁸.

В 1726 г. вышла книга “Записки о царствовании Петра Великого”, автор которой скрылся под псевдонимом “барон

Иван Нестесураной”, а в 1728 г. — анонимные “Записки о царствовании Екатерины”⁴⁴⁹. Обе эти книги, как было установлено позднее, были написаны французским литератором Руссе де Мисси по заказу русского правительства. В них литературно обработанная и приукрашенная легенда о Екатерине преподносится уже как вполне достоверное событие.

В 1732 г. Вольтер в своей книге о Карле XII повторил легенду, но ему возразил Ла Мотрей. В “Замечаниях” на книгу Вольтера и в своей второй книге путешествий, вышедших в том же году, он решительно отрицал посылку Екатериной своих драгоценностей. “Я получил информацию от различных московитских офицеров, в том числе от одного итальянского графа, который привез визирю письмо от царя, что госпожа Екатерина, ставшая потом императрицей, имела очень немного драгоценностей, [и] что она не собирала никакого серебра для визиря”⁴⁵⁰. (Итальянский граф — это, вероятно, полковник граф Роза⁴⁵¹.) Он также писал, что публика любит все необычайное, и говорят, “царица не смогла бы спасти царя, если бы не пожертвовала всеми своими драгоценностями и другими подарками визирю. Но я был там и знаю вполне точно, что визирь не получил ни одной драгоценности и ни одного гроша”⁴⁵².

В специальном примечании о Шафирове Ла Мотрей подчеркнул, что “только благодаря его способностям, а вовсе не мнимым подаркам царицы, царь обязан своему избавлению на Пруте. Как я уже говорил в другом месте, о всех подарках, сделанных визирю после заключения мирного договора, я был очень хорошо информирован (я снова это повторяю) не только пашой, с которым я был тогда, но многими другими турками, даже врагами этого визиря. Все, что сделала царица... это привела к нему [царю] в палатку, где он пребывал в одиночестве, советников”⁴⁵³.

Однако книга Вольтера приобрела широкую известность, и легенда, обрастая подробностями, продолжала свое триумфальное шествие по страницам книг других авторов. Например, А. Гордон (1755 г.) сообщил, что заслуга заключения мира всецело принадлежит Екатерине, отдавшей визирю свои драгоценности⁴⁵⁴.

П. Брюс (1782 г.) написал даже, что Екатерина собрала в долг драгоценности, деньги и еще золотую и серебряную посуду, и послала все это визирю (правда, не от себя, а от имени Шереметева)⁴⁵⁵.

Из-за своего драматизма легенда получила широкое распространение в мемуарах XVIII в., в научной, справочной и художественной литературе XIX—XX вв. и благополучно дожила до наших дней.

Таким образом, утверждение о решающем влиянии подкупа великого визиря на условия мира основывалось на крупном размере суммы традиционного подарка, доставленного в турецкий лагерь. Оно было выдвинуто шведами в августе 1711 г. и подхвачено противниками визиря в окружении султана, а в печати оно было высказано впервые, по-видимому, в 1716 г. в изданных анонимно записках Моро.

Но суд истории должен отвергнуть утверждение о влиянии подкупа и версию о решающей роли Екатерины и ее драгоценностей в заключении договора и выработке условий Прутского мира, а также снять несправедливое обвинение в продажности великого визиря Оттоманской империи Балтаджи-Мехмет-паши и полностью реабилитировать его. Мы видели, что условия мирного договора были выработаны коллективно на совете еще до приезда Шафирова и до обещания подарка.

А подарок — русские деньги — визирь побоялся принять.

Заключение

План кампании, разработанный Петром и его генералами и советниками, был составлен правильно, с учетом внутреннего положения Турции, международной обстановки и необходимости скорейшего завершения навязанной России войны.

Причины поражения были ясны русскому командованию. Генерал Вейде после ухода армии с берегов Прута писал Меншикову:

“Но три вещи нас нагло погубили — не здравые, без опасные и не искусные советы, неосторожность в запасах и малосильство нашей конницы”⁴⁵⁶.

Под “советами”, видимо, генерал имел в виду решение идти по разоренной Молдавии и отправку корпуса Ренне, под “неосторожностью в запасах” — недостаток заготовленного провианта.

Осталось выяснить, насколько безнадежной оказалась ситуация на Пруте для русского войска.

Мужество и дисциплинированность русской регулярной армии и незаинтересованность (скажем так) в войне рядовых турок делали исход генерального сражения сомнительным для турок даже при их неоспоримой храбрости. Назвать бой на берегу Прута военным поражением русской армии было бы неправильным.

Петр мог рискнуть и победить, но при нехватке конницы риск был слишком велик. Как и подобало мудрому правителю, он предпочел не рисковать. Его решение добиться мира даже путем уступок Швеции было правильным стратегически — этим он сохранял армию для дальнейшей борьбы.

Конечно, выучка, мужество и героизм русской армии давали крупный шанс на победу, которая позволила бы захватить провиант и фураж в турецком обозе, получить помощь Валахии и развивать успех дальше.

Но победа могла бы повести к затяжной войне с Турцией, чем, несомненно, воспользовался бы Карл XII, и России пришлось бы сражаться на двух удаленных друг от друга фронтах.

В таких условиях риск был тем более неоправданным.

Имело ли смысл для турок отказаться от предложенных переговоров? Нет, это было опасно. Сражение 9 июля показало реальную возможность их поражения, последствия которого трудно было переоценить, так как второй армии в тот момент у Турции не было, а шведы помочь не могли.

Опасно, с точки зрения турок, было и предъявлять чрезмерные условия, иначе говоря, требовать уступок в пользу Швеции. Кроме того, выдвигание таких требований и фиксирование их в мирном договоре означало бы, что Турция становилась гарантом Швеции, т.е. если бы Россия не выполнила эти требования, Турция, получив все, что хотела для себя, должна была бы снова воевать, но теперь уже только за интересы Швеции.

А зачем это надо было туркам?

Именно это, а отнюдь не мифический подкуп визиря, зловеще выдуманного шведами, было настоящей причиной того, что требования турок касались лишь их непосредственных интересов. А вступить в бой, если русские не примут предложенные условия, было не поздно и после переговоров.

Это понимали многие современники. Например, Даниель Дефо (знаменитый автор “Робинзона Крузо” и менее известный как один из организаторов английской разведки) в изданной в 1723 г. книге под названием “Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии”, рассказывая о Прутском походе, писал, что визирь, оценив мужество русских, понял, что бой может кончиться поражением турок, и решил выяснить, нельзя ли воспользоваться сложившимся положением. Выгодный мир мог бы предотвратить кровопролитие сейчас и в будущем, а также дальнейшие военные издержки⁴⁵⁷.

Кроме визиря, это понимали и другие турки. Уже приводился ответ приехавшего в русский лагерь турецкого паша на вопрос о причинах заключения мира, который ему задал Моро: что “они не думали найти в нас столь ужасных противников... и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа”⁴⁵⁸.

Добавим к этому, что от перебежчиков визирь узнал о посылке в тыл турецкой армии отряда Ренне.

Согласие России удовлетворить интересы Турции и отсутствие помощи войска Карла XII объясняет и то, почему в договоре не были учтены интересы Швеции.

“Турки, — писал Суттон в депеше от 19 августа, — получив по договору все, что они желали, полагают, что у них есть основания чувствовать себя удовлетворенными и не считаться с интересами шведского короля, которые и прежде, конечно, не были для них существенными”⁴⁵⁹.

Что касается легенд о подкупе визиря и роли Екатерины, то историю их возникновения теперь можно считать выясненной. Так называемый “подкуп” не сыграл никакой роли в выработке условий, ибо они были выдвинуты еще до начала переговоров на большом совете.

Екатерина, по-видимому, оказала влияние на решение Петра вступить в переговоры с турками. Возможно даже, что инициатива исходила от нее. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем, но это не имеет значения. Важно, что решение об этом было принято самим Петром — не тот несет ответственность, кто дает совет, а тот, кто решает, принять его или нет.

Как оценить русско-турецкую войну 1711 г.?

Прутское сражение окончилось вничью.

Взятие Браилова было несомненной победой, и с точки зрения военного искусства это была победа новых для тогдашней военной науки идей Петра.

Заклучение мира позволило избежать затяжной войны на два фронта и сосредоточить усилия на завершении Северной войны, т.е. на получении выхода в Балтийское море. Это значительно перевесило возвращение Турции Азова с его артиллерией, срытие новопостроенных крепостей, отказ от вмешательства в дела запорожских казаков.

Таким образом, несмотря на то что были потеряны выход в Азовское море, Азов и окружающая его территория и Россия вынуждена была пойти на определенные политические уступки, в контексте главной задачи — сокрушения Швеции, возвращения захваченных ею земель и обеспечения выхода в Балтийское

море — заключение Прутского мирного договора и выход из навязанной войны за относительно небольшую цену были, несомненно, стратегической и дипломатической победой.

Азов был передан туркам 12 января 1712 г.

“При этом, — сообщал английский посол в России Ч. Витворт в Лондон 29 января, — укрепления снесены, пригороды сожжены, дома разрушены все, кроме одного или двух, купленных турками для их надобностей за 50 кошелей. Оставлено 70 орудий (от однофунтовых до семифунтовых)... Генерал-адмирал Апраксин удалился с гарнизоном со всеми обычными почестями... Таганрог тоже разрушен”⁴⁶⁰.

Окончание войны заставило европейских министров задуматься. “Все представляет для нас неутешительное зрелище и требует полной нашей осторожности и предусмотрительности”, — писал Витворт⁴⁶¹. Что касается потери Азова и новых причерноморских городов-крепостей, то сошлемся на мнение вице-адмирала русского флота Корнелия Крюйса, одного из близких соратников Петра, высказанное им секретарю английского посольства в Москве:

“Вице-адмирал не удержался и высказал уверенность, что города эти, лежащие под рукой, вскоре могут быть взяты обратно, между тем, разница между городами, стоящими на Балтийском море и на морях, прилегающих к странам варварским, очень значительна: в первом, удержав морские гавани, Россия унаследует установившуюся торговлю, которая может развиваться с возрастающею выгодой, касательно же вторых — неизвестно даже, удастся ли России когда-нибудь силою или путем переговоров открыть себе торговые пути через Черное море”⁴⁶².

Как известно, предвидение Крюйса, что Азов и другие города, “лежащие под рукой”, могут быть взяты обратно, оправдалось: действительно, Россия получила их еще в том же столетии.

В заключение несколько слов о главных действующих лицах нашего повествования.

Петр воспринял свою неудачу самокритично.

Французский посол Балюз рассказал в одной из своих депеш о разговоре царя с женой краковского воеводы, сторонника России. Встретившись с Петром после Прутского похода, она поздравила его, повторив известные слова Юлия Цезаря: “Пришел, увидел, победил”. На это царь с некоторым смущением несколько раз повторил: “Не совсем”. Когда же она выразила ему свою радость по поводу его благополучного возвращения, Петр сказал, что счастье его в том, что вместо сотни ударов, которые он мог бы получить, ему дали только пятьдесят.

Султан намерен был выслать короля шведского даже силой, но задержка в передаче Азова и интриги Карла вскоре резко изменили положение. При султанском дворе возобладали сторонники жестких мер, и русских послов посадили в тюрьму. Заговорили о новой войне. Тогда Петр поспешил выполнить условия Прутского мирного договора, уже не требуя предварительной высылки Карла.

Все же Турция в ноябре 1712 г. снова объявила войну России, но начать военные действия так и не решилась, и летом 1713 г. мир был утвержден окончательно.

8 ноября (27 октября) 1711 г. в Адрианополь, где находился визирь с армией, пришел султанский указ о его смещении и назначении визирем начальника янычар. Лука Барка так объяснял это событие в письме к Савве Рагузинскому: сместив визиря и назначив на его место начальника янычар, султан “показал немалую политику таким образом, что отлучил единого от другого, ибо ежели бы были в единости, мог бы следовать бунт, и погиб бы султан, ибо они были единомышленники”⁴⁶³.

Визирь был сослан, а его кегая и секретарь казнены 14(3) декабря 1711 г. Но визирь ненадолго пережил их. 16 января 1712 г. Шереметев сообщил Петру, что “прежний визирь, что учинил трактат, ругательно отставлен. Положа на шею его цепь, пешаго и босого чрез одного турку конного по улицам Стамбула водили, и потом удушен”⁴⁶⁴.

Карл XII все никак не покидал Турцию, и турки решились на крайние меры. В начале 1713 г. его пытались выслать силой, послав отряд янычар. Когда они окружили дом, в котором он жил, Карл стал стрелять из окон. Янычары подожгли дом, схва-

тились с королем врукопашную и одолели его. Карл потерял четыре пальца, часть уха и кончик носа и был посажен в заключение⁴⁶⁵. Но короля все-таки нельзя было вывезти из страны насильно: он уехал из Турции только в феврале 1713 г., когда убедился, что все его попытки побудить Турцию к новой войне с Россией тщетны.

Русские дипломаты П.А. Толстой и П.П. Шафиров вернулись в Петербург в декабре 1714 г. Генерал-майор М.Б. Шереметев, сын фельдмаршала, скончался по дороге домой, в Киеве⁴⁶⁶.

Сразу после похода Петр обратил свое внимание на поморанский театр действий. 28 июля 1711 г. он писал своему представителю при Августе II:

“Понеже хотя с убытком сей мир, с одной стороны, однакож сим случаем уже мы вовсе развязаны с турецкой стороны и можем всю силою... воевать против шведов.

Того для надлежит вам ... всяким образом старатца, дабы сего лета хотя один какой замок... взять”⁴⁶⁷.

В истории русской армии открылась новая героическая страница.

Примечания

- ¹ Kurat A.-N. Prut seferi ve barisi 1123 (1711). Ankara, 1951—1953. С. 1—2.
- ² Kurat A.-N. Der Prutfeldzung und der Prutfrieden von 1711 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 10. H. 1. 1962, Arg.
- ³ Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- ⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984.
- ⁵ Павленко Н.И. Петр I. М., 2003.
- ⁶ Водарский Я.Е. По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. // История СССР. 1963. № 6. С. 207—212; Он же. О некоторых событиях Прутского похода Петра I (1711 г.) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 82—95.
- ⁷ Тарле Е.В. Северная война. М., 1958. С. 19—21.
- ⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. X; М., 1962. Т. XI, вып. 1; М., 1964. Т. IX, вып. 2.
- ⁹ Журнал или подневная записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. I.
- ¹⁰ Цит. по кн.: Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 35.
- ¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. С. 61.
- ¹² Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1889. Т. 66. С. 75.
- ¹³ Цит. по: Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 65—66.
- ¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1—2; Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев: Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. СПб., 1898.
- ¹⁵ [Jean-Nicole-Maureau de Brasey, comte de Lion]. *Memoires politiques, amusants et satiriques de messier J.N.d.B.c.de Lion, colonel du regiment*

- de dragons de Casanski et brigadier des armées de sa m. czarienne, à Veritopolis chez Jean Disant-vrai. Veritopolies, 1716. Vol. I—III.
- ¹⁶ Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1950. Т. 6. С. 600—652.
- ¹⁷ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 600, 601.
- ¹⁸ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 89.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Л. 10.
- ²⁰ РБЛ. Музейное собрание. № 14096. Папка № 2. Напечатан: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 64.
- ²¹ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 610.
- ²² Там же. С. 610, 652.
- ²³ Там же. С. 602.
- ²⁴ Там же. С. 603, 604.
- ²⁵ Там же. С. 672.
- ²⁶ Там же. С. 610—612.
- ²⁷ См.: Kurat A.N. Prut seferi... С. 2. (См. приложение); Юль Юст. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Л. 1—10; Там же. Кабинет Петра I. Отдел I. Кн. 13. Л. 92—100.
- ²⁹ Sutton R. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710—1714). L., 1953.
- ³⁰ Poniatowski S. Remarques M. le Comte Poniatowski, seigneur polonais, lieutenant-general ci-devant au service de Suede et actuellement au service de Pologne, sur l'Histoire de Charles XIII, roi de Suede, par M. de Voltaire. A la Haye, 1741.
- ³¹ Tengberg E. Från Poltava till Bender. Lund, 1953. (См. указатель имен.)
- ³² La Motrey A. de. Travels through Europe, Asia and into part of Africa. L., 1723. Vol. 2.
- ³³ La Motrey A. de. Voyages en Anglois et en Francois... en diverses Provinces et Places de la Prusse Ducale et Roiale, de la Russie, de la Pologne... A la Haye, 1732.
- ³⁴ La Motrey A. de. Remarques historiques et critiques sur l'Histoire de Charles XII, roe de Suede, par M. de Voltaire. Pour servir de supplement a cet ouvrage. A Londres, 1732.
- ³⁵ Цит. по: Никифоров Л.А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVII в. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 11.

- ³⁶ Цит. по: Соловьев С.М. История России... М., 1962. Кн. VII. С. 620.
- ³⁷ Тарле Е.В. Северная война. С. 189.
- ³⁸ Цит. по: Соловьев С.М. История России... Кн. VII. С. 625.
- ³⁹ Тарле Е.В. Северная война. С. 401.
- ⁴⁰ Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 60.
- ⁴¹ О политике Турции в конце XVII — начале XVIII в. см. подробнее: Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. 1941. Т. 10; Она же. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. // Исторические записки. 1959. Т. 65; Глаголева А.П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтава: Сб. статей. М., 1959; и др.
- ⁴² Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. II. С. 30.
- ⁴³ Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 61, 62.
- ⁴⁴ Там же. С. 63.
- ⁴⁵ Там же. С. 65.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 164, 165.
- ⁴⁹ Там же. С. 167.
- ⁵⁰ Шутый В.Е. Позиция Турции в годы Северной войны 1700—1709 гг. // Полтавская победа: Сб. статей. М., 1959. С. 128.
- ⁵¹ Там же. С. 130, 131.
- ⁵² Там же. С. 135.
- ⁵³ Там же. С. 132, 133.
- ⁵⁴ Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 273.
- ⁵⁵ Тарле Е.В. Северная война. С. 416.
- ⁵⁶ Там же. С. 415.
- ⁵⁷ Мышлаевский А.Э. Война с Турцией 1711 года: (Прутская операция): Материалы // Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1898. Вып. XII. С. 285, 292, 293, 295. Мышлаевский сомневается в дате записи рассказа, считая что Шульц сбежал из Бендер не в начале 1710 г., а в начале 1711 г.
- ⁵⁸ Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 359.
- ⁵⁹ Там же. С. 357.
- ⁶⁰ Там же. С. 357, 358.
- ⁶¹ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 226. В переводе редакции были допущены некоторые неточности, которые здесь исправлены.

- ⁶² Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 358.
- ⁶³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. С. 488.
- ⁶⁴ Там же. С. 506.
- ⁶⁵ Там же. С. 35.
- ⁶⁶ Там же. Т. XI, вып. 1. С. 335.
- ⁶⁷ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 34. С. 443.
- ⁶⁸ Цит. по: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 527.
- ⁶⁹ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 50. С. 414, 458.
- ⁷⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. С. 763. Подробнее о внешнеполитической обстановке см.: Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С. 80—92.
- ⁷¹ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 50. С. 392—396.
- ⁷² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 41.
- ⁷³ Там же. Т. X. С. 660.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 662.
- ⁷⁶ Там же. С. 235, 239.
- ⁷⁷ Там же. С. 689, 690.
- ⁷⁸ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 608, 609.
- ⁷⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 313.
- ⁸⁰ Там же. С. 351.
- ⁸¹ Там же. С. 351, 352.
- ⁸² Там же. Т. X. С. 769.
- ⁸³ Там же. С. 411, 412.
- ⁸⁴ Мышлаевский А.Э. Россия и Турция перед Прутским походом // Военный сборник. СПб., 1901. Кн. 2. С. 35—37; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 347.
- ⁸⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 334.
- ⁸⁶ Там же. С. 333.
- ⁸⁷ Sutton R. The Despatches... P. 50.
- ⁸⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 216.
- ⁸⁹ Sutton R. The Despatches... P. 56.
- ⁹⁰ Ibid. P. 75.
- ⁹¹ Ibid. P. 47.
- ⁹² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 347.

- ⁹³ *Sutton R.* The Despatches... P. 48.
- ⁹⁴ Там же. P. 47.
- ⁹⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 337.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. С. 338, 339.
- ⁹⁸ Там же. С. 173–176.
- ⁹⁹ *Якунина Л.И.* Отпечаток на шелку гравюры с изображением Дмитрия Кантемира // Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Вып. XIV. С. 83–91. Статья была любезно указана мне М.Д. Рабиновичем.
- ¹⁰⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 110–112, 169, 422–424, 460.
- ¹⁰¹ Там же. С. 118. Дальнейшее изложение событий на Балканах и касающиеся их неоговоренные цитаты, даются по: *Богоявленский С.К.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1946. № 8/9. С. 19–41.
- ¹⁰² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 153.
- ¹⁰³ РГАДА. Кабинет Петра Первого. Отдел I. Кн. 13. Л. 92.
- ¹⁰⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 194, 385, 401.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. X. С. 443; Т. XI, вып. 1. С. 179.
- ¹⁰⁶ Там же. Т. X. С. 773.
- ¹⁰⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. С. 441.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 441–443, 689, 768.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. XI, вып. 1. С. 56.
- ¹¹⁰ Там же. Т. X. С. 449, 450, 768, 769, 773.
- ¹¹¹ Там же. Т. XI, вып. 1. С. 19.
- ¹¹² Там же. С. 345.
- ¹¹³ Там же. С. 72.
- ¹¹⁴ Там же. С. 43.
- ¹¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹¹⁶ Там же. С. 355.
- ¹¹⁷ Там же. С. 386.
- ¹¹⁸ Там же. С. 85, 86.
- ¹¹⁹ Там же. С. 367.
- ¹²⁰ *Анисимов Е.А.* Екатерина I // Романовы: Исторические портреты. 1613–1762. Михаил Федорович – Петр III. М., 1997. С. 345.
- ¹²¹ Там же. С. 355.

- 122 Там же.
- 123 *Юль Юст*. Записки... С. 300, 301.
- 124 Сборник Русского Исторического Общества. Т. 50. С. 434.
- 125 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 650, 651.
- 126 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 167.
- 127 Там же. С. 159, 454, 455.
- 128 Там же. С. 164.
- 129 Там же. С. 177.
- 130 Там же. С. 178, 179.
- 131 Там же. С. 178.
- 132 Там же. С. 190—192.
- 133 Там же. С. 256—263.
- 134 Там же. С. 221—223.
- 135 Там же. С. 224.
- 136 Там же. С. 499, 500.
- 137 Там же. С. 538.
- 138 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 611.
- 139 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 549.
- 140 *Hurtuzaki E.* Documente privitoare de la istoria Româniilor. Bucu resçi, 1878. P. 646.
- 141 Фельдмаршал граф Б.П. Шереметева. С. 35.
- 142 Там же.
- 143 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 547.
- 144 Там же. С. 549.
- 145 Там же. С. 285—286.
- 146 Там же. С. 287.
- 147 *Sutton R.* The Despatches... P. 56.
- 148 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 400.
- 149 Там же. С. 569—570.
- 150 *Hurtuzaki E.* Documente... P. 66.
- 151 *Kurat A.-N.* Prut Seferi... С. 1. S. 390.
- 152 *Sutton R.* The Despatches... P. 55.
- 153 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 570.
- 154 Там же. С. 555.
- 155 Там же. С. 556.
- 156 Цит. по: *Семенова Л.Е.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969. С. 12, 13.

- 157 *Sutton R. The Despatches... P. 75.*
- 158 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 573.
- 159 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 624.*
- 160 *Юль Юст. Записки... С. 459, 460.*
- 161 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 546.
- 162 Там же. С. 286.
- 163 Там же. С. 287, 288.
- 164 Там же. С. 548.
- 165 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 617.*
- 166 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 174–176.
- 167 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 624.*
- 168 Там же. С. 617.
- 169 Там же. С. 619.
- 170 Там же. С. 617–619.
- 171 Там же. С. 620.
- 172 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 558.
- 173 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 623.*
- 174 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 305.
- 175 Там же. Т. XI, вып. 1. С. 558; Т. XI, вып. 2. С. 38.
- 176 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 619.*
- 177 *Sutton R. The Despatches... P. 55.*
- 178 РГВИА. ВУА. Д. 25. Ч. 4. Л. 21, 22.
- 179 *Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб. 1891. Вып. 1. Прил. С. 22; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразование Петра I. М., 1954. С. 533.*
- 180 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 309.
- 181 *Бранденбург Н. Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. // Артиллерийский журнал. 1897. № 1. С. 12, 13.*
- 182 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 629.*
- 183 *Kurat A.-N. Prut seferi... С. 1. S. 445.*
- 184 *Яковлев А.А. Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711-м году // Отечественные записки*

- ки / Изд. П. Свиньиным. СПб., 1824. Ч. XIX. № 51. Июль. С. 18.
- ¹⁸⁵ *Hurmuzaki E.* Documente... P. 101.
- ¹⁸⁶ *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 1. S. 446.
- ¹⁸⁷ См.: *Мышлаевский А.Э.* Война с Турцией 1711 г. С. 285, 292, 293, 295.
- ¹⁸⁸ Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 630.
- ¹⁸⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 564.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 798.
- ¹⁹² Ibid. S. 310.
- ¹⁹³ *Яковлев А.А.* Выписка из журнала... С. 18.
- ¹⁹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 564.
- ¹⁹⁵ *Villebois F.* Memoires secrets pour servir a l'histoire de la cour de russie sous les regnes de Pierre-le-Grand et de Catherine I. P., 1853. О подозрении в подложности см.: *Valloton H.* Pierre le Grand. P., 1958. P. 527.
- ¹⁹⁶ Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 634.
- ¹⁹⁷ См.: *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 798; РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Л. 6.
- ¹⁹⁸ Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 634, 635.
- ¹⁹⁹ *Sutton R.* The Despatches... P. 65.
- ²⁰⁰ *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 1. S. 451, 452.
- ²⁰¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X, вып. 1. С. 573.
- ²⁰² *Тейльс В.* Известия, служащие к истории Карла XII. М., 1789. С. 19. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 564.
- ²⁰³ *Sutton R.* The Despatches... P. 58, 65.
- ²⁰⁴ *Hurmuzaki E.* Documente... P. 87.
- ²⁰⁵ Ibid. P. 115.
- ²⁰⁶ Ibid. P. 84, 85.
- ²⁰⁷ Ibid. P. 87; См. также: *La Motrey A. de.* Voyages... P. 25; *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 767.
- ²⁰⁸ *Hurmuzaki E.* Documente... P. 646.
- ²⁰⁹ *Sutton R.* The Despatches... P. 75.
- ²¹⁰ *Poniatowski S.* Remarques... P. 98.
- ²¹¹ *Hurmuzaki E.* Documente... P. 115, 116; *Poniatowski S.* Remarques... P. 98.

- 212 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 305.
- 213 РГАДА. Кабинет Петра I. Л. 93об.
- 214 *Hurmuzaki E.* Documente... P. 84.
- 215 *Ibid.* P. 646.
- 216 *Ibid.* P. 94.
- 217 *Ibid.* P. 115–116.
- 218 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 564.
- 219 *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 35.
- 220 *Кочубинский А.А.* Сношения России при Петре Великом с южными славянами и румынами. М. 1872. С. 63. Очерки истории СССР. С. 533.
- 221 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 635, 636.
- 222 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 565.
- 223 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 636, 637.
- 224 *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 798.
- 225 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 637.
- 226 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 565.
- 227 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 638.
- 228 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. Вклейка между с. 312 и 313.
- 229 *Sutton R.* The Despatches... P. 58.
- 230 *Ibid.* P. 60.
- 231 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 638.
- 232 *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 43, 45.
- 233 Цит. по.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 639.
- 234 РГАДА. Сношения с Турцией. Оп. 1. 1711. № 6. Л. 38, 39об.
- 235 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 34–38, 371.
- 236 *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 1. S. 423–425.
- 237 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 372.
- 238 *Sutton R.* The Despatches... P. 62, 76.
- 239 *Hurmuzaki E.* Documente... P. 646.
- 240 *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 1. S. 423–425.
- 241 *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 42, 43.
- 242 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 372.

- ²⁴³ Там же. Т. XI, вып. 1. С. 353.
- ²⁴⁴ Там же. С. 566—568. См. также: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 638 (Моро); *Sutton R.* The Despatches... P. 61, 76; *La Motrey A. de.* Voyages... P. 10.
- ²⁴⁵ *Мышлаевский А.Э.* Война с Турцией... С. 342.
- ²⁴⁶ *Юль Юст.* Записки... С. 372; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 569; *Н.Г.* Петр Великий на берегах Прута // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Февр. Отд. 2. С. 98, 99.
- ²⁴⁷ Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 604, 639, 646.
- ²⁴⁸ РГАДА. Кабинет Петра I. Л. 99об.
- ²⁴⁹ *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 1. S. 478.
- ²⁵⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 567; *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 802; *Юст Юль.* Записки... С. 366.
- ²⁵¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 570.
- ²⁵² *Кочубинский А.А.* Сношения России при Петре Великом... С. 64.
- ²⁵³ *Vruse P.H.* Memoirs of Peter Henry Vruse... L., 1782. P. 44.
- ²⁵⁴ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 50. С. 490.
- ²⁵⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 12.
- ²⁵⁶ *Юль Юст.* Записки... С. 371.
- ²⁵⁷ *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 46.
- ²⁵⁸ *La Motrey A. de.* Travels... P. 11.
- ²⁵⁹ Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. С. 53.
- ²⁶⁰ *Kurat A.-N.* Prut seferi... С. 2. S. 506.
- ²⁶¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 568.
- ²⁶² *Sutton R.* The Despatches... P. 71.
- ²⁶³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 569; *Cantemir.* The History of Growth and Decoy of the Othman Empire. L. 1734; *Яковлев А.А.* Выписка из журнала... С. 15—24.
- ²⁶⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 571.
- ²⁶⁵ *Юль Юст.* Записки... С. 371.
- ²⁶⁶ *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 437.
- ²⁶⁷ *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 62.
- ²⁶⁸ *La Motrey A. de.* Travels... P. 11, 12.

- 269 *La Motrey A. de. Voyages... P. 234.*
- 270 *Ibid. P. 234, rem.*
- 271 *Hurtmuzaki E. Documente... P. 103; Gordon of Achintoul A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1775. Vol. II. P. 28–31.*
- 272 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 639, 640.*
- 273 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 314.
- 274 РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Л. 8.
- 275 *La Motrey A. de. Trevels... P. 11, 12.*
- 276 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 313.
- 277 *Анисимов Е.А. Екатерина I. С. 353.*
- 278 *Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике: Из истории наградных систем. М., 1990. С. 70.*
- 279 *Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 180.*
- 280 РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Л. 8об.
- 281 Там же. Л. 8.
- 282 *Kurat A.-N. Der Prutfeldzug... S. 48.*
- 283 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 65, 159, 314; Т. XI, вып. 2. С. 303, 598.
- 284 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 571.
- 285 Там же. С. 570.
- 286 Там же. С. 571.
- 287 *Kurat A.-N. Prut seferi... С. 2. S. 496–504; Kurat A.-N. Der Prutfeldzug... S. 48.*
- 288 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 570, 571.
- 289 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 640.*
- 290 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 580.
- 291 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 622.*
- 292 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 316.
- 293 Там же. С. 313.
- 294 Там же. С. 582–584; Т. XI, вып. 2. С. 87; *Poniatowski S. Remarques... P. 117–124.*
- 295 *Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения... С. 134.*

- 296 *La Motrey A. de. Remarques...* P. 44.
- 297 *Hurmuzaki E. Documente...* P. 117.
- 298 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 648.*
- 299 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 391.
- 300 *Sutton R. The Despateches...* P. 69.
- 301 *Ibid.* P. 61.
- 302 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 578.
- 303 РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1711. № 17. Л. 12 и об. Напечатано: *Водарский Я.Е.* По поводу работы турецкого историка... С. 210.
- 304 Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. С. 54.
- 305 *La Motrey A. de. Trevels...* Appl. P. 9.
- 306 *Cox E.G. A reference guide to the literature of travels. Seattle, 1935. Vol. 1.*
- 307 *La Motrey A. de. Voyages...* (См. предисловие.)
- 308 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 366.
- 309 Там же. С. 375.
- 310 Там же. С. 580.
- 311 *Sutton R. The Despateshes...* P. 64, 65.
- 312 *Hurmuzaki E. Documente...* P. 95.
- 313 *Voltaire. Histoire de Charles XII, roi de Suède. A Basle, 1732. P. 246.*
- 314 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 580.
- 315 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 646, 647.*
- 316 *Юль Юст. Записки...* С. 368.
- 317 *La Motrey A. de. Trevels...* P. 12; *Sutton R. The Despateshes...* P. 65.
- 318 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 641.*
- 319 Там же. С. 641—642.
- 320 Письма Петра Великого, писанные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву по большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников. М., 1774. С. XLVI.
- 321 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 316.
- 322 Цит. по: *Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 642.*
- 323 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 317.
- 324 *Юль Юст. Записки...* С. 368.

- 325 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 580, 581.
- 326 *Hurmuzaki E.* Documente... P. 103.
- 327 *Ibid.* P. 581.
- 328 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 321.
- 329 Там же. С. 581, 582.
- 330 *Poniatowski S.* Remarques... P. 124.
- 331 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 582.
- 332 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 650.
- 333 См.: *Мышлаевский А.Э.* Война с Турцией... С. 288.
- 334 *Sutton R.* The Despatches... P. 66.
- 335 *Ibid.* P. 65.
- 336 *Юль Юст.* Записки... С. 461.
- 337 Там же. С. 96.
- 338 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 642, 647.
- 339 *Sutton R.* The Despatches... P. 59, 66, 69.
- 340 *Ibid.* P. 67.
- 341 *Ibid.* P. 68, 69.
- 342 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 643, 644.
- 343 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 578.
- 344 *Sutton R.* The Despatches... P. 61.
- 345 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 583, 584.
- 346 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 642.
- 347 *Sutton R.* The Despatches... P. 66.
- 348 *Hurmuzaki E.* Documente... P. 88.
- 349 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2.
С. 353.
- 350 Там же. С. 354.
- 351 *Sutton R.* The Despatches... P. 61.
- 352 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1.
С. 580; Т. XI, вып. 2. С. 352, 354.
- 353 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 646.
- 354 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2.
С. 351.
- 355 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 648.
- 356 *Sutton R.* The Despatches... P. 66, 67.

- 357 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 648.
- 358 *La Motrey A. de.* Voyages... P. 13.
- 359 *Hurtmuzaki E.* Documente... P. 111.
- 360 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 584.
- 361 *Voltaire.* Histoire... P. 247.
- 362 *Kurat A.-N.* Der Prutfeldzug... S. 48.
- 363 *Voltaire.* Histoire... P. 247.
- 364 *La Motrey A. de.* Remarques... P. 45.
- 365 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 583.
- 366 Там же. Т. XI, вып. 2. С. 361.
- 367 Там же. С. 354.
- 368 Там же. С. 361.
- 369 *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 438. См. также: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. III. С. 373.
- 370 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 578.
- 371 *Sutton R.* The Despatches... P. 61, 71.
- 372 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 370, 391.
- 373 Там же. С. 12.
- 374 *Stählin J. von.* Original Anekdoten von Peter dem Grossen. Von Jacob von Stählin. Leipzig. 1785. S. 382. Цитата взята из: *Подъяпольская Е.П.* К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей. М.; Л., 1964. С. 316.
- 375 Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества, собранные в течение 40 лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб., 1786. Переводчик не был указан, но впоследствии известный библиограф В.С. Сопиков выяснил, что им был Т.П. Кириак. Московское издание: (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 315, сноска 10). Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным и переведенные на российский язык Карлом Рембовским. М., 1786.
- 376 Любопытные и достопамятные сказания... (письмо, приписываемое Петру I).

- 377 Подлинные анекдоты Петра Великого... С. 79.
- 378 Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. IV. СПб., 1830. С. 712, примеч. 2.
- 379 Голиков И.И. Деяния Петра Великого... С. 378, 379.
- 380 Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 438.
- 381 Устрялов Н.Г. Рассказ Штелина о письме Петра Великого к Сенату с берегов Прута // Месяцеслов на 1859 год. СПб., 1859. С. 375.
- 382 Щебальский П.К. Чтения из русской истории с начала XVII века. Варшава, 1861. Вып. II. С. 163, 164.
- 383 Соловьев С.М. История России... Кн. VIII. С. 388, 389.
- 384 Витберг Ф.А. О подложности известного письма Петра Великого с берегов Прута в Сенат от 10 июля 1711 г. // Древняя и новая Россия. Т. III. С. 256—268.
- 385 Подъяпольская Е.П. К вопросу... С. 314—318. См. также: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 572—575.
- 386 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 314, 315.
- 387 Павленко Н.И. Петр I. М., 1975. С. 207; Он же. Петр I. М., 2003. С. 197.
- 388 Подъяпольская Е.П. К вопросу... С. 316.
- 389 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 574 (комментарий; написан Е.П. Подъяпольской).
- 390 Там же. Т.Х. С. 72, 382, 383.
- 391 Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4. М., 1958. С. 164, 165.
- 392 Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 638.
- 393 Щербатов М.М. Ответ гражданина на речь, говоренную е[я] и[мператорского] в[еличества] обер-прокурором сената Неклюдовым по причине торжества шведского мира, 1790 сентября 5 числа // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 5. Отдел V. С. 46, 47.
- 394 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 558.
- 395 Там же. Т. XI, вып. 2. С. 38 и примеч. 2.
- 396 Мышлаевский А.Э. Война с Турцией... С. 285.
- 397 См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 37, 38. Полный текст реляции Ренне см.: РГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн. 30. Л. 45, 46.

- 398 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 37, 38.
- 399 Там же. Т. XI, вып. 1. С. 330.
- 400 Там же. Т. XI, вып. 2. С. 353.
- 401 РГАДА. Сношения с Турцией. Оп. 1. 1711. № 6-а. Л. 3, 4; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 588, 589.
- 402 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 30.
- 403 Там же. С. 384, 385.
- 404 Там же.
- 405 Там же. С. 322—324.
- 406 Там же. С. 324—326.
- 407 РГАДА. Сношения с Турцией. Оп. 1. 1711. № 8. Л. 3об.; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 326.
- 408 *Du Mont*. Corps universel diplomatique. Т. VIII. Partie I. P. 275, 276. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 326.
- 409 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 326.
- 410 Полное собрание законов Российской империи (первое) Т. IV. № 2398.
- 411 Сборник Русского Исторического Общества. Т. 34. С. 81.
- 412 РГАДА. Кабинет Петра. Отдел I. Кн. 13. Л. 93об.
- 413 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 353.
- 414 *Мышлаевский А.Э.* Война с Турцией... С. 330, 331.
- 415 *Poniatowski S.* Remarques... P. 97.
- 416 *Sutton R.* The Despatches... P. 48; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 577.
- 417 *Sutton R.* The Despatches... P. 54.
- 418 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 577.
- 419 *La Motrey A. de.* Trevels... P. 5.
- 420 *Sutton R.* The Despatches... P. 62, 63.
- 421 *Ibid.* P. 5. (См. предисловие.)
- 422 Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1889. Т. 66. С. 74.
- 423 *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения... С. 132.
- 424 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 1. С. 351.

- 425 Там же. С. 352, 353.
- 426 *Hurtmuzaki E.* Documente... P. 103, 109.
- 427 Цит. по: *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 642, 643.
- 428 Там же. С. 648.
- 429 Там же.
- 430 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 18.
- 431 Там же. С. 21.
- 432 Там же. С. 365.
- 433 *Русская Старина.* 1872. Июнь. С. 938.
- 434 Там же. С. 939, 940.
- 435 *Sutton R.* The Despatches... P. 58, 62, 67.
- 436 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 375, 376.
- 437 Там же. С. 447.
- 438 Там же. С. 453.
- 439 *Sutton R.* The Despatches... P. 71.
- 440 *Тейльс В.* Известия, служащие к истории Карла XII. С. 25, 26.
- 441 РГАДА. Сношения с Турцией. Д. 13. Л. 49, 50.
- 442 РГАДА. Кабинет Петра. Отдел I. Кн. 13. Л. 97.
- 443 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 393.
- 444 *Павленко Н.И.* Петр Первый. М., 2003. С. 194.
- 445 Впервые легенда о Екатерине была рассмотрена автором в рецензии на статью Курата. См.: *Водарский Я.Е.* По поводу работы турецкого историка о Прутском походе... С. 207–211.
- 446 *Юль Юст.* Записки... С. 368.
- 447 *Валишевский К.* Петр Великий. Дело. (Репр.). М., 1990. С. 74.
- 448 *Rabener J.G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russlands. Leipzig. 1725. S. 217.
- 449 *Nestesuranoi Iwan, par m.le b.* Mémoires du règne de Pierre le Grande... A la Haye. Amsterdam, 1726. Vol. 3. P. 362; Mémoires du règne de Catherine, impératrice... A la Haye, 1728. P. 29–32.
- 450 *La Motrey A. de.* Remarques... P. 43, 44.
- 451 Упоминается в депеше Флейшмана. См.: *Hurtmuzaki E.* Documente... P. 87.
- 452 *La Motrey A. de.* Voyages... P. 155, 156.
- 453 Ibid. С. 234. (См. примечание.)
- 454 *Gordon of Achintoul A.* The History... P. 28–31.
- 455 *Bruce P.N.* Memoirs of Peter... P. 44.

- ⁴⁵⁶ См.: Мышлаевский А.Э. Война с Турцией... С. 342.
- ⁴⁵⁷ Defoe D. An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Muscovy. L., 1723. P. 330.
- ⁴⁵⁸ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 6. С. 646, 647.
- ⁴⁵⁹ Sutton R. The Despatches... P. 70.
- ⁴⁶⁰ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 131.
- ⁴⁶¹ Там же. Т. 50. С. 474.
- ⁴⁶² Там же. С. 532.
- ⁴⁶³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 605.
- ⁴⁶⁴ Российский государственный исторический архив (в Петербурге). Ф. 468. Оп. 45. Д. 286. Л. 4об.
- ⁴⁶⁵ Соловьев С.М. История России... Т. VIII. С. 410.
- ⁴⁶⁶ Российский государственный исторический архив (в Петербурге). Ф. 468. Оп. 45. Д. 286. Л. 7об.
- ⁴⁶⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. 2. С. 41.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Численность и состав русской армии на Пруте
(в квадратных скобках даны правильные итоги)

Полк и его состав	Количество (чел.)	Полк и его состав	Количество (чел.)
Конница (8 драгунских полков)		Урядников и рядовых	981
Штаб-офицеров	32	<i>Итого</i>	1008
Обер-офицеров	218	<i>Общая численность по 4-м полкам гвардии</i>	
Унтер-офицеров и рядовых	6442	Штаб-офицеров	15
<i>Итого</i>	6692	Обер-офицеров	225
Гвардия (4 полка)		Урядников и рядовых	6796 [6146]
Преображенский полк		<i>Всего в 4-х полках гвардии</i>	7036 [6328]
Штаб-офицеров	4	Прочая пехота (4 дивизии, 26 полков, 55 батальонов)	
Обер-офицеров	94	Штаб-офицеров	77
Урядников и рядовых	1953	Обер-офицеров	782
<i>Итого</i>	2051	Унтер-офицеров, урядников и рядовых	23659
Семеновский полк		<i>Итого</i>	24518
Штаб-офицеров	3	<i>Общая численность кавалерии, гвардии и пехоты</i>	
Обер-офицеров	54	Штаб- и обер-офицеров	1349
Урядников и рядовых	1953	Унтер-офицеров, урядников и рядовых	36887 [36189]
<i>Итого</i>	2010	<i>Итого конницы</i>	6692
Ингерманландский полк		<i>Итого пехоты</i>	31554 [30846]
Штаб-офицеров	4	<i>Всего</i>	38246 [37538]
Обер-офицеров	23		
Астраханский полк			
Штаб-офицеров	4		
Обер-офицеров	23		

Таблица 2

Состав артиллерии в русской армии

Пушки	Количество	Мортиры	Количество	Гаубицы	Количество
12-фунтовые	2	Пудовые	2	Пудовая	1
8-фунтовые	8	6-фунтовые	21	Полупудовая	1
3-фунтовые	87				
<i>Итого</i>	<i>97</i>	<i>Итого</i>	<i>23</i>	<i>Итого</i>	<i>2</i>

Таблица 3

Численность и состав войск турецкой армии по равным источникам

Резерв		Суттон		Дезальер	
Род войск	Количество (чел.)	Род войск	Количество (чел.)	Род войск	Количество (чел.)
Конница		Конница		Конница	
Люди пашей и крупных феодалов	38043	Люди пашей и крупных феодалов	36000	Люди пашей и крупных феодалов	38043
Спаги и добровольцы	19819	Спаги и добровольцы	21400	Спаги и "удальцы"	19819
Пехота		Пехота		Пехота	
Янычары	20000	Янычары	20000	Янычары	20000
Янычары египетские	3403	Янычары египетские	3000	Янычары египетские	3403
Латники	10000	Латники	10000	Латники	12000
Боснийцы и албанцы	2000	Боснийцы и албанцы	20000	Боснийцы и албанцы	20000
Пушкари	7000	Пушкари	7000	Пушкари	7000
Работные люди	1400	Артиллерийские обозники	1500	Артиллерийские обозники	1400
<i>Итого конницы</i>	<i>57862</i>	<i>Итого конницы</i>	<i>57400</i>	<i>Итого конницы</i>	<i>57862</i>
<i>Итого пехоты</i>	<i>61803</i>	<i>Итого пехоты</i>	<i>61500</i>	<i>Итого пехоты</i>	<i>63803</i>
Всего	119665	Всего	118900	Всего	121665

Таблица 4

Потери русской армии по Ведомости Б.П. Шереметева (итоги исправлены)

Полки	Побито			"От ран померло"			"Безвестно пропало и в полон взято"			Итого*	Раненых	Всего
	Офицеров	Прочих**	Итого	Офицеров	Прочих	Итого	Офицеров	Прочих	Итого			
Преображенский	—	19	19	—	13	13	—	14	14	46	154	200
Семеновский	—	29	29	—	—	—	—	25	25	54	109	163
Ингерманландский	1	10	11	—	—	—	—	20	20	31	22	53
Астраханский	—	4	4	—	—	—	—	10	10	14	13	27
<i>Итого</i>	1	62	63	—	13	13	—	69	69	145	298	443
От лейб-гвардии [полки]												
Дивизии генерала Януса в 8 полках	15	212	227	—	31	31	—	229	229	487	269	756
От кавалерии												

	От инфантерии											
Дивизии генерала Вейде в 7 полках	2	44	46	1	25	26	—	117	117	189	102	291
Дивизии генерала Репнина в 7 полках	4	33	37	2	34	36	—	93	93	166	120	286
Дивизии генерала Аларта в 6 полках	10	136	146	5	23	28	—	39	39	213	488	701
Дивизии генерала Энсберга в 6 полках	2	50	52	2	24	26	2	176	178	256	57	313
<i>Итого [пехоты]</i>	18	263	281	10	106	116	2	425	427	824	767	1591
Всего	34	537	571	10	150	160	2	723	725	1456	1334	2790

* "Побито, от ран померло, пропало и в полон взято".

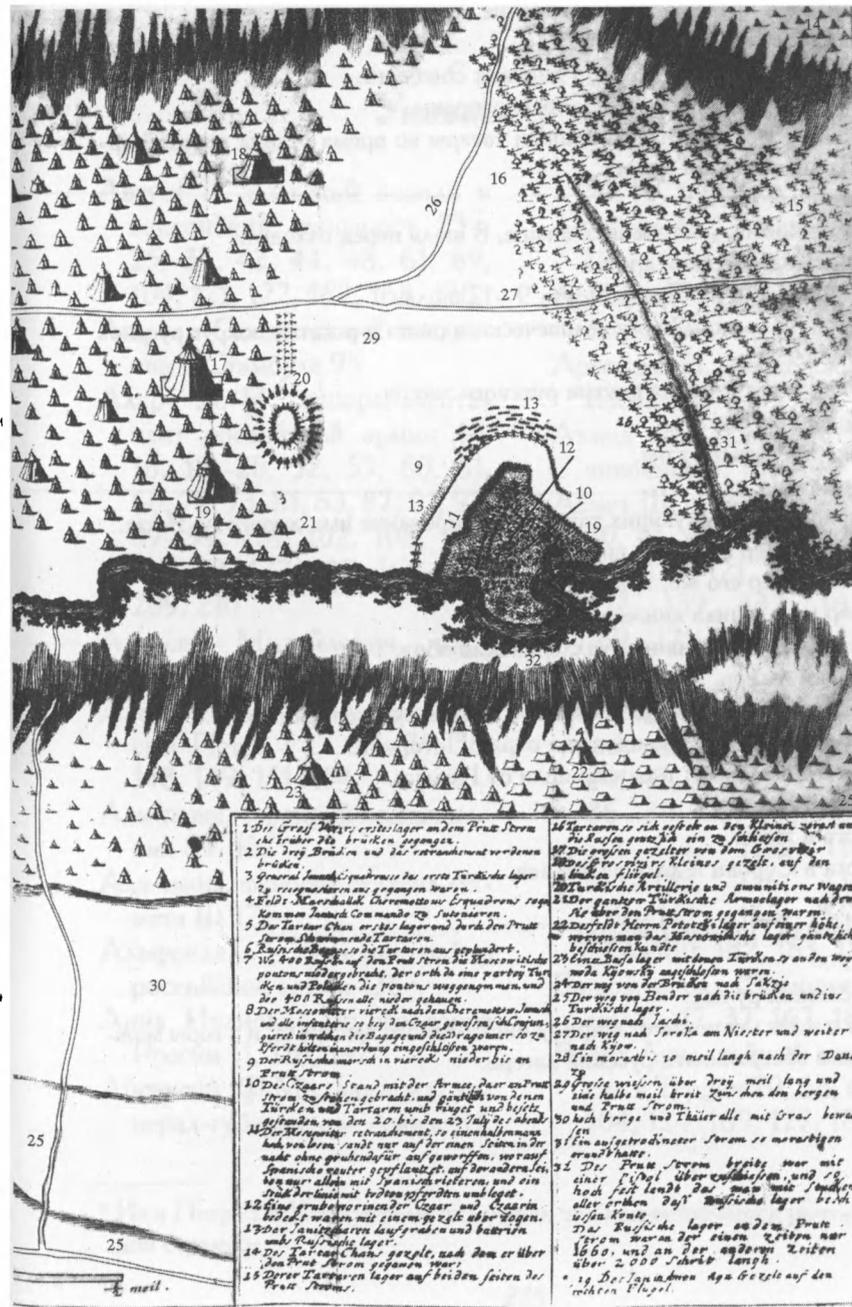
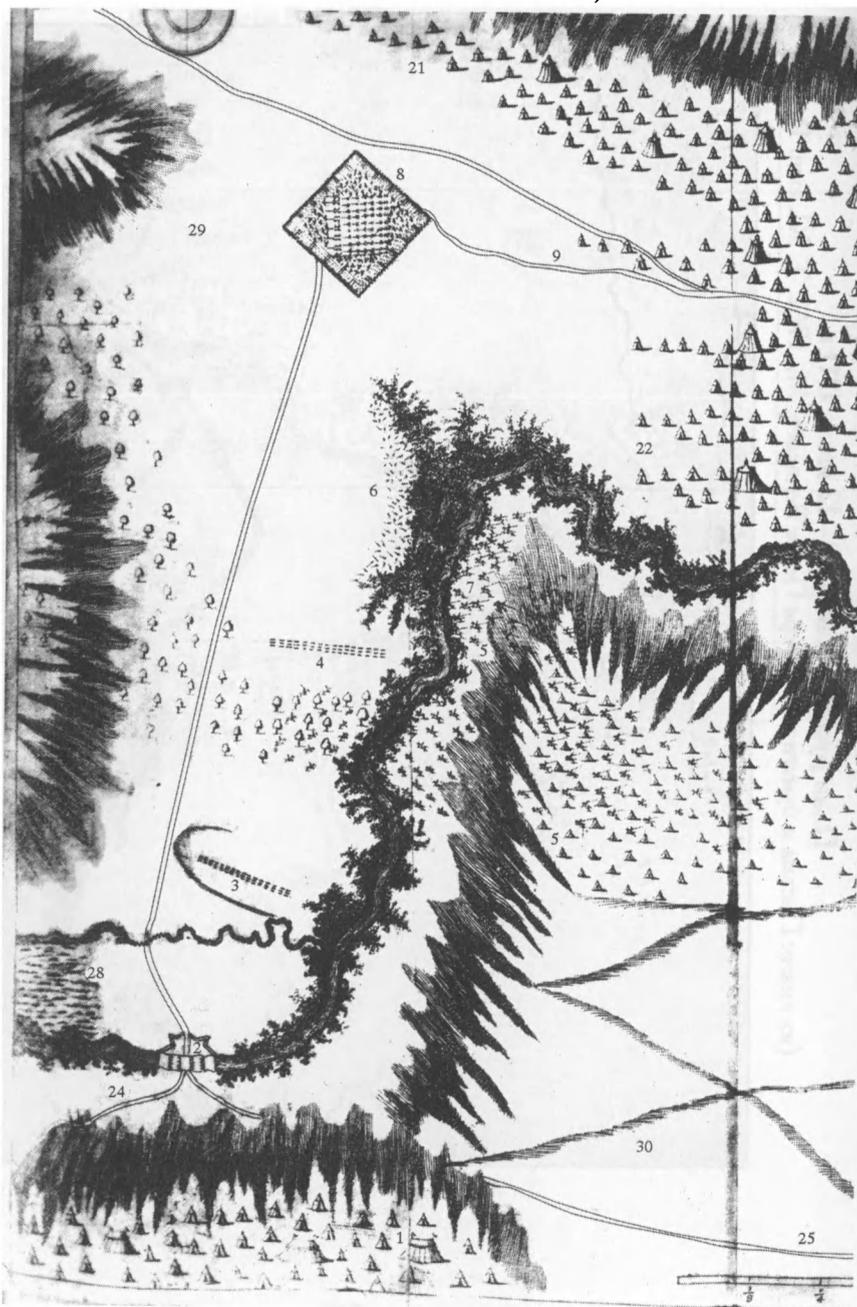
** "Унтер-офицеров, рядовых, заротных и неслужащих" (в графе "Всего" — правильные итоги).

Таблица 5

**Потери русской армии по данным Реляции
и Ведомости Б.П. Шереметева (чел.)**

Потери	Реляция	Ведомость
Убито [и умерло от ран]		
Генерал-майор Видман	1	Не учтен
Штаб- и обер-офицеров	44	44
Унтер-офицеров и рядовых	707	710
<i>Итого</i>	752	754
В полон взято и безвестно пропало		
Офицеров	3	2
Унтер-офицеров и рядовых	729	733
<i>Итого</i>	732	735
<i>Всего убито и пропало безвестно</i>	1484	1489
Ранено		
Генерал Аларт	1	
Генерал-майор Волконский	1	
Штаб- и обер-офицеров	93	
Унтер-офицеров и рядовых	1293	
<i>Итого</i>	1388	1388
<i>Всего</i>	2872	2877

План сражения 8—9 июля 1711 г.
 (из книги: *La Motrey A.de. Travels through Europe, Asia and into part of Africa. L., 1723. Vol. 2*)

1. Первый турецкий лагерь у того места, где были построены первые мосты через Прут.
2. Три моста и предмостное укрепление.
3. Отряд генерала Януса.
4. Подошедшая ему на помощь дивизия Энсберга.
5. Первый лагерь татар и место их переправы.
6. Русский обоз, на который напали татары во время отхода русской армии ночью с 8 на 9 июля.
7. Понтонный мост.
8. Русская армия, построенная в каре, 8 июля перед отходом.
9. Путь отхода русской армии.
10. Русский лагерь на берегу Прута 9—12 июля.
11. Песчаный вал в половину человеческого роста и рогатки вокруг русского лагеря.
12. Ставка Петра I и обоз внутри русского лагеря.
13. Траншеи янычар.
14. Ставка крымского хана.
15. Лагерь татар.
16. Расположение атакующих татар и блокирование ими дороги на Яссы.
17. Первый шатер великого визиря.
18. Второй шатер его же, куда он перешел из-за интенсивного обстрела.
19. Шатер начальника янычар.
20. Турецкая артиллерия и артиллерийский обоз.
21. Турецкий лагерь.
22. Лагерь поляков Потоцкого на горе против русского лагеря.
23. Лагерь турок, сопровождавших отряд Потоцкого.
24. Дорога, по которой турки пришли от Исакчи.
25. Дорога в Бендеры.
26. Дорога в Яссы.
27. Дорога в Сороки и дальше в Киев.
28. Болото.
29. Луг между Прутом и горами.
30. Горы.
31. Пересохший ручей.
32. Прут в этом месте имеет ширину пистолетного выстрела, и с горы можно было обстреливать русский лагерь.

Указатель имен*

- Август II, польский король и саксонский курфюрст 23—25, 35, 42, 44, 48, 61, 89, 104, 121, 122, 167, 168, 186
- Агерелл С., шведский посланник в Стамбуле 95
- Аларт Л.-Н., генерал-лейтенант российской армии 14, 16, 18—20, 52, 55, 60, 61, 66, 70, 73, 81, 83, 87, 91, 92, 97—99, 101, 102, 108, 109, 111, 112, 127, 129, 168, 177, 209, 210
- Алексей Михайлович, царь России, отец Петра I 11
- Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 13, 14, 31, 58, 148, 149, 151, 154
- Али-паша, турецкий военачальник 89, 137
- Али-паша, фаворит султана Ахмета III 175
- Альфендель, генерал-майор российской армии 136
- Анна Ивановна, императрица России 11, 116, 142
- Апраксин Ф.М., адмирал, генерал-губернатор Азова 11, 54, 55, 64, 142, 184
- Апухтин В.А., сенатор 149—151
- Арколео П., тайный агент России на Балканах 52, 53
- Артемьев Н., московский целовальник 174
- Ахмед бин Махмуд, турецкий чиновник 5, 104, 140
- Ахмет III, султан Турции 4, 34, 40, 41, 44, 46, 68, 88, 100, 117, 118, 121, 123, 126, 127, 132, 139, 142, 163—166, 169—171, 175—177, 180, 185
- Балтаджи-Мехмет-паша, великий визирь Турции 3, 4, 41, 44, 47, 48, 62, 68, 75, 85, 86—89, 98, 104, 106, 107, 112—114, 116, 118—126, 131—133, 136, 138—142, 159—161, 163, 167—173, 175—180, 182, 183, 185, 214
- Балюз, посол Франции в России 15, 17, 37, 167, 185
- Барка Лука, тайный агент России в Турции 20, 68, 69, 100, 104, 124, 169, 177, 185

* Имя Петра I в Указатель не включено, так как встречается почти на каждой странице.

- Барка Николай, переводчик
русского посольства, брат
Л. Барки 20, 118, 137
- Бассевич, посол Голштинии в
России 59
- Белов Е.А., историк 146
- Беляев О.П., историк 156
- Березин А., подьячий 174, 175
- Берхгольц В., генерал-лейте-
нант русской армии 66,
74, 115, 131
- Бестужев (Бестужев-Рюмин)
М.П., курьер посольства
116, 118, 173, 174
- Бестужев (Бестужев-Рюмин)
П., обер-комиссар 116, 174
- Бирон, фаворит императрицы
Анны Ивановны 116
- Борис Годунов, царь России 151
- Боцис Д.Ф., торговый консул
России в Венеции 51, 52
- Бразас, Бразе *см.* Моро
- Бранкован К., господарь Вала-
хии 28, 45, 48, 50, 51, 53,
62, 66—69, 74, 87, 88,
97
- Брюс П., капитан русской
армии 103, 151, 180
- Брюс Я.В., генерал-лейтенант
русской армии 55, 66,
103, 129
- Бурбон Ф., претендент на ис-
панский престол 22, 24
- Василевская *см.* Екатерина
Алексеевна
- Васильев М., глава московской
Таганной слободы 174
- Вейде А.А., генерал русской
армии 54, 60, 61, 66, 92,
100, 129, 136, 168, 174, 181,
209
- Вейсбах И.-Б., генерал-майор
русской армии 128
- Вейсброд Л.-Х., секретарь по-
сла Англии в России 37
- Видман, генерал-майор рус-
ской армии 79, 80, 84, 134,
210
- Вильбуа Н.П., поручик рус-
ской армии 82
- Вильгельмина Байрейтская,
маркграфиня 59
- Витберг Ф.А., русский ис-
торик 146
- Витворт Ч., посол Англии в
России 37, 38, 60, 184
- Волконский Г.И., князь, сена-
тор 150
- Волконский, генерал-майор 210
- Вольнский А.П., курьер по-
сольства 116, 118, 132, 133,
173, 174
- Вольтер, французский писатель
21, 22, 107, 117, 126, 140,
151, 179
- Габсбург К., претендент на ис-
панский престол 22, 23
- Гинтер И.Я., генерал-майор
русской армии 55, 73
- Голиков И.И., купец, издатель
144, 145, 156
- Голицын Д.М., киевский губер-
натор 55, 64
- Голицын М.М., генерал-лейте-
нант 41, 54—56, 61, 62, 129,
136
- Голицын П.А., сенатор 149,
150

- Головин А.А., генерал-майор 61
 Головин Ф.А., адмирал 24
 Головкин Г.И., канцлер 10, 39, 43, 65, 66, 72, 91, 95, 109, 129, 137, 138, 141, 160–162, 171–173, 175
 Головкин А.Г., посол России в Пруссии 91
 Голштинский, герцог 23
 Гордон А., генерал-майор российской армии 107, 109, 151, 179
 Густав-Адольф, король Швеции 23
 Гюйссен Г., агент Петра I в Вене 95
 Дауд-паша, начальник гарнизона Браилова 157, 159, 160, 162
 Девлет-Гирей, крымский хан 4, 28, 41, 44, 47, 54, 75, 114, 119, 120, 126, 139–141, 164, 166, 169, 175–177, 214
 Девьер А., генерал-адъютант Петра I 133
 Дезальер П., посланник Франции в Турции 36, 37, 95, 140, 207
 Дефо Даниель, английский писатель 182
 Долгорукий В.В., генерал-майор 55, 60, 61, 63, 66, 70, 77, 129
 Долгорукий Г.Ф., посол России в Польше 40
 Долгорукий М.В., сенатор 150
 Евгений Савойский, принц, австрийский полководец 77, 85, 137
 Екатерина II, императрица 142, 143, 147, 153, 155, 156
 Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина I 4, 6, 10, 13, 14, 18, 58, 60, 73, 90, 102, 104–108, 110–113, 116, 167, 177–180, 183
 Елизавета Петровна, императрица 82, 116, 142
 Иван Алексеевич, брат и соправитель Петра I 11, 59
 Кантакузин Ф., валахский воевода 67–69, 74
 Кантемир Д., господарь Молдавии 28, 45, 50–52, 62, 64, 65, 67, 68, 70–72, 86, 88, 97, 105, 121, 124, 125
 Каретта М., агент России в Венеции 51
 Карл XII, король Швеции 4, 6, 20–26, 28, 33, 67, 34, 40, 42, 43, 46, 48, 102, 103, 117, 119, 123–125, 131, 133, 138–141, 151, 164, 167–171, 175–177, 179, 181, 183, 185, 186
 Кастриот Г., представитель Бранкована 67, 69, 111
 Кизляр-ага, главный евнух 175
 Кикин А.В., приближенный Петра I 36
 Кишкин, курьер 137
 Ключевский В.О., историк 9, 150
 Кольер Я., посол Голландии в Турции 85, 141
 Кольцов-Масальский Я., комиссар 174
 Костеанул, македонец 46
 Крассау, шведский генерал 34

- Кропотов Г.И., бригадир и полковник 36, 64, 77, 92, 156
- Крюйс К.И., вице-адмирал российского флота 184
- Курат А.-Н., турецкий историк 5–7, 19, 20, 68, 77, 78, 84, 89, 94–96, 104, 106, 108, 117, 119, 140, 170
- Кьюрд Баурам оглу Ибрагим-паша, турецкий военачальник 137
- Ла Мотрей О., французский путешественник 20–22, 86, 100, 103, 104, 106, 107, 109, 117–119, 122, 123, 127, 136, 139, 140, 151, 169, 175, 178, 179
- Левенвольде Г.-И., уполномоченный России в Лифляндии 15, 41
- Левенгаупт, шведский генерал 28, 30
- Лефорт П., полковник российской армии 92
- Лещинский С., король Польши, посаженный на трон Карлом XII 20, 21, 24, 34, 36, 37, 40, 42, 46, 86, 94, 117, 121–123, 136, 139, 167, 168, 175
- Лоос (Лосс), представитель Августа II в России 73, 89, 104
- Людовик XIV, король Франции 37
- Магамат-паша, турецкий vizирь 137
- Мазепа И.С., бывший украинский гетман 29–31, 33, 35, 36
- Маркович Б., серб 52, 53
- Матвеев А.А., посол России в Голландии 38, 39
- Мельницкий Н.П., сенатор 149–151
- Меншиков А.Д., генерал-фельдмаршал 10, 14, 30, 31, 41, 47, 54, 55, 58–60, 74, 87, 100, 112, 150, 168, 181
- Меркулов П.И., староста московского Шелкового ряду 174
- Мехмет-паша, турецкий военачальник 89, 172
- Милляр, шведский министр 34
- Милорадович М., серб 52, 53
- Милославские, родственники Алексея Михайловича 11, 12
- Михаил Федорович, российский царь 151
- Молчанов Н.Н., историк 7
- Моро (Жан-Николя Моро де Бразе, граф Лионский), бригадир и полковник российской армии 4, 14–18, 41–43, 55, 66, 70–72, 74–88, 90–94, 97, 99, 101, 108–111, 115, 116, 119, 127–129, 134–136, 138, 139, 151, 167, 172, 178, 180, 182
- Мусин-Пушкин И.А., сенатор 149, 150
- Мышлаевский А.Э., историк 44, 45, 49
- Нарышкина Н., мать Петра I 11
- Наталья Алексеевна, сестра Петра I 59
- Небогатый, подьячий 137

- Нейгебауэр М., представитель
 Карла XII в Турции 30–32,
 36
- Неклюдов, обер-прокурор Се-
 ната 154
- Некульче И., молдавский гет-
 ман 68, 89, 101, 103, 105
- Нестесураной И., литератур-
 ный псевдоним 179
- Орешкова С.Ф., российский
 историк 6, 7
- Орлик Ф., гетман казаков, сто-
 ронников Карла XII 47, 54
- Осман, кегай великого визиря
 93, 98–100, 106, 119, 123,
 124, 135, 137, 171, 172, 175,
 177, 178, 185
- Остен, генерал-поручик рос-
 сийской армии 16, 66, 108,
 129
- Остерман А.И., переводчик по-
 сольства 116, 118
- Павленко Н.И., историк 7,
 146, 148, 152
- Перрен, тайный французский
 агент в Турции 48
- Петр Алексеевич, будущий
 Петр II 14
- Племянников Г.А., сенатор
 149–151
- Подъяпольская Е.П., историк
 146–148, 151, 154
- Понятовский С., представитель
 Карла XII и С. Лещинского
 20–22, 33, 34, 36, 40, 84,
 86, 89, 98–100, 117, 118,
 120, 122, 123, 125–127, 131,
 133, 136, 139, 140, 151, 169,
 175
- Потоцкий Ю., киевский воево-
 да 47, 94, 214
- Прасковья, вдова царя Ивана
 Алексеевича 59
- Пушкин А.С. 14, 15, 17, 18,
 101, 106, 141, 145
- Рабенер, немецкий биограф
 Екатерины I 178
- Рагузинский см. Савва Лукич
 Владиславич-Рагузинский
- Радищев А.Н. 156
- Ракоци Ф., венгерский князь
 48
- Рапп, перебежчик к туркам
 76
- Ремкимг, бригадир российской
 армии 16
- Ренне К.-Э., генерал росси-
 ской армии 57, 66, 74, 75,
 77, 87, 88, 94, 100, 134,
 156–162, 181, 183
- Ренцель, полковник российской
 армии 54, 92
- Репнин А.И., генерал 55, 58,
 60, 61, 66, 72, 91, 92, 129,
 209
- Рожнов, полковник 77,
 156–158
- Роза, граф, полковник росси-
 ской армии 179
- Роп (Ропп), полковник росси-
 ской армии 76, 77
- Румянцев-Задунайский П.А.,
 генерал-фельдмаршал 154
- Руссе де Мисси, французский
 литератор 179

- Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, советник Петра I 13, 45, 49, 52, 53, 66, 72, 121, 124, 125, 177, 185
- Салих-паша, турецкий военачальник 88
- Самарин М.М., сенатор 149—151
- Сафонов Ф., московский целовальник 174
- Семенников Ф., московский бургомистр 174
- Сент-Джон, руководитель внешней политики Англии 37
- Скоропадский И.И., украинский гетман 55, 64, 75
- Слухов В.И., староста московского Ветошного лоскутного ряда 174
- Соловцов, подполковник 159
- Соловьев С.М., историк 12, 145, 147
- Софья Алексеевна, сестра Петра I 11
- Спарре, представитель Карла XII при великом визире 169
- Стенбок, шведский генерал 35
- Стрешнев Т.Н., сенатор 150
- Суда Иван, де ля, переводчик российского посольства 116, 118
- Суттон Р., посол Англии в Турции 20, 32, 46—48, 67—69, 75, 83, 85, 93, 95—97, 100, 104, 119, 125, 126, 128, 134—137, 139, 141, 169, 170, 175, 176, 183, 207
- Талаба, агент венгерского князя Ракоци в Турции 48
- Тальман, имперский посол в Турции 28, 29, 65, 84—86, 88, 89, 95, 119, 120, 126, 131, 135, 139, 140
- Тарле Е.В., историк 9, 25,
- Тейльс В., секретарь голландского посла в Турции 85, 177
- Тенгберг Е., шведский историк 21
- Тимофеев С., староста московской Мещанской слободы 174
- Тимофей, подьячий российского посольства в Турции 13
- Типольт Ф., имперский резидент в Польше 77, 107, 109, 131, 172, 173
- Толстой П.А., посол России в Турции 10—14, 25—29, 31, 32, 35—37, 39—41, 43—45, 51, 55, 95, 186
- Третьяковский В.К., поэт 116
- Умер-эффенди, секретарь великого визиря 118, 122, 123, 133, 160, 168, 171, 172, 185
- Устрялов Н.Г., историк 145, 146
- Федор Алексеевич, российский царь, брат Петра I 11,
- Фейт, подполковник российской армии 81, 82
- Феофан Прокопович, архиепископ 72
- Флейшман, секретарь имперского посла в Турции 85, 86, 88, 89, 139, 172, 173
- Фляжников А., староста московской Хамовной слободы 174

- Фредерик IV, король Дании 23
Функ Т., посланник Швеции в
Турции 21, 95
- Чириков Л.С., бригадир 156,
159, 162
Чириков, подполковник 159
- Шарлотта Вольфенбюттель-
ская, принцесса 148, 149
- Шафиров П.П., подканцлер,
российский посол в Турции 4,
10, 11, 42, 66, 72, 75, 96,
101, 105–112, 115–126,
129–133, 137, 138, 140, 141,
145, 160, 165, 166, 168,
171–173, 175, 177, 179, 180,
185, 186
- Шепелев Д., унтер-офицер
гвардии, царский курьер 106,
108, 109, 112–114
- Шереметев Б.П., генерал-
фельдмаршал 3, 9, 10, 14, 17,
54–58, 60–67, 70–72, 75,
76, 80–83, 98, 104, 107–
112, 114, 115, 118, 120, 125,
129, 132, 134, 156, 158, 173,
180, 185, 208
- Шереметев М.Б., сын Б.П. Ше-
реметева, российский посол в
Турции 125, 130, 131, 133, 141,
165, 166, 172, 173, 175, 177,
185, 186
- Штейнгель В.И., декабрист 3
- Штелин Я., российский акаде-
мик 142–148, 151–155
- Шульц Ф., шведский сержант,
дезертир 30, 33–35, 46
- Щебальский П.К., историк 145
- Щербатов М.М., историк 143,
144, 146, 147, 151–156
- Эберштедт Янус см. Янус
- Энсберг (Денсберг), подпол-
ковник российской армии
128
- Энсберг Н., генерал российской
армии 16, 17, 66, 77, 82, 83,
92, 128, 129, 131, 136, 209,
214
- Эребо Р., сотрудник датского
посольства в России 70, 135
- Юберсбергер, немецкий исто-
рик 6
- Юль Юст, посол Дании в Рос-
сии 19, 59, 70, 101, 103, 105,
135, 177, 178
- Юрьев И., подьячий 116
- Юрьев Ф., московский цело-
вальник 174
- Юсуф-паша, турецкий воен-
начальник 28
- Ягужинский П., генерал-адью-
тант Петра I 133
- Яковлев А.А., участник Прут-
ского похода 77, 82, 105
- Яковлев П.И., бригадир 55, 57,
60
- Янус фон Эберштедт, генерал
российской армии 18, 40, 55,
61, 62, 76–89, 97, 99, 108,
129, 131, 157, 208, 214

Указатель географических названий

- Австрия 15, 22
Адрианополь (Эдирне), г. 44,
46, 64, 185
Азия 21
Азов, крепость 4, 23–26, 35,
42, 46, 96, 120, 122–125,
163, 170, 176, 177, 183–
185
Азовское море 4, 31, 183
Албания 49, 52
Англия 22, 23, 25, 37, 38, 68
Африка 21
- Балтийское море 23, 183, 184
Балтийское побережье 6, 7
Балтика 24
Белая Церковь, г. 54
Бендеры, г. 28, 29, 33, 34, 36,
44, 46–48, 64, 67, 68, 85,
94, 95, 141, 214
Березов, г. 116
Берлин, г. 91
Ближний Восток 12, 133
Браилов, крепость 4, 5, 87, 88,
134, 156–158, 160–162, 183
Бреславль (Брацлав), г. 60, 61,
63, 66
Буг, р. 43, 63
Буджак, южная часть Бессара-
бии 70, 94
- Валахия 50, 51, 67, 68, 70, 71,
73, 74, 87, 181
Великий Устюг, г. 12
Вена, г. 28, 68, 88, 95
Венгрия 18
Венеция, республика 15, 36,
51–53
Вертки, д. 64
Волоская земля см. Молдавия
Вольнь 31
Воронеж, г. 43, 46, 55
Вязьма, г. 58
- Галата, предместье Стамбула 48
Галац, г. 75
Галиция 31
Галлиполи, п-ов 47
Германия 23, 38, 167
Герцеговина 52
Голландия 23, 25, 37–39, 68
Голштиния, герцогство 24
Горки, с. 58
Гура Страмби, урочище 81
- Дания 23, 24
Данциг, г. 31, 73
Дерпт, г. 58
Дон, р. 23, 31
Днепр, р. 30, 54
Днестр, р. 43, 60–64, 66, 67,
70, 74, 134, 162

- Дубровник, республика и город 20, 45, 49
 Дунай, р. 19, 45—47, 49—51, 62, 64—66, 70, 73, 75, 78, 87, 88, 93, 135, 158, 159
- Европа 15, 21, 39, 133, 178
 Египет 47
- Жванец**, местечко 161, 162
- Измайлово**, с. 59
 Империя *см.* Священная Римская Империя германской нации
 Ингрия (Ингерманландия) 42, 117
 Исакча (Сакча), г. 47, 75, 88, 95, 173, 214
 Италия 12
- Каменный Затон**, крепость 35, 120, 122, 124, 163, 164, 170
 Карельский перешеек 23
 Карпатские горы 75
 Киев, г. 54, 186, 214
 Коверла, гора 75
 Константинополь *см.* Стамбул
 Корец, местечко 60
 Крым 27, 28, 44—46, 48
- Лесная, д. 28
 Литва 38, 44
 Лифляндия 23, 24, 38, 41, 42, 44, 117, 121, 167
 Лондон, г. 37, 47, 184
 Луцк, г. 60
 Львов, г. 60
- Македония 49, 52
 Максимин, монастырь 157, 158, 161
 Мариенбург, г. 58
 Мейнинген, г. 142
 Минск, г. 55, 57
 Мирополье, г. 60
 Могилев, г. 19, 67
 Молдавия 15, 17, 36, 49—51, 54, 66, 67, 70, 71, 93, 121, 122, 124, 133—135, 177, 181
 Москва, г. 27, 40, 55—59, 145, 171, 174, 184
 Московия, Московское государство *см.* Россия
- Нарва**, г. 24, 42, 117
 Нева, р. 23
 Немиров, г. 61
 Нидерланды *см.* Голландия
 Новгород, г. 10, 55
- Острог**, местечко 60
 Оттоманская (Высокая) Порта *см.* Турция
 Очаков, крепость 29—31, 33
- Переволочна**, местечко 30
 Перекоп, крепость 29
 Подолия 31, 55, 134
 Полонное, местечко 60
 Полтава, г. 4, 19, 22, 29, 61, 101, 103
 Польша 5, 22, 24, 25, 32, 34—38, 40, 41, 43—46, 48, 49, 55—57, 67, 68, 120, 124, 166, 168, 169
 Померания 23, 34, 37, 38, 40, 61, 167, 168
 Порта *см.* Турция

- Преображенское, с. 56
 Приазовье 55
 Прибалтика 23, 55, 58
 Причерноморье 170
 Прут, р. 4, 5, 42, 65, 70, 73, 75, 76, 78, 79, 82, 84–86, 88, 90, 92–94, 96, 97, 100, 110, 117, 133, 135, 139, 142, 144, 145, 147, 149, 152, 156, 160, 163, 176, 179, 181, 205, 214
 Псков, г. 42, 117
 Рагуза *см.* Дубровник
 Рашков, местечко 64
 Рига, г. 24, 41, 57
 Россия 4–6, 12–15, 18, 22–26, 28, 29, 31, 33, 35–41, 43, 45, 48–52, 54, 67–71, 86–88, 95, 97, 100, 102, 123, 124, 140, 142, 143, 149–151, 153, 155, 164, 166, 167, 169, 177, 181–186
 Румелия 28, 32, 84
 Саксония 15, 18, 23, 24, 37, 38
 Сакча *см.* Исакча
 Самара, река и крепость 120, 163, 170
 Санкт-Петербург, г. 15, 31, 42, 44, 56, 121, 144, 145, 167, 186
 Священная Римская Империя германской нации 22, 23, 25, 26, 37, 38, 48, 68
 Сербия 52
 Серезон, урочище 81
 Серет, р. 157, 162
 Сибирь 12, 116
 Слуцк, г. 58
 Смоленск, г. 56, 58
 Соловецкий монастырь 14
 Сороки 214
 Средиземное море 29
 Стамбул, г. 10, 20, 26–30, 33, 34, 36, 38, 40, 41, 45–48, 50, 68, 84, 85, 99, 109, 116, 121, 135, 141, 164, 169, 170, 185
 Стокгольм, г. 33
 Таганрог, крепость 23, 120, 122, 124, 163, 184
 Тверь, г. 24
 Троян, местечко 75, 76
 Турция 4–6, 13, 20, 22–33, 35–37, 39–41, 43, 45, 46, 48, 52, 53, 57, 58, 61, 62, 64, 65, 68, 87, 120, 121, 123, 125, 126, 132, 139–141, 149, 164, 166–168, 170, 176–178, 180–183, 185, 186
 Украина 35, 43, 45, 46, 55
 Умань, г. 54
 Фальчи (Фальцы), местечко 80
 Финский залив 23, 42, 117
 Фокшаны, г. 157
 Франция 16, 22, 23, 26, 36–38
 Хан Тепеси, холм на р. Прут 93
 Хуши, урочище 92
 Царьгород, Царьград *см.* Стамбул
 Черное море 25, 29, 42, 43, 121, 169, 184
 Черногория 53

Швеция 4, 13, 22, 23, 26, 29, 31,
34, 36–39, 41, 149, 181– 183

Эдирне см. Адрианополь
Эстляндия 23

Яворов, г. 66

Ярослав, г. 61

Яссы, г. 49, 64–67, 71, 75,
157, 161, 214

Оглавление

Историография Прутского похода и задачи исследования	3
Источники	9
Россия и Турция перед Полтавой	22
Дипломатическая борьба накануне Прутского похода	30
Планы сторон и начало Прутского похода	44
Начало военных действий	74
Сражение	90
Решение Петра I вступить в переговоры с турками и легенда о роли Екатерины	102
Переговоры и заключение Прутского мирного договора	113
“Письмо Петра Великого с берегов Прута”	142
Взятие Браилова, появление варианта Прутского мирного договора и легенда о подкупе великого визиря и драгоценностях Екатерины	156
Заключение	181
Примечания	187
Приложения	205
Таблица 1. Численность и состав русской армии на Пруте	205
Таблица 2. Состав артиллерии в русской армии	206
Таблица 3. Численность и состав войск турецкой армии по разным источникам	207
Таблица 4. Потери русской армии по Ведомости Б.П. Шереметева	208
Таблица 5. Потери русской армии по данным Реляции и Ведомости Б.П. Шереметева	210

План русского лагеря 9–12 июля 1711 г.	211
План сражения 8–9 июля 1711 г.	212
Указатель имен	215
Указатель географических названий	222

Научное издание
Водарский Ярослав Евгеньевич
Загадки
Прутского похода
Петра I

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Г.В. Шевцова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Ардова*
Корректоры
Т.И. Шепвалова, М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 02.11.2004. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Гарнитура Академическая. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,5. Усл.кр.-отт. 15,0. Уч.-изд.л. 12,0
Тираж 500 экз. Тип. зак. 3720

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3433) 50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnnet.ru;
akadkniga@nm.ru; <http://akadkniga.nm.ru>
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g23.relcom.ru
akadkniga@voxnet.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*

Я. Е. Водарский

Загадки Прутского похода Петра I

ISBN 5-02-033510-X

9 785020 335103

НАУКА